Хакеры 2

Имя	Синка
Фамилия	Не определена
Время действия	2007 год н.э.
Возраст	Не определен
Адрес	Форте-дей-Марми, Италия
Локация	Интернет
Предмет	Паук
Дар	Манипуляция
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пути-дороги двух бывших друзей давно разошлись. Лекс сколотил небольшую команду, которая занимается различного рода компьютерными преступлениями. Потихоньку поднимаясь с самых низов хакерского мира, он получает заказ от Лотара Эйзентрегера, который представляет одну очень могущественную организацию. Ник покинул офис на Тверской и пытается найти Синку. Во время поисков ему придётся встретиться с ростовским наёмником, боссом итальянской мафии, главой российской республики и одним очень влиятельным лицом в Ватикане. Все эти встречи, а также заказ Лекса и многое другое — части паутины, в которой запутываются жертвы девушки с разноцветными глазами и с фигуркой в виде паука из серебристого металла.

- Александр Чубарьян
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

Александр Чубарьян

Хакеры 2. Паутина

Пролог

Паук работал триста лет,
И сетью мир оплел.
– Ну, все, лиса, спасенья нет,
Конец тебе пришел!
(Детская считалка или же просто песенка)

Сингапур, 8 августа 2008 года

Как время-то бежит.

Совсем недавно мы сидели в подвале интерната, а сегодня вокруг нас стены кабинки колеса обозрения, которому очень подходит название «чертово».

Еще каких-то несколько лет назад ковырялись в песочницах бэйсика, а сегодня кодим на си плюс плюс и ассемблере.

Еще вчера у него не было ни одного друга, кроме меня, а сегодня на встречу со мной он привел дашнаков в качестве своих телохранителей. Теряюсь в догадках, что он стремился этим доказать.

Мы поднимаемся медленно, с едва заметными остановками. В глаза мне бросается рекламный щит вдалеке. Несколько иероглифов. На мгновение зажмуриваю глаза, а когда снова открываю их, со щита на меня смотрят латинские буквы.

Sacred carved letters[1]… дальше не успеваю разглядеть.

Наверняка реклама какой-нибудь очередной секты, духовному лидеру которой, как водится, открыты истины, до которых по непонятным причинам не доперло все остальное человечество. Здесь этих сект по десять штук на каждый

окрепший и неокрепший ум. И у каждой свои слова, свои иероглифы, своя истина.

Тем, кто клюет на удочку аферистов, я завидую только в одном – они все еще не разучились верить людям. Жрецам, гуру, наставникам – просто людям.

А я уже давно никому не верю. Разучился.

В последний мой приезд в Сингапур один из подобных адептов какого-то там учения зачем-то рассказал мне длинную притчу про крестьянина, который спас змею от смерти и в итоге погиб от ее укуса.

А я зачем-то выслушал эту историю и даже не заснул во время повествования.

Притча – все, что осталось в моей памяти от той бессмысленной поездки, и я до сих пор не могу врубиться в ее мораль. Что должен был сделать крестьянин? Не спасать змею? Добить? Или он должен был погибнуть, потому что так было записано в Книге Судеб?

А может, все дело в траве, которую крестьянин скосил за день до этого? Не скосил бы – и прошел мимо, не заметив змею, подыхающую в зарослях.

Черт! Басни Крылова куда понятнее и яснее, чем эти древние истории с многослойными философскими подтекстами и контекстами.

Ладно. На чем мы там остановились?

– А я думал, что ты уже сдох. Или гниешь в тюряге.

Не похоже на встречу двух братьев, да?

Вообще-то слова эти должен был бы произнести я, а не он. Процедить, выплюнуть сквозь зубы, чтобы он понял: никто не забыт, ничто не забыто.

Но я не чувствую к нему ненависти. Раньше была, да. Теперь ее не то чтобы нет – она перестала быть актуальной.

У меня просто нет времени на любовь и ненависть. Ценности изменились, и я давно простил его за то, что он когда-то сделал. М-м-м… если, конечно, это можно назвать прощением.

Кабинка «взмыла» уже метров на пятнадцать, и мне следовало бы хоть что-нибудь уже произнести, как-то продолжить разговор. Сказать что-то вроде: «Я тоже рад тебя видеть», например. Или: «Такая же фигня, браза».

А еще лучше сразу перейти к сути.

Только не сидеть истуканом, размышляя о притчах и прощении. Молчание затянулось, и теперь я теряю очки с каждой секундой.

Странно на самом деле. Я столько ждал этой встречи, а теперь не знаю, что сказать.

Может, спросить его, думал ли он, что будет делать со своей кредиткой, если мы не договоримся? А мы ведь, скорее всего, не договоримся.

Или поинтересоваться, соорудил ли он схрон, в котором лежат патроны, соль, спички, тушенка и прочая ерунда?

Наверное, стоит вспомнить какую-то историю из нашего с ним общего прошлого. А может, надо сразу перейти к делу и выяснить, чего он хочет и какую готов заплатить цену.

Да, так и сделаю. В конце концов, времени у меня немного.

«Ты ведь пришел сюда, чтобы начать войну? – спрошу я его сейчас. А когда он вопросительно или как-то там уставится на меня, добавлю: – Уверен, ты собрал уже много солдатиков, которым не суждено вернуться из боя».

Он, вероятно, скажет, что я-де лезу в чужой огород или что не понимаю, что творю, и тому подобное.

На что я отвечу ему: «Мы оба знаем, для чего ты здесь. Не юли! Ты знал, что увидишь здесь меня. И ты пришел не договариваться, как хотят того твои друзья, а наоборот, сделать все для того, чтобы мы не договорились. Ты все еще хочешь отомстить мне, хотя я давно тебя простил за твои гнусные дела. Тебе нужна война».

Он, наверное, начнет отнекиваться и говорить, что ничего личного здесь нет, но я перебью его и скажу что-нибудь вроде: «Так вот, я тебя обрадую. С вами никто не собирался договариваться. Мы готовы к войне и начнем ее после того, как гарант закроет встречу. Так что еще раз подумайте насчет огорода, прежде чем тявкать».

Нечего церемониться с ним. Я действительно простил его за прошлое, но не собираюсь прощать его действия в настоящем.

Набираю в грудь воздух, чтобы произнести первую заготовленную фразу. Странно.

Немного кружится голова, а еще я чувствую небольшую тревогу. Я списываю это на высоту, несмотря на то что никогда ее не боялся. Где-то внутри начинает шевелиться подозрение: дело вовсе не в высоте, – но я тру пальцами виски, и тревога улетучивается вместе с сомнениями.

Ветер толкает кабину в этот момент, несильно, но достаточно для того, чтобы палец соскользнул с моего виска и непроизвольно зацепил веко.

Линза выпадает из глаза и приземляется на мое колено. Замирает на ворсинках заморской ткани, слабо поблескивая в лучах солнца. Вот же дерьмо!

Факир был пьян, и фокус не удался.

Несколько секунд мы оба смотрим на линзу, потом я

небрежно стряхиваю ее в сторону. Тогда он поднимает голову и смотрит мне в глаза.

Он знает, что такое предметы. Я понимаю это, глядя на него. И он теперь знает, что у меня есть предмет. И, скорее всего, догадывается какой.

Что ж… это ничего не меняет, он только лишь чуть раньше узнал о своем поражении. Как это там, в песенке:

Лиса, смеясь, порвала Нить,
И лопнула вся Сеть.
– Теперь тебе не победить,
Готовься умереть!

У меня лиса, и его игра, по сути, проиграна. Я детектор лжи. Полиграф, которому не требуется задавать вопросы.

Если кто-то попытается совершить по отношению ко мне какую-то подлость, я узнаю про нее раньше, чем она окончательно оформится в коварный план в голове моего оппонента. Ну, может, не так скоро… но все равно очень быстро.

Меня можно обмануть, предать или подставить только в одном случае – если я это позволю. А я не позволю.

Слишком большой груз в прошлом. Наверное, сейчас я многое должен ему сказать, но все и так уже понятно, без слов.

Правда, дашнаки за его спиной меня смущают. Что-то в них не то. Мой предмет молчит – никаких видений, никаких предчувствий. Может, это нервное у меня?

Паническая атака – кажется, так. Мозг выхватывает нервоз и начинает его крутить в подсознании, не давая при этом сосредоточиться на проблеме. Ничего, лиса поможет в случае чего.

Интересно, а если бы у крестьянина из притчи была лиса из серебристого металла, которая меняет цвет глаз и дает возможность знать о любых интригах и опасностях задолго до их свершения, – если бы у крестьянина был этот предмет, смог бы он спастись от змеиных укусов?

Наверное, будь у него лиса, он прикончил бы эту змею и до кучи всех остальных змей в округе. И, скорее всего, соседей – от них всегда одни проблемы.

Так я и сделаю. Перебью всех змей, а если не получится, то хотя бы вырву им ядовитые клыки.

Мне надоело бегать. Надоело искать ответы на вопросы. Я сам смогу решить, какой ответ правильный. Мой.

Мы приближаемся к высшей точке колеса, и я наконец решаю нарушить молчание.

– Ты ведь пришел сюда, чтобы начать войну? – начинаю я. – Ты…

– Нет, – перебивает он меня, – я пришел, чтобы понять, ты управляешь Фрамом или Фрам – тобой.

И я снова испытываю приступ необъяснимой паники, и даже чертова лиса, висящая у меня на шее, не может помочь установить причину этого.

Глава 1. Понты

Москва, март 2007 года (события к 17 апреля, взлом МК)

Истории известно немного людей, которые, имея собственную пятикомнатную квартиру на Остоженке, проживали бы в съемной однушке в Жулебино. На ум сразу приходит Лева Зильберштейн, но Лева из другого анекдота, к тому же он сдавал свою «пятерку» какой-то богатой семье, а вот Лекс держал дорогую квартиру меблированной, но пустой.

Он наведывался на Остоженку в среднем один раз в месяц, проверить, все ли в порядке. Все остальное время проводил в Жулебино в съемной однокомнатной квартире: косметический ремонт, минимум мебели, бытовая техника, санузел совмещен, аванс за месяц вперед плюс коммуналка.

Подобный дауншифтинг был вовсе не из соображений безопасности, хотя именно в этом Лекс уверял себя всякий раз, когда заходил в лифт и морщился от запаха мочи.

Любой психоаналитик сразу определил бы причину: Лекс жил в Жулебино, потому что пытался доказать себе, что все, чем он занимался последние годы, было не ради денег. Не ради квартиры, плазмы и тысячедолларового вискаря. Не ради понтов современной жизни, которые Лекс ненавидел с тех пор, как побывал на ставропольском турнире Башни.

А ради чего?

Да кто его знает… наверное, ради процесса.

Полгода назад он и еще двое прогеров по заказу спецслужб «некоего государства» разработали серию вирусов «Стакс», которые были заточены под диверсии в тех местах, где сложными технологическими процессами управляют автоматизированные системы, а не люди. Заводы, аэропорты или атомные

электростанции, например.

Лекс знал, кто станет первой целью «Стакса», хотя заказчики старались этого не афишировать. Знали и его подельники, причем, в отличие от Лекса, не интересовавшегося политикой, это знание их воодушевляло не меньше гонорара. Работая над «Стаксом», они считали, что делают благое, «богоугодное» дело.

Обычно люди с такими знаниями долго не живут, но в случае с Лексом гарантом выступил «Синдикат Д», поэтому для него и его подельников было сделано исключение. Их отпустили, конечно же, предварительно объяснив, что если они где-то кому-то что-то сболтнут, то…

Лекс вернулся в Россию с исходниками вируса, сделал себе новую биографию (документы, внесение в различные базы данных, все как надо), поселился в Жулебино и…

В среде хакеров появился новый вид заработка – модификация «Стакса». Против этого вируса не было никаких лечилок. Заказчику достаточно было узнать характеристики железа, стоящего у конкурентов, и найти людей, пишущих код на трех языках: ассемблере, си плюс плюс и лиспе. Вирус выводил из строя некоторое оборудование, и работа останавливалась на некоторое время. Модификация вируса стоила от двадцати до тридцати тысяч долларов, убытки от вируса могли исчисляться сотнями тысяч.

Последние полгода Лекс собирал команду хакеров, писал и продавал модификации «Стакса», занимался мелким сетевым шантажом – и все это не из-за денег, конечно же, а исключительно для того, чтобы создать репутацию своей команде.

Репутация – вот что важно на самом деле. Анонимность осталась для лузеров и сетевых троллей, а нормальные пацаны должны в первую очередь заботиться о своем рейтинге, о своем имени… ну, точнее, нике. Авторитет команды играет большую роль при наборе новых членов. Кому охота работать вместе с никому неизвестными «Кислотными киллерами» или «Цифровыми дегенератами»! Другое дело, когда в портфолио – атака на «Тексако индастриз» и слив базы «Китано апгрейд». Тут уж можно расправить плечи и общаться с коллегами по цеху если не свысока, то как минимум на равных.

Да и заказчики, а точнее, их «представители», все чаще желали не разовых акций, а долгосрочного сотрудничества с надежной и проверенной временем командой. Встречи с клиентами «в реале» перестали быть чем-то из ряда вон выходящим.

Анонимность, еще несколько лет назад бывшая обязательной

для любого уважающего себя хакера, уже не имела столь большой ценности, как раньше.

Время идет, меняются люди, меняется мир. Какой смысл в анонимности, если есть «Синдикат Д» и ему подобные организации? Плати деньгами или услугами, и торговцы информацией землю будут рыть, но выяснят все, что тебя интересует. Ну, или почти все.

Вот и приходится иногда встречаться с «представителями» лично. Объяснять, договариваться или выслушивать претензии, например.

– Ты подводишь меня, Леша-джан. Очень подводишь.

Это Сервер. Именно так – с большой буквы. Здоровенный такой, жирный Сервак с пальцами, похожими на сардельки, которые нескромно увешаны фентелями с камушками. Ну, натурально – манекен из ювелирного магазина. Лиска после их первой встречи назвала его Мистер Понт. Что ж, она была права.

Сервер – пережиток девяностых, выживший в те нелегкие времена, вовремя переквалифицировавшийся в легального бизнесмена и выполняющий роль посредника между крупными акулами и различного рода криминальными элементами. Начиная от наркоманов, которые могут за дозу пырнуть неугодного журналиста, и заканчивая предводителями хакерских кланов вроде Лекса. С наркошами, конечно, не сам Сервер общается, а его шестерки, а вот Лекса удостаивает личным вниманием. Хотя это еще вопрос, кто кого удостаивает.

– Зачем так поступаешь, Леша-джан? Зачем теряться начал…

– Я не теряюсь. Говорю же, меня не было в стране на прошлой неделе.

– Знаю, Леша-джан, знаю. Как Сингапур? Понравилось? Я был в Сингапуре, мне там не понравилось.

В этом году Сервер называет себя грузинским евреем. И пытается соответствовать имиджу. У него не очень-то получается, но это его слабость, и ее ему обычно прощают.

Пару лет назад он был цыганским бароном, а до этого усиленно пускал слух, что он исконный нохчи и его корни уходят к тейпу Беной.

На самом деле в Сервере нет ничего грузинского, цыганского или чеченского. Он вообще безнациональный персонаж, родившийся то ли в Мурманске, то ли в Архангельске и живший там до своей первой отсидки. Во всяком случае, именно эту инфу Лексу предоставил Синдикат перед их первой встречей с Сервером в реале.

Просто сейчас модно намекать на свою причастность к посадке Мишико в президентское кресло, так же как пару лет

назад модно было гордиться связями с Вовой, Феликсом и остальными братьями Манченко.

– У меня человека там закрыли. Ты же в курсе, Север.

– Слыхал, слыхал… его, кажется, в Штаты экстрадировать собираются, да?

Вообще-то его погоняло Север. Сервером его Лекс за глаза называет, просто по приколу, без всяких аллюзий. Какой из него сервер, обычный толстый мешок с гов… кхм… с деньгами в любой валюте мира. Немного туповатый, немного злобный, но в целом обычный мужик из тех, которым всегда всего мало.

Связей у Севера прилично на самом деле. В конференц-зале его офиса на Таганке одна из стен увешана фотографиями, на которых его массивное тело тусуется в компаниях с теми, чьи лица украшают передовицы таблоидов. Режиссеры, олигархи, политики, телеведущие, спортсмены… Не исключено, конечно, что часть фоток сделаны в фотошопе.

Север любит понты во всех проявлениях, это его слабость. В жажде попонтоваться он любому нохчи или цыгану фору даст. Что ж, понты – это один из показателей репутации.

Стена напротив этих «фотообоев» вызвала у Лекса куда больший интерес. Плазма три на два, окруженная несколькими миниатюрными камерами, скорее всего, использовалась здесь для видеосвязи, но первое, что подумал Лекс, увидев этот экран: было бы неплохо погамать на таком экране в «Плейстейшен».

– Давай к делу, Север. В чем проблема?

– Ты так не говори, Леша-джан. А то я подумаю, что зазря на тебя наезжаю…

– А ты наезжаешь?

– Пока нет. Вы же пока целые сидите, невредимые.

Ключевое слово тут, видимо, «пока».

Север только с виду добродушный толстяк, а однажды, говорят, клюшкой для гольфа лично избил до полусмерти какого-то швейцарского банкира только за то, что тот неосмотрительно что-то там ляпнул нехорошее относительно его личности.

Лиска вот нервничает. Виду, правда, не показывает, но Лекс ее уже достаточно хорошо знает, чтобы уловить эмоции, настроение. Когда нервничает, она волосы пальцем крутить начинает.

Эта девчонка, кроме того что круто кодила на ассемблере, имела еще ряд несомненных достоинств, одно из которых – знание нескольких языков, причем на английском и французском она говорила, в общем-то, свободно. Очень удобно для работы в команде, где девять человек из пяти стран. В свое время именно это Лискино достоинство сделало ее главной помощницей Лекса,

для которого иностранные языки до сих пор оставались непреодолимой преградой.

Лекс не собирался ее с собой брать на эту встречу, она сама напросилась. Мол, если в первый раз вместе встречались, значит, и сейчас она должна присутствовать.

Ну-ну.

В первую встречу, на Рождество, Север ласковым был, как котенок. Весь такой вежливый, обходительный. Как сказала Лиска, импозантный мужчина. Улыбался, шутил, дорогущим коньяком угощал.

А сейчас, волчара, сидит, зубы точит потихоньку да к прыжку готовится. Даже чаю не предложил.

– Через месяц все будет готово…

– Мы договаривались, Леша-джан, что заказ в середине марта будет выполнен.

– Разве? Мы, кажется, сроки вообще не обговаривали.

– А подружка твоя сказала, что после мартовских праздников все сделаете. Было такое?

Было. В прошлый раз, когда он коньяком их напоил, Лиска болтливой не в меру стала. В смысле, хвастаться начала, что мол, они самые лучшие в мире, что им любое задание по плечу, а море по колено. Ну и ляпнула, что за два месяца все сделают, как два пальца об асфальт.

А два месяца как раз на днях вышли.

Они бы и сделали, да только Сайбера через месяц после этого разговора приняли в Сингапуре. Арестовали за какую-то ерунду, а дальше, как в песне: подняли старые папки, поняли, пассажир опасный…

Сайбер – индус. По-английски еле-еле говорил, зато кодил на лиспе как бог. Несколько лет он жил в Штатах, накуролесил там достаточно, чтобы его в международный объявили. После его ареста не то чтобы клан в безвыходном положении оказался, но определенные проблемы возникли. Надо искать нового прогера, а новый человек – это новый код с нуля, потому что ни один уважающий себя программист не станет работать с чужим недоделанным кодом и разбираться в его нюансах. На доделки-переделки-разборки больше времени уйдет.

Поэтому Лекс и летал в Сингапур на прошлой неделе, пытался подмазать, чтобы отмазать. Безуспешно. Американосы в последнее время на компьютерные преступления особенно злые, чуть ли не к терроризму приравнивают.

Экстрадиция и лет десять отсидки в каком-нибудь Синг-Синге Сайберу обеспечены.

– Так было такое или нет, Леша-джан?

Лиска удостоилась мрачного взгляда и стала еще активнее вертеть волосы.

– Апрель – это тоже после мартовских праздников…

– Ты со мной не играй в слова, Леша-джан. Я эту школу еще в магаданских зонах прошел. Срок был к середине марта, то есть сейчас. Слово не воробей…

Он начинал душить словами, как удав душит свою жертву. Медленно и верно.

– Да ничто не воробей, кроме воробья. Север, я тебе уже объяснил: у меня человека закрыли, возникли проблемы. Заказ мы выполним, в течение месяца. Если есть что сказать, то не надо ходить вокруг да около, скажи прямо, чего ты хочешь в сложившейся ситуации.

– Гонорар пополам, Леша-джан. За задержку штраф.

– Не пойдет.

– Что?

– Ты слышал, Север. Не будет никаких пополамов. Хочешь отжать наши деньги – тогда ищи других хакеров. Пусть они тебе взламывают мастеркарды, уничтожают всемирные банки, меняют экономическую систему и прочую хренотень, которую ты в прошлый раз втирал. И чтобы расставить все точки над «і», поясню сразу – аванс возвращать никто не будет.

Лиска, услышав эту тираду, открыла рот и ошарашенно хлопала глазами.

Задумался и Север. Видимо, не ожидал такой дерзкой реакции. Думал, Лекс сейчас канючить начнет, оправдываться.

А вот фигушки. Слабину показывать нельзя. Чуть только прогнешься, чуть только свою неправоту признаешь, и все. Коготок увяз – всей птичке пропасть.

– Ты, Леша-джан, такой смелый, потому что жадный?

– Дело не в деньгах, Север, и ты это понимаешь.

Конечно, он понимал. Все это понимают, что дело не в деньгах. На кону как раз репутация стоит, а ее за деньги не купишь. Поэтому сразу надо показывать, что из Лекса и его людей веревки вить не получится.

В принципе Северу ничего не стоит грохнуть их обоих – и Лекса, и Лиску. Прямо здесь, не вставая с места, вызвать по интеркому охрану и прописать им по пуле в голову. А может, и лично. Из какого-нибудь золотого «Десерт Игла» с рукояткой, инкрустированной бриллиантами.

Только он этого не сделает. Потому что после этого с Севером ни один хакер работать не станет, а если кто-то и станет, то заказ, о котором сейчас речь идет, он не выдюжит. Была и еще одна причина: «Армада» в этой сделке имеет небольшую долю,

присутствуя лишь в роли гаранта. Проблемы с ней решить Север, конечно же, сможет, да только станет это ему в такую сумму, что…

Долго думал Север. Лиска себе уже по второму разу завивку сделала, пока он размышлял да суровым взглядом на них посматривал.

Наконец нарушил молчание. От былой вежливости и следа не осталось.

– Через месяц все сделаете?

– Да.

– Сто пудов?

– Сто трудов. Ты меня еще расписку попроси тебе написать. Что за детский сад?

– Через тридцать дней жду тебя здесь с результатами, – процедил Север.

– Можешь готовить деньги, – сказал Лекс, поднимаясь со стула.

Лиска подскочила как ошпаренная.

Выходя из кабинета, Лекс заметил, что Север посмотрел в сторону плазмы и вроде как развел руками.

Лифт в офисе Севера тоже был с понтами. Резные позолоченные набалдашники на перилах, бархат, зеркала, мягкая подсветка и лифтер в ливрее швейцара.

– Когда ты ему хамить начал, я думала, он тебя прибьет, – шепнула Лиска.

– Я ему не хамил, – так же шепотом ответил Лекс. – Потом поговорим.

Когда они вышли из офиса, Лиска фыркнула.

– Вот козел старый, к словам прицепился, чтоб денег сэкономить.

– К твоим словам, – уточнил Лекс.

– Я же образно выражалась. А он сразу штрафы.

– Думаешь, Север эту встречу назначил, чтобы денег выморозить? – спросил Лекс у девушки.

– А ты думаешь, по какой-то другой причине?

Лекс пожал плечами. Его не покидало ощущение того, что эти «качели», длившиеся почти час, на самом деле были предназначены для какой-то другой цели и Север просто разыграл спектакль, даже не рассчитывая сэкономить немного денег или же ускорить процесс.

– Надо еще людей, – сказала Лиска. – За месяц можем не успеть. Жан и Кэтчер модификацией заняты, а нам еще лиспер нужен вместо Сайбера.

Девушка была права, и Лекс понимал это. Проблема в том,

что сложно найти за столь малое время кого-то надежного и толкового.

– У тебя есть кто-то на примете?

Лиска мотнула головой.

– Не-а. Но можно поспрашивать. Кстати, сегодня в «Джаггернауте» сходка рубордов.

Странный форум Ру.Боард являл собой сборище людей, которые, сидя на ресурсе, трепались обо всякой ерунде, занимаясь флудом, а раз-два в месяц устраивали сходки в реале, на которых пьянствовали и одновременно решали разные важные дела. Среди них много хакеров, в том числе и безработных, – в принципе можно найти подходящую кандидатуру.

– Там вся тусовка будет, – добавила Лиска.

– Пойдешь?

– Да, хотела сходить.

– Ну, вот и пообщайся там, может, кто кого присоветует. В идеале – русскоязычного. Тест, аванс, как обычно.

Лиска замялась, потом неуверенно предложила:

– Может… может, вместе сходим?

– Не, занят сегодня, – мотнул головой Лекс, а потом неожиданно спросил: – Слушай, у тебя не бывает такого: когда за монитором долго сидишь, потом встаешь, и такая рябь перед глазами, только не все, а вот как будто некоторые объекты?

– Нет, – пожала плечами Лиска. – А у тебя проблемы со зрением?

– Не знаю, – ответил Лекс. – Иногда на буквы смотрю, а вижу…

– Иероглифы?

– Ну да, что-то вроде того.

– После того как у монитора долго посидишь?

– Да нет, – ответил Лекс. – Бывает, что и без монитора.

– Тебе проверить зрение надо, – с неподдельной тревогой сказала Лиска. – Слушай, я серьезно, запишись к окулисту.

Она попыталась заглянуть Лексу в глаза, словно могла там увидеть какие-то тревожные симптомы, но Лекс уклонился, мягко отведя ее руки в сторону.

Лиска, в общем-то, неплохая девчонка, но вот эти ее постоянные попытки окружить Лекса материнской заботой – раздражали.

– Ладно, я домой. Если найдешь кого-то, звони. А, и нашим всем сообщи, что завтра в три по Москве всем в Сети быть.

Махнув на прощание, Лекс направился к стоянке такси. Лиска еще долго стояла и зачем-то смотрела, как он садится в машину, и, лишь когда он проехал мимо, двинулась в сторону метро.

Глава 2. Лиска

Москва, март 2007 года

Ты убрала игрушки в своей комнате?
Ты почистила зубы?
Ты помыла посуду?
Ты сделала домашнее задание?
Ты подготовилась к экзаменам?
Ты сдала сессию?

А еще:

Не сиди долго за компьютером, зрение испортишь.
Не гуляй поздно, мать волнуется.
Не смотри эти дурацкие фильмы, в них одно насилие.
Не дружи с Геркой, он плохой.
Не надевай эту короткую юбку, выглядишь как проститутка.

Слушай папу, слушай маму. Слушай отца, слушай мать. Бабушка тебе что сказала? А ты почему не сделала… бла-бла-бла… Зачем, почему, как ты могла, как тебе не стыдно… Лиза, ну когда же ты повзрослеешь…

Да никогда!

Лиска терпела все это с самого детства. Постоянные одергивания, поправления, наставления, нравоучения. Думала, что все прекратится, когда она окончит школу, потом надеялась, что прекратится, когда поступит в институт… не закончилось, не прекратилось.

Ее считали немного ненормальной, хотя, конечно, вслух этого не говорили. В понимание родителей о нормальности не вписывалась девочка, которую интересуют ассемблер и история эльфов, а настольной книгой являются экслеровские «Записки невесты программиста».

Когда отец впервые услышал о том, что Лиска увлекается ролевыми играми, то, не разобрав, о чем речь, пообещал ее

выпороть. Потом, правда, до него дошло, что речь идет не о сантехниках и монахинях, но мнение свое не изменил.

Интернет родители искренне считали рассадником зла и похоти. Лиске не запрещали пользоваться компьютером, но всякий раз капали на мозги, шпыняя ее неприятными намеками на то, что, если все так будет продолжаться и дальше, она плохо кончит.

А сейчас что, все хорошо?

С Лексом она познакомилась, когда училась на втором курсе. Приближалась зимняя сессия, некоторые преподы чуть ли не в открытую заявляли, что без денег тройки и зачеты получат только лучшие из лучших. У Лиски благополучно было только с информатикой и английским, а все остальные предметы… короче, были нужны деньги. И желательно побольше, поскольку у Лиски появилась новая мечта – снять квартиру и убраться подальше от нравоучений.

Тут и подвернулся Лекс со своим тестовым заданием, выполнив которое Лиска получила свой первый гонорар. Потом еще задание, еще… потом Лиска удостоилась личной встречи, на которой Лекс обрисовал ее будущее, если она «бросит учебу и займется делом».

Зимнюю сессию Лиска не сдала. Хотя родителей, конечно же, заверила в обратном. Одновременно сообщила еще одну новость: объявила, что уходит из дома. Будет снимать квартиру вместе с подружкой, потому что институт близко и заниматься вдвоем легче.

Мать – в слезы, отец – за валокордин, бабушка хранила суровое молчание, в котором читалось неодобрение, чуть ли не презрение. Но Лиска стояла на своем и в конце концов все же покинула отчий дом. Не хлопнув дверью, но с обидами.

Она появлялась дома примерно раз в месяц, отвечала на тысячи вопросов, выслушивала тысячи увещеваний о том, что должна вернуться домой, и безуспешно пыталась доказать, что уже вполне взрослая, чтобы жить самостоятельно.

Возвращаться Лиска не собиралась ни за какие коврижки. Родители исправно трепали нервы во время телефонных разговоров и редких визитов, увеличивать продолжительность нервотрепок Лиске не хотелось.

Она завидовала Лексу – детдомовский сирота, не обязанный ни перед кем отчитываться за свои действия, свободный от опеки, независимый. Хотя сам Лекс явно был иного мнения. Впрочем, он предпочитал не распространяться на эту тему. Едва Лиска пыталась пожаловаться на свою «тяжкую долю», он лишь пожимал плечами и переводил разговор в другое русло.

Впрочем, Лекс вообще не разговаривал с Лиской на какие-нибудь темы, не связанные с кланом и хакерскими делами. Со стороны могло даже показаться, что он избегал любого общения, если оно не было связано непосредственно с работой. И, странное дело, такое равнодушие не отталкивало Лиску, а наоборот, притягивало к нему.

Хотя, конечно, если бы Лекс согласился пойти сегодня вместе с ней в «Джаггернаут», то Лиска определенно была бы счастлива.

Кабак, названый в честь корабля орков из «Военного ремесла», находился на Новослободской в подвале девятиэтажки, в двадцати минутах ходьбы от метро. Это было заведение для своих, любой чужак здесь выглядел белой вороной и чувствовал себя как минимум неуютно. Не удивительно – тридцатипятилетний хозяин кабака, дварф Моррид, в миру Егор Жигулин по прозвищу Дед, делал клуб исключительно под себя и единомышленников.

Вечеринка была в самом разгаре. Сегодня здесь довольно большая движуха с соответствующей программой. Пиво рекой, барашек на вертеле, куча гостей из ближнего и дальнего зарубежья. Свои стихи читал Олег Груз, к полуночи ожидался Ноггано, с которым Дед не то чтобы корефанился, но был в достаточно приятельских отношениях. В другой день Лиска зависла бы здесь до утра, залившись до бровей пивом или какими-нибудь «ацкими коктейлями», но сегодня перед ней стояла другая задача.

– Лиска! Сколько лет, сколько зим!

Хозяин «Джаггернаута», коренастый бородач, и в самом деле напоминал гнома, даже когда был одет не в рубаху из мешковины, а в костюм от Гуччи стоимостью в полторы тысячи долларов. Напоминал не только внешне, но и характером – бесшабашным, разгульным.

Говорят, его дядя имел какой-то совместный бизнес с Виктором Бутом. Лиска не знала, правда это или нет, но у Жигулина всегда было хорошо с деньгами и, как следствие, с прекрасным настроением.

– Чистого неба тебе, Дед. Как сам?

– Спасибо дяде, все в поряде. Ты куда пропала вообще? На форуме не появляешься, на сходки не приходишь…

– Ну вот, пришла…

– Так сегодня ж не наши, сегодня у рубордов туса. – Дед обвел клуб рукой. – Глянь, тут одни кодеры-шмодеры, ни одного ролевика, кроме нас с тобой.

– Ага, я в курсе. Мне с Димоном поговорить надо, здесь он?

– Там, у сцены, Груза слушает.

Прорвавшись сквозь толпу незнакомых лиц, Лиска нашла Димона Руборда – одного из идеологов компьютерного форума, активиста, который и организовывал все московские сходки в реале.

Хотя они несколько раз уже виделись, Димон Лиску признал не сразу. Он был уже прилично поддатый и охотно выпивал с каждой знакомой и незнакомой мордой.

Все же узнал, обнялись-поцеловались, а когда Лиска сообщила, что есть важное дело, протрезвел и отвел ее подальше от динамиков, поближе к барной стойке.

– Рассказывай. И пей.

– Мне программист хороший нужен. Пить не хочу.

– Ну, тут кагбэ все хорошие программисты. Пей.

Он так и сказал, «кагбэ», что прозвучало как КГБ.

– Лиспер нужен.

– Есть лисперы. Пей. На трезвую с тобой никто говорить не будет. Здесь не пьют только мудаки из конторы, поэтому трезвым не верят. Давай, за то, чтобы все несвершенное свершилось, а несовершенное стало совершенным.

Димон чуть ли не насильно всучил Лиске «Б-52» и заставил выпить.

– Теперь рассказывай, что за тема?

Лиска в сочных красках описала предстоящую работу. Без подробностей, конечно. Так, в общих чертах – мол, денег немеряно, работа в команде профессионалов, возможно дальнейшее сотрудничество и т. д., и т. п.

Однако стоило ей намекнуть, что работа не вполне законная, как Димон тут же поскучнел и махнул рукой. Сказал неуверенно, даже с сожалением:

– Слушай, тут такое дело… Народ сейчас на легальных темах нормально зарабатывает, на криминал мало кто подписывается. Управление «К» гайки закручивает туго, они, как новые полномочия получили, коммерсов перестали прессовать и вроде как делом занялись… Не поверишь, тут больше половины людей на опен сорсе сидят. Каждый день в офис и обратно, на фрилансе уже никого и не осталось. Куда мир катится…

– Что, вообще никого нет?

– Не, ну есть, наверное, только… кого бы тебе присоветовать, даже не знаю.

Димон задумался, стал рассматривать толпу.

– Вон, видишь, парень в углу сидит?

За двухместным столиком сидел парень лет двадцати пяти, чем-то похожий на Лекса. Перед ним стояла кружка с пивом, но похоже, он к ней даже не притрагивался. Возился с

коммуникатором, изредка поглядывая вокруг, но без особого интереса.

– Кто это?

– Из Питера пацанчик. Между прочим, один из разработчиков «Вконтакта». Сейчас вроде безработный.

– Разработчик? – скептически хмыкнула Лиска.

– Ведущим прогером был, – на полном серьезе пояснил Димон.

– А чего ж ушел?

Вопрос вполне закономерный, потому что действительно талантливые сотрудники, тем более ведущие программисты, из стремительно набирающих обороты компаний так просто не уходят. Их держат всеми доступными способами, и они не теряют работу, разве что им предложат что-то более высокооплачиваемое. Другими словами, ведущий прогер «Вконтакта» никогда не станет безработным, это нонсенс.

– Ну… этого я не знаю и вряд ли узнаю. Но смысл в том, что до «Вконтакта» он хакерством промышлял. Только…

– Только что?

– Насколько я понял, он не работу ищет.

– А что же он ищет?

– Ну, он, я слышал, сюда из Питера приехал какую-то девушку найти.

– Как романтично, – пробормотала Лиска. – Больше никого не посоветуешь?

Димон пожал плечами. Судя по всему, больше он не знал, кого советовать. Как бы между делом он подвинулся к Лиске поближе, и девушка на всякий случай чуть отодвинулась. Она еще по прошлым сходкам помнила, что пьяный Димон являет собой микс из добродушного парня и сексуального маньяка.

– Даже не знаю. Знаешь что… – Димон сделал вид, что только что ему в голову пришла здравая мысль. – Мы можем поехать ко мне и обсудить…

Договорить он не успел. Тренькнула мобила (как только услышал в этом шуме), прогер полез за телефоном, а прочитав SMS, удивленно воскликнул:

– Ну надо же! На ловца и зверь бежит.

– В смысле?

– Алекс Андерс, не слышала про такого?

Лиска покачала головой.

– Не слышала. А должна была?

– Он в прошлом году тусил со спамерами из «Честера». Ну, те, которые на Бали уехали перед Новым годом. Писал им что-то на лиспе, говорили, что хорошо кодит.

– И где он?

– Скоро подъедет сюда. Думаю, это как раз тот, кто тебе нужен. Только…

– Только что? – устало повторила Лиска. – Тоже работу не ищет?

– Не, он как раз за любой движ, кроме голодовки. И кодит вроде бы хорошо. Только спамеры говорили, что он парень своеобразный, с тараканами в голове.

– Покажи мне хоть одного прогера без тараканов в голове? – хмыкнула Лиска. – Когда этот Андерс подъедет?

– Написал, что выехал и в течение часа будет.

– Ну, тогда, может, пока меня с этим питерцем познакомишь? – Лиска кивнула на сидящего в углу парня.

– Может, и познакомлю. Только сначала выпьем. За завершение незавершенного.

Скромного, сидящего в углу парня с коммуникатором звали Никас, и он действительно не искал работу. Точнее, он, может, и согласился бы, но едва Лиска намекнула, что работа выходит за рамки законодательства, покачал головой.

– С деньгами у меня все о'кей, – равнодушно сказал он. – Поэтому неинтересно. Но в любом случае спасибо за внимание.

Никас вроде как улыбался и пребывал в хорошем настроении, но когда Лиска посмотрела ему в глаза, то ей даже сделалось немного жутко. Молодой симпатичный парень, а глаза – как у старика, усталые, отрешенные.

И снова Лиска почему-то сравнила его с Лексом. Его голос, внешний вид… а еще, пока Лиска с ним разговаривала, ощутила то же самое волнение, которое обычно появлялось, когда она встречалась с Лексом.

И когда он отказался, Лиска почувствовала то же самое разочарование и сожаление, какое было сегодня, когда она предложила Лексу сходить в «Джаггернаут» вместе.

Зато второй кандидат в клан оказался именно тем, кто был нужен. Правда, когда Андерс появился, Лиска уже успела употребить около дюжины «Б-52» и выслушать несколько непристойных предложений от Димона.

Андерс, худой тип в возрасте от тридцати и выше, был с ног до головы покрыт татуировками, – они выглядывали из-под манжетов рубашки, из-за воротника.

Когда Димон подвел Андерса к Лиске, та посмотрела на его руки, на шею, потом заплетающимся языком поинтересовалась:

– За что сидел?

– Я не сидел, – обиделся Андерс. – Это же не тюремные портачки, а так, для красоты.

– Красиво, – пьяно подтвердила Лиска. – Это змея или дракон у тебя на шее?

– Это иероглиф. – обсуждать татуировки Андерс явно не хотел. – Что за тема у тебя?

Лиска в нескольких словах как смогла объяснила: надо сделать тестовое задание, и по итогам предстоит собеседование с главой клана.

Андерс согласился, почти не раздумывая. При этом не обратив никакого внимания на то, что тема незаконная, – ему действительно было все равно.

– Главное, чтобы было интересно и достойно. Ну, и чтобы бабло соответствовало.

Лиска заверила, что с этим все будет в порядке. Обменялись координатами для связи, после чего Андерс отправился тусить по клубу, а Лиска в состоянии штормового предупреждения стала искать дорогу домой.

У выхода ее нагнал Димон.

– Лиска, может, дашь, а? – спросил он, почему-то грустно. – Посмотри, блин, тут одни кобылы, а ты одна среди них принцесса.

– Не-а, Димон, не дам, – покачала головой Лиска. – Я вообще другого люблю и изменять ему не буду.

– Кто он? Скажи мне, и я его убью! – пафосно произнес Димон.

– Не, Димон. Тогда я убью тебя за него.

– Ну, пойдем тогда выпьем. За завершенство… свершенство… совершенство… Блин, все, пить больше нельзя. У меня тост – маркер… Лиска, не бросай меня!

– Бай-бай.

Чмокнув на прощанье Димона в щеку, Лиска вышла на ночную улицу.

Она тоже была сильно пьяна, и даже свежий воздух не отрезвил ее. Достала мобильник, набрала номер главы клана.

Лекс, конечно же, не спал. Скорее всего, сидел у компа, так как ответил достаточно бодро:

– Да?

– Я нашла лиспера, – пьяно произнесла Лиска. – Нужно тестовое задание.

– Хорошо, сегодня подумаю, к утру скину.

Опять волнение, как обычно. И слова путаются, и мысли – хотя, возможно, это из-за алкоголя.

Помолчав немного, Лиска неуверенно предложила:

– Хочешь, приеду, вместе подумаем…

– Нет, – резко ответил Лекс и чуть мягче пояснил: – Занят.

Лиска вздохнула. Молчание затянулось, и Лекс поинтересовался:

– У тебя все?

Этот холодный равнодушный тон действовал как контрольный выстрел. Убивал любые попытки развить какую-нибудь тему для разговора. А так хотелось, чтобы он хотя бы просто спросил, как, мол, у тебя дела. Впрочем, и эта глупая сентиментальность – следствие выпитого в кабаке. В конце концов, он ведь не обязан это делать.

– Да, все.

– Тогда завтра в три на приватке.

Лекс отсоединился. Лиска посмотрела в сторону такси, затем повернулась и посмотрела в сторону «Джаггернаута».

Мелькнула шальная мысль – а может, послать сегодня все к черту, вернуться и найти Димона?

Так и не решившись, она шагнула к дороге, открыла дверь такси:

– На Белорусскую, двести рублей.

Глава 3. Мы в ответе за тех, кого приручили

Москва, конец марта 2007 года

Крепкий кофе по утрам, одна-две, а иногда даже три сигареты. Обычно с этого начинают день после сна, но у некоторых бывает наоборот – перед сном. Если кофе сладкий – а Лекс по утрам пил исключительно сладкий, со сливками, – то он повышает сахар в крови и вызывает сонливость. Сигареты после чашки такого кофе не вызывают сильного омерзения, зато немного притупляют сознание; заснуть в итоге получается быстро, без ворочаний и тяжелых сновидений.

Впрочем, речь не про кофе и сигареты.

Была еще одна, совсем небольшая причина, по которой Лекс не очень хотел покидать квартиру в Жулебино. И причина эта обитала в соседней квартире. Хотя это трудно назвать жизнью.

Лекс даже не знал, как это назвать. Существование, жалкое влачение.

Однажды ему приснился сон, в котором он испытал нечто подобное, и с тех пор, чтобы не жрать снотворное, он пил сладкий кофе, курил сигареты, потом чистил зубы и вырубался. Что говорить, тот сон был кошмаром, который парень больше не

хотел испытывать даже во сне.

Ее звали Алина. Лекс познакомился с ней… впрочем, это так же трудно было назвать знакомством, в привычном понимании. Скорее, просто увидел.

Это произошло осенью. Лекс тогда только вернулся в Россию и около двух недель прожил в своей квартире на Остоженке. Дизайнерский ремонт, навороченная бытовая техника, дом под охраной, подземный гараж с «Рейнджровером», соседи – жирные папики с губатыми муклами, короче-все-дела…

Через пару недель, поняв, что вся эта роскошь вызывает у него невроз и омерзение, когда невозможно даже работать, Лекс стал искать квартиру попроще, где-нибудь на окраине. Ему требовалось что-то вроде рабочего офиса с обстановкой, глядя на которую хотелось бы стремиться к чему-то, а не сидеть, попивая пивко и поигрывая в модный Wii.

Что ж, как сказал Бад, у богатых свои причуды. Когда есть деньги, можно жить и без них.

Выбор пал на Жулебино по двум причинам. Во-первых, этот район, контролируемый японскими гуми, был относительно чистым и спокойным. Боссы якудзы не любили шумихи, поэтому одно время гопоту, упивающуюся «ягой», не желающую вести диалог и пытающуюся беспредельничать, часто находили в подвалах со стандартным диагнозом передоза. А потом все устаканилось.

Во-вторых, Бад, старый знакомец из Синдиката, посоветовал именно этот район.

– Синдикат начал скупать там недвигу, чувачок. Дома свиданий, инфоцентры, офисы агентов – скоро это будет Уолл-стрит, только не финансовый, а информационный. Если хочешь жить подальше от центра, Жулебино именно то, что тебе нужно. Минимум ментов, максимум порядка, и таксистов как грязи, если ты на своей тачке ездить не любишь.

Лекс не любил. И не ездил. Даже украденные давным-давно номера до сих пор не восстановил, и заниматься этим не было ни времени, ни желания.

По старой дружбе Бад помог и с выбором квартиры. Совершенно бесплатно, что для члена Синдиката было совершенно необычно. Впрочем, услуга копеечная. Подогнал несколько вариантов, Лекс выбрал оптимальный.

Через неделю после новоселья Лекс, возвращаясь из магазина с покупками, в тамбуре столкнулся с женщиной лет пятидесяти. Она закрывала дверь соседней квартиры, когда Лекс ввалился в отгороженный коридорчик с фирменными пакетами из «Азбуки вкуса» и опухшим от недосыпания лицом.

– Здрасьте, – на автомате произнес Лекс, пытаясь, не опуская пакетов на пол, достать ключи.

– Здрасьте-здрасьте. Это вы у Елены квартиру теперь снимаете? – строго спросила женщина.

Риэлтора, который дал Лексу ключи в обмен на аванс, звали то ли Рома, то ли Антон. Он же дал счет в Альфа-банке, куда Лекс должен был каждый месяц переводить деньги. Ни о какой Елене Лекс слыхом не слыхивал, тем не менее кивнул и пробурчал что-то утвердительное.

– Вас предупредили, чтобы никакого гайгуя по ночам не было?

– Никакого чего? – озадаченно переспросил Лекс.

– Гости, музыка, крики до утра… здесь тяжело больной ребенок, поэтому после одиннадцати просьба не шуметь. Иначе примем меры.

Теперь Лекс вспомнил, что риэлтор говорил что-то о нервных соседях, но он не придал его словам значения, поскольку сам не выносил шума и не собирался привлекать внимание.

– У меня гостей не бывает, – заверил он женщину. – Я тихий постоялец.

– Ну-ну. Вы один или с кем-то проживаете?

– Один.

Лексу наконец удалось достать ключи, и он пробрался в квартиру, оборвав разговор, который больше походил на допрос, чем на общение двух соседей.

В этот же день, а точнее ночь, он засиделся за компом гораздо дольше обычного. Как раз пытался наладить общение с Сайбером, уникумом-индусом, выросшим в Сингапуре, но при этом говорившим по-английски еще хуже Лекса, несмотря на государственный язык. Лиска в то время еще отсутствовала, и переводить было некому. В общем, ночь оказалась долгой и нервной.

Не заметил, как наступил рассвет, и только около десяти утра, закончив сложные объяснения, вышел на балкон покурить. Там, вытягивая из пачки сигарету, услышал странный голос, бормочущий:

– Потуши огонь. Потуши огонь. Потуши огонь.

Лекс перегнулся через перила, глянуть, что там происходит на балконе у соседей.

В инвалидном кресле сидела невероятно худая девушка лет восемнадцати. Спутанные волосы, лицо было изуродовано страшными шрамами, которые опускались по шее дальше, под рубашку.

Она смотрела в одну точку и, чуть-чуть покачивая головой,

повторяла одну и ту же фразу. На Лекса она даже не обратила внимания.

Лекс отпрянул назад, устыдившись своего любопытства, но потом почему-то захотел еще раз взглянуть на девушку.

Девушка снова не повернулась в сторону Лекса, продолжая бормотать странные слова.

Потом появилась женщина, которую Лекс встретил в подъезде. Бросив на Лекса гневный взгляд, она взялась за ручки кресла и закатила его в квартиру.

Тряхнув головой, будто пытаясь избавиться от наваждения, Лекс закурил. Облокотился на перила балкона. Мыслей не было, просто затягивался и, выдыхая, рассматривал дым. Слова девушки-инвалида почему-то засели в голове.

Женщина вернулась. Тоже закурила – тонкую сигарету, вставленную в длинный тонкий мундштук.

Около минуты они так и стояли, молча, потом женщина негромко произнесла:

– Племянница моя. Слепая она.

Лекс не сразу нашелся что сказать, потом спросил:

– С рождения?

– Нет, – покачала головой соседка. – Родители ее шесть лет назад сгорели. На даче, будь она проклята.

– Она тоже там была? – догадался Лекс.

– Газовый баллон взорвался. Она в больнице почти год лежала… сначала думали, что не выживет, а она выжила, – помолчав, женщина добавила: – Только кому такая жизнь нужна, одно мучение. Как ребенок, который только родился. Жевать не может, под себя ходит, шепчет постоянно что-то, а сама ничего не слышит.

Она глубоко затянулась, выдохнув, продолжила:

– Я ее к себе забрала, других родных у нее нет. Надеялась, что выхожу… а вот, уже шестой год, а толку нет. Доктора, экстрасенсы, терапии всякие, иглоукалывания… у меня пенсия, еще родители ее кое-какие деньги оставили, только их уже и нет давно… Так и живем.

Лекс понимал, что ей просто необходимо выговориться, поэтому молчал. Это не было жалобой на судьбу, она просто рассказывала, как проходили эти годы, словно книжку читала, документальные хроники. Без слез, без эмоций, без приукрашиваний и сгущений красок – только слова.

– Врачи сказали, что это у нее из-за слепоты. Эмоциональный шок, посттравматический синдром, одно на другое налегло. Бедняжка, иногда я смотрю на нее, и мне кажется, что у меня сердце разорвется.

Девушку звали Алиной, а ее тетку – Ириной Евпатьевной. За те пятнадцать – двадцать минут, что она говорила, Лекс узнал почти все о нелегкой судьбе этих двух женщин, одна из которых не могла ходить и говорила только обрывочные, ничего не значащие фразы, а другая, скрепя сердце, несла свой крест.

Потом Евпатьевна вдруг опомнилась, что рассказывает все совершенно незнакомому человеку. Извинилась, ушла, а Лекс выкурил еще две или даже три сигареты, прежде чем вернулся к себе и лег спать.

Сон тогда долго не шел. Лекс ворочался, перед глазами стояла даже не девушка, а ее кожа, бугристая от шрамов давно заживших ожогов. Фредди Крюгер женского пола.

С Евпатьевной они еще пересекались несколько раз, на балконе или в тамбуре на лестничной площадке, но она больше не пыталась заговорить с ним. Впрочем, отношение изменилось. Теперь соседка даже иногда первой здоровалась, а перекидываясь ничего не значащими фразами, они могли обсудить что-то вроде погоды или каких-то бытовых проблем.

Через пару недель Евпатьевна случайно обмолвилась, что в Китае могут сделать операцию, которая восстановит зрение, но стоит она больших денег, почти пятьдесят тысяч долларов. Разговор был буквально на ходу, и упоминание об операции прозвучало вскользь, на фоне подорожавшей коммуналки и каких-то продуктов.

«Китано апгрейд», сеть из лучших нейрохирургических клиник в Юго-Восточной Азии. Собственные лаборатории, фармацевтические компании и несколько крупных корпораций в качестве акционеров. Недавно Лекс и пара его сетевых партнеров написали эксплойт, с помощью которого слили и выложили в свободный доступ клиентскую базу одной из клиник «Китано». Не из-за хулиганства – заказчики, кто-то из триад, заплатили за это полсотни килобаксов.

И вот совпадение, оказалось, что два месяца назад Евпатьевна отослала им медкарту племянницы, и на днях от китайцев пришел ответ стоимостью в пятьдесят тысяч.

На следующий день после этого разговора Лекс впервые нажал кнопку звонка своих соседей и, когда женщина открыла дверь, протянул ей сверток.

– Сделайте то что нужно, – сказал Лекс. – Возвращать не надо. Это… просто так…

Она не хотела брать, точнее хотела, но боялась, подозревая недоброе. А что ей оставалось думать в ситуации, когда молодой парень, снимающий однушку на окраине, дарит чужим людям сумму, равную половине стоимости арендуемой им квартиры?

Откуда ей знать про пятикомнатную квартиру на Остоженке и счет, на котором лежит несколько миллионов, не имеющих для этого парня практически никакой ценности.

Лекс убедил ее в том, что она должна взять деньги и отвезти девушку на лечение. Это оказалось несложной задачей.

Сборы, документы… они вылетели в Поднебесную через две недели. К тому времени у Лекса уже был первоначальный состав собственной команды, Лиска помимо ассемблера взяла на себя перевод, и команда заработала свои первые серьезные деньги, обрушив сервера одного из буржуйских банков – по заказу конкурентов. Задача была выполнена на пять с плюсом, появились рекомендации, новые заказы.

Как и во всем мире, в Сети шла нескончаемая война. Мелкие и крупные корпорации соревновались друг с другом, демонстрируя как реальное, так и виртуальное оружие. Где-то гибли наемники, а где-то вайпились базы с бэкапами, выходили из строя логические контроллеры.

– Сколько ваша компания тратит на виртуальную безопасность? Миллион? Боюсь, этого мало. Мы тратим в пять раз больше, а вам придется либо увеличить расходы, либо уйти с рынка.

Сильнейшие выживают только потому, что уничтожают более слабых.

Официально все корпорации признавали, что хакеры – это зло, которое следует неукоснительно искоренять. Спонсировались антихакерские программы, лоббировались законы, ужесточавшие ответственность за компьютерные преступления.

Неофициально любая более-менее крупная корпорация имела у себя на службе людей, которые имели связь с хакерами.

Хакеры так же соревновались между собой, вырывая друг у друга наиболее выгодные контракты. На приватных форумах обсуждали, как в последний момент Индевять перебил у Словена крупный заказ одного южнокорейского концерна. Заказ стоил почти двести тысяч, и, по слухам, Словен хотел нанять киллера, чтобы отомстить.

Не нанял, потому что вскоре ему тоже обломилось что-то серьезное. Он искал людей, в основном программистов, знающих лисп, ассемблер и си плюс плюс – языки, которые необходимы для модификации вирусов серии «Стакс».

Из-за договора со своими первым заказчиками, спецслужбами «некоего государства», Лекс не мог объявить всем, что он создатель первого вируса серии «Стакс», понимая, что как только станет об этом известно, за ним начнут охотиться как минимум недавние заказчики.

Лекс злился, что не мог сказать об этом. Его репутация заметно улучшилась бы после этого, и можно было бы выйти на другой уровень. Там, где миром управляют транснациональные гиганты. Sony, Shell, Standart Oil.

Ему хотелось туда, где ставки – уже не деньги. Где выбор одной из стороны мог оказаться решающим для всего мира.

Но для этого надо было наработать репутацию. Расширяя клиентскую базу, демонстрируя не только умение модифицировать «Стакс», но также писать трояны, создавать и продавать ботнеты…

Работы было невпроворот, когда соседи вернулись из Китая. Лекс вполуха выслушал благодарности, которыми его осыпала Евпатьевна по возвращении. Наверное, стоило бы проявить больше участия, но уж как вышло.

Операция прошла успешно. Девушке вернули зрение, и возможно, что со временем к ней вернется и разум.

– Она уже что-то понимает. На звуки реагирует, на голос. Раньше-то вообще ничего… да вы зайдите, посмотрите. Я чай приготовлю, из Китая привезла, целебный…

От приглашения прийти в гости Лекс вежливо отказался. Спешил, предстояли переговоры, агент заказчика настаивал на личной встрече, да и заходить в гости, если честно, не было никакого желания.

Однако теперь почти каждый день ровно в девять часов утра выходил на балкон. Ирина Евпатьевна к этому времени выкатывала коляску с девушкой, и они перебрасывались несколькими фразами.

– Вчера я на кухне возилась, а она рядом сидела. И муха вокруг летать начала, а она за ней глазами следила и потом голову даже повернула.

Ничего она не понимала. Не реагировала на звуки, на голос. Китайцы вернули ей зрение, но она продолжала находиться во тьме.

За все время женщина ни разу не спросила, чем занимается Лекс. Хотя, конечно, понимала, что законопослушный человек, живущий на окраине города в съемной однушке, не станет делать незнакомым людям подарки, стоимостью в половину квартиры. Пару раз Лекс намекал, что занимается торговлей акциями на бирже, но, кажется, она этому не верила.

– Вчера она рисовала. Я ее рукой водила, а она смотрела. Карандаш, правда, еще плохо держит, но, мне кажется, уже понимает, что делает.

Говорила всегда она. Рассказывала о предыдущем дне, о том, что нового произошло у девушки с разумом двухлетнего ребенка.

Лекс слушал ее, иногда кивая, иногда вставляя односложные фразы. Эти рассказы помогали ему отвлечься и на время забыть про бесконечные строчки кода, про иероглифы, которые иногда появлялись перед глазами, про вирусы и остальные издержки его профессии.

– Не выспалась сегодня. Вчера допоздна мультики смотрела, я уж выключать не стала. Все ждала, может, засмеется или хотя бы улыбнется.

Иногда девушка тоже что-то говорила, и в эти минуты ее тетя замолкала. Чаще всего это был короткий бессмысленный набор из слов и звуков, но однажды, спустя несколько месяцев, она вдруг произнесла что-то осмысленное.

Это случилось в начале апреля. Только зацвела сирень, и у девушки на коленях лежало несколько веток. Лексу тоже была предложена сирень, но он отказался.

Чтобы не показаться навязчивой, женщина все предлагала только по одному разу: зайти к ней в гости, что-то купить на рынке, приготовить еду… Предложений было не более десятка. Лекс понимал, что Ирина Евпатьевна просто хочет как-то отблагодарить его, но всякий раз вежливо намекал, что у него все есть и ему ничего не надо.

Так вот, Лекс подумал насчет того, что больше ему вряд ли предложат цветы или нечто вроде этого, Евпатьевна только собиралась рассказать очередную короткую историю о вчерашнем дне, как Алина вдруг нарушила молчание.

– Я больше их не боюсь, – непривычно громко сказала она, а потом посмотрела в глаза Лекса, перегнувшегося через перила балкона, и добавила: – Потуши огонь.

В обед у нее поднялась температура. Настолько высокая, что вечером ее увезли на скорой. На следующий день Лекс узнает, что ничего серьезного, аллергическая реакция на сирень, и девушка проведет в больнице около недели.

Конечно же, Лекс не придал значения словам Алины и понятия не имел о том, кого она перестала бояться.

Глава 0. /dev/null

Подмосковье, деревня Полушкино, июль 2000 года

Когда на улице тридцатипятиградусное пекло и воздух над асфальтом раскален настолько, что невозможно дышать. Когда

все подружки разъезжаются по деревням, курортам и спортивным лагерям. Когда в квартире внезапно ломается кондиционер, а у родителей появляется возможность взять отгулы в счет отпуска. Когда все валится из рук, а часы существуют только для того, чтобы отмерять время до пятницы, – нет никаких сомнений в том, что пришло время садиться в папину машину и ехать на дачу.

Восемьдесят километров от МКАДа по направлению к юго-западу. Деревня под названием Полушкино, от нее еще три километра, и далее дачный поселок, называемый садовым товариществом «Зеленоречка». Участки по девять и двенадцать соток, однотипные двухэтажные домики, электричество, колодцы, газ обещают в следующем году, деньги уже собрали.

Отдушина для любого городского жителя, одуревшего от летней жары и каменных джунглей.

Любовь к дачам детям прививается с детства. Раньше это была любовь к садовым участкам и семейным сборам урожая. Теперь фрукты и овощи закупались на рынке, а детям объясняли, что на даче хорошо, потому что свежий воздух необходим людям, живущим в городском смоге.

Некоторые дети, как, например, Алина, не совсем понимали, что такое городской смог. Когда они приезжали на дачу и выходили из машины, то папа обычно делал глубокий вдох и говорил:

– Господи, какой воздух!

– Невероятно чистый, – подтверждала мама, вдыхая его вслед за отцом.

Алина по примеру родителей тоже делала вдох и кивала, но никогда не признавалась в том, что совершенно не чувствует никакой разницы между городским воздухом и дачным. Тем более что она, в отличие от некоторых детей, любила дачу и все, с ней связанное.

На даче девочке нравились три вещи: весельная лодка, смородина и надувной бассейн, в котором Алина готова была плескаться с утра до вечера.

На лодке папа катал Алину и маму, если не рыбалил. Зеленоречка – не зря так прозвали этот дачный поселок. Здесь есть речка с водой, которая действительно почти все время зеленого цвета. В речке водятся окуни, караси, красноперки и даже щуки. Поговаривали, что раньше здесь был рыбный заповедник, в котором разводили осетров, и якобы кто-то из соседей видел, как кто-то вытаскивал… впрочем, рыба Алину не интересовала – ей нравилось исключительно катание на лодке.

Смородина. Красная, белая и черная. Мама говорила, что она очень-очень полезна, но Алина любила ее, конечно же, не за

полезность, а за вкусность. Смородины у них на участке было тысяча миллионов кустов, она росла вдоль забора по всему периметру, и Алина могла съедать ее каждый день по тысяче миллионов горстей.

Ну и главная забава, недоступная в городе, – это свой собственный бассейн, стоящий посреди участка. Его доставали из сарая, надували и заполняли водой чуть ли не первым делом, когда приезжали на дачу. Так классно лежать в теплой воде и смотреть вверх, на голубое небо, такое чистое, какого никогда не увидишь в городе.

Нет, конечно, в дачной жизни имеется еще много всяких прелестей – например, баня, после которой так здоровски с разбега плюхаться в бассейн, поднимая целый фонтан брызг. Или люляки – люля-кебаб, который папа готовил на мангале. Еще всякие ежи, дятлы, кукушки и прочая полудикая живность, посещающая их участок в самые неожиданные моменты. Еще бадминтон, вечернее лото, утренняя роса, сверчки по ночам и прочая, прочая, прочая.

Единственное, что Алине не нравилось на даче, – это пауки. Не то чтобы она их боялась – это когда маленькая была, визжала при их виде, а сейчас-то уже взрослая, тринадцать лет как-никак, – но неприязнь к ним оставалась прежней.

Пауки плели свои паутины еженощно и всюду, папа посмеивался, когда Алина, зайдя за смородиной, натыкалась на миниатюрные сети и, фыркая, пыталась стряхнуть с себя невидимые и очень неприятные нити.

А в остальном дача была тем самым местом, куда надо обязательно приезжать каждое лето на неделю. Не больше, потому что через неделю она надоедает, но и не меньше – иначе не успеть в полной мере насладиться природой.

– Как хорошо, что мы ее тогда купили, – сказал однажды папа маме. – Считай, за шапку сухарей. У нас в один год появилась и дача, и доча.

– Папа, а кто нам продал дачу за шапку сухарей? – удивленно спросила Алина. В ее представлении, это должна была быть огромная шапка.

Оказалось, что «шапка сухарей» – означало, что очень дешево, почти даром. А вот кто продал им дачу, родители не знали. Бывшего хозяина они так и не увидели, сделку завершали через агента, который – вот странно – в первую встречу упомянул, что хозяин какой-то индус, а во вторую – что какая-то молодая девушка.

– Да и не все ли равно, кто продал. Главное, что теперь хозяева тут мы. Ты будешь в бассейне купаться или спускать его?

– Не-е-ет! Не спускать! – завизжала Алина и, разбежавшись, плюхнулась в нагретую солнцем воду под смех родителей.

Весело было. Всегда. Пока все не закончилось.

День был как день. Солнце, легкий ветерок, птицы пели, им подпевала старенькая магнитола, а магнитоле подпевала мама, хозяйничая на веранде, которая одновременно служила и кухней. Запах блинов разносился чуть ли не по всему участку. Папа возился в сарае с удочками, а Алина, вдоволь накупавшись в бассейне, пошла к самому дальнему кусту черной смородины, намереваясь не только поесть, но и собрать в туесок ягоды для родителей.

По ту сторону забора проходила тропинка, заросшая бурьяном почти в человеческий рост. Тропинка вела к заброшенному соседскому участку, который уже несколько лет был выставлен на продажу, и явно не за шапку сухарей. На тропинке было много крапивы, амброзии, пауков и противной мошкары. Папа давно собирался выкосить эту поросль, но поскольку бурьян не на их участке, а на нейтральной территории, тропинке, которой к тому же никто не пользовался, то у него все никак руки не доходили.

Алина очень удивилась, когда увидела среди бурьяна чью-то фигуру. Поначалу подумала, что это бродяга из тех, что воруют детей и продают цыганам, и приготовилась было дать деру поближе к родителям. Но, приглядевшись, увидела, что человек не похож на бродягу.

Это оказалась девушка лет двадцати, на груди у нее висел фотоаппарат. Она была одета в джинсы и майку, а еще у нее были дымчатые очки, большие, на пол-лица. В таком одеянии она совсем не была похожа на дачницу. Заметив Алину, девушка приветственно махнула ей рукой и, примяв несколько кустов амброзии, подошла поближе к забору.

– Ты кто? – спросила Алина больше с любопытством, чем с опаской.

– Инна, – ответила девушка. – А ты?

– Алина. Это наша дача. – Алина кивнула назад. – А ты что тут делаешь?

– Фотографирую, – в доказательство своих слов Инна показала на фотоаппарат.

– Кого?

– Ну, разное… пауков, например.

Алина поморщилась, выражая все то отвращение, которое у нее вызывали пауки.

– Фу! Ненавижу пауков!

– Правда? А почему?

Пробравшись сквозь бурьян, Инна подошла вплотную к забору и повторила вопрос:

– Почему пауков-то ненавидишь?

– Они… они… противные, мерзкие… страшные…

– Ты их боишься, что ли?

– Нет… то есть да, боюсь, – кивнула Алина. – Но не сильно.

А ненавижу сильно.

Инна засмеялась.

– Думаю, ты скоро изменишь свое мнение.

– Когда?

– Скоро.

– А почему?

Инна пожала плечами, но не ответила. Вместо этого облокотилась на забор и заговорщицки прошептала:

– А ты знаешь, какой сегодня день?

– Какой? – тоже шепотом спросила Алина.

– День девичьих гаданий. Если сегодня в полночь зажечь свечу и посмотреть на луну, то на луне можно будет прочитать имя жениха.

– Правда, что ли? – засомневалась Алина. – А как такое может быть?

– Ну, я этого точно не знаю, наверное, какие-то силы природы… Говорят, что если в этот момент запах необычный почувствуешь, как баобаб пахнет, то жених этот сто процентов на тебе женится, так-то.

Как пахнет баобаб, Алина понятия не имела, поскольку ни разу в жизни его не видела. Знала только, что это какое-то огромное дерево, которое растет то ли тысячу, то ли миллион лет. Наверное, именно поэтому она и усомнилась в правдивости слов своей новой знакомой.

– Я никогда о таком гадании не слышала, – призналась она. – И баобабов тут у нас нет никаких, только смородина, яблоня и слива.

Инна равнодушно пожала плечами. Потом взяла фотоаппарат, прицелилась и сфотографировала какой-то цветок.

– А ты уже гадала так? – не утерпев, спросила Алина.

– Конечно, – кивнула Инна. – Такой день раз в четыре года бывает, вот я в прошлый раз гадала и узнала имя того, кто мне на следующий день в любви признался. Представляешь?

– И что, он женился?

– Не-а, – вздохнула девушка. – Запаха никакого не было, так что… мы с ним потом поругались, и все. Ничего, сегодня я опять гадать буду, посмотрим, что получится. Это же несложно – всего-то свечку зажечь да на луну посмотреть.

– Хм… что-то не верится мне… – призналась Алина. – Ты меня не обманываешь?

– Вот еще! – фыркнула Инна и даже вроде как обиделась. – Зачем мне тебя обманывать, если я тебя знать не знаю. Не хочешь, не верь, мне-то что. – Она неожиданно сменила тему разговора и кивнула на туесок: – А это что у тебя такое?

– Это для смородины, – пояснила Алина. – Хочу для мамы и папы собрать. Тут ее видишь сколько…

Инна посмотрела на кусты, росшие вдоль участка, прицелилась, сделала несколько снимков. Потом стала рассматривать ягоды.

– Она у вас мелкая какая-то, – сказала девушка. – Наверное, невкусная.

– А вот и нет, вот и вкусная! – задетая за живое, теперь обиделась Алина.

Разговор явно не клеился. Инна вдруг нагнулась, через секунду протянула Алине горсть необычайно крупной черной смородины. Тугие бока с блестящими отливами, ягоды смотрелись соблазнительно вкусно.

– Смотри, тут большая какая, – сказала Инна. – На, возьми, для твоих родителей.

Это было похоже на мировую. Алина, поколебавшись, протянула туесок, и Инна ссыпала в него ягоды.

Когда ссыпала, Алина заметила, что на руке у нее болтается на серебряном браслете какая-то серебряная фигурка, сильно похожая на паука. Но спросить про фигурку Алина не успела. Инна посмотрела на часы, потом по сторонам.

– Все, мне пора на электричку, – сказала она, надевая колпак на объектив фотоаппарата. – Будь осторожна и не бойся пауков, уж они тебе точно ничего плохого не сделают. А гадать если не хочешь, то и не гадай. Ты вообще еще маленькая для женихов, вот через четыре года в самый раз будет.

Мгновение – и новая знакомая Алины исчезла в густой высокой траве. Секунду Алина стояла неподвижно, а затем стала собирать смородину, размышляя над словами, которые только что услышала.

Больше всего ей не понравилось, что ее маленькой назвали. Уж кому-кому, но не этой новой знакомой решать, маленькая Алина или уже взрослая.

Набрав полный туесок (и наевшись смородины до отвала), Алина отнесла его родителям, за что удостоилась заслуженной похвалы. Они тоже любили смородину и за ужином съели собранное дочерью все без остатка.

А после ужина родители необычно рано легли спать. Папа

сказал, что устал за целый день, работая на участке, хотя ничего такого не делал, а мама сослалась на магнитные бури. Услышав про магнитные бури, Алина попыталась допросить родителей, может ли это как-то быть связано с днем гаданий, но получила лишь пожелание спокойной ночи и распоряжение не сидеть допоздна.

Алина, пока не стемнело, смотрела мультики по видеомагнитофону, а как стемнело, выключила все и собралась было идти спать, но затем, подумав, пошла на веранду. Из стола, из ящика, где лежит всякая всячина, достала свечу, прихватила с собой коробок спичек. Не то чтобы она поверила в рассказ Инны-фотографа, взяла просто на всякий случай.

Конечно же, она не смогла уснуть. Ворочалась под одеялом, беспрестанно глядя на свои детские, но вполне работающие часы, а когда время приблизилось к полуночи, отбросила одеяло в сторону и подошла к окну.

Луны не было. Конечно же, как она могла забыть – луны никогда не видно из ее комнаты. Для этого надо быть либо в комнате родителей, либо… либо на кухне-веранде.

Осторожно, стараясь не шуметь, Алина вышла из своей комнаты и направилась к лестнице. Проходя мимо спальни родителей, удивилась тишине – обычно, когда папа спал, храп стоял такой, что ого-го, а сегодня ни звука. Наверное, это из-за полнолуния и особенной ночи – девичьего гадания, решила Алина, спускаясь вниз.

Вышла на веранду и сразу же глянула на часы. Без двух минут двенадцать.

Можно было обойти веранду и подойти к другому окну, которое возле печки, но Алина побоялась, что, пока будет пробираться на ощупь сквозь препятствия в виде стола, стульев и всяких тумбочек-табуреточек, опоздает. Да и страшновато было немного в этой темноте.

Осталась здесь, в прихожей. Отодвинула занавески и посмотрела в окно, где по небу плыл идеально круглый серебристый диск луны.

В самом углу окна паучок сплел паутину и замер в ее центре, словно брошка на вязаном свитере. Паук был настолько маленький, что совершенно не вызвал паники или страха. Напротив, даже как-то подбодрил своим крохотно-грозным видом.

Достала свечу, спички. Принюхалась – а ведь действительно, был какой-то странный запах.

Баобаб. Блин, откуда тут баобаб, подумала она, потом посмотрела на часы, снова на луну – а затем чиркнула спичкой.

Она так и не успела рассмотреть имя своего жениха. Вспышка, а затем страшной силы удар, который швырнул ее на шкаф. С грохотом посыпались сверху ящики и чемоданы, набитые старыми вещами и тряпками, дачная одежда, висящая на крючках.

Позже пожарные установят, что стены дома слишком подозрительно быстро загорелись, словно были пропитаны какой-то горючей смесью, – но Алина этого никогда не узнает. Не узнает она и имя своего спасителя, кого-то из соседей, мужественно выбившего дверь в полыхающем доме. Этот неведомый спаситель заметил среди горящих вещей девочку и вытащил ее на улицу прежде, чем случилось непоправимое.

А к дому уже сбегались другие соседи. С ведрами, лопатами… девочку оттащили в сторону, пожар пытались потушить собственными силами, но бесполезно.

На удивление быстро приехала «скорая помощь». Алину положили на носилки, загрузили в машину. Взвыла сирена, и микроавтобус помчался по ухабам в сторону районной больницы.

В машине Алина пришла в сознание. Всего лишь на несколько секунд, во время которых она увидела врача, склонившуюся над ней.

Это была та самая девушка-фотограф, только теперь без фотоаппарата и дымчатых очков, зато в белом халате. Она приблизилась к Алине, держа в руке шприц с темной маслянистой жидкостью.

– Ну наконец-то все получилось как надо, – сказала Инна, поднося шприц к шее Алины.

У нее были глаза разного цвета. Один голубой, похожий на небо, а второй зеленый, точь-в-точь как вода в речке. И это было последнее, что увидела девочка, прежде чем провалилась в бездонную пропасть, в которой не было ничего, кроме тьмы. Она падала, падала, падала – и не было конца этому падению…

Глава 4. Немного конспирологии

Москва, апрель 2007 года

Не сказать, что блестяще, но все же Андерс выполнил тестовое задание Лекса и после оперативного голосования на приватке влился в команду, заняв место Сайбера.

Последнему, кстати, не повезло. Так совпало, что в тот день,

когда Лиска объявила Андерсу о том, что он теперь в клане, Сайбера экстрадировали в США, откуда его вызволить не представлялось никакой возможности.

Что ж, он знал, на что идет, к тому же попался по собственной глупости, поэтому угрызений совести Лекс не испытывал. Лишь сожаление о том, что все так печально вышло.

Но, как говорят, свято место пусто не бывает, а жизнь продолжается, и все такое… У них оставалось меньше месяца на то, чтобы выполнить заказ, после которого об их группировке узнает весь мир, – и Лекс рассчитывал закончить этот заказ в срок, чего бы ему это ни стоило.

– У нас дедлайн – середина апреля, – сказал он, общаясь с Андерсом по скайпу. – Ты уже успел посмотреть наши наработки?

– Ага, дружище, успел. Это же вирусы класса «Стакс», я правильно понял?

В голосе Андерса звучало неприкрытое восхищение, и Лекс почувствовал гордость за свое детище. Так и подмывало похвастаться, что это он, Лекс, когда-то разработал первый вирус этого класса. Но воздержался: рано пока новичку еще такое доверие оказывать. Подтвердил лишь:

– Да, правильно понял.

– И под кого делаем модификацию? – спросил Андерс.

– Узнаешь чуть позже. Вот координаты Жана, это наш друг из Франции, стукни ему. Ты по-английски как?

– Нормально. И что ему сказать?

– Вместе с ним вам надо будет написать бэкдоры, совместимые с вирусом. И я тебе отправил кое-какие куски кода, который твой пред… в общем, один наш товарищ писал, пока не покинул нас.

– Сайбер, что ли? Которого в Штаты этапировали?

Лекс поморщился. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, откуда у Андерса эта инфа: Лиска сболтнула.

– Угу, Сайбер. Посмотришь, может, его наработки пригодятся. Ну, так, внезапно.

– Понял, посмотрю.

– В общем, ваша с Жаном задача – бэкдоры.

– Не вопрос, дружище.

– Ты раньше со спамерами из «Честера» работал?

– Да, в прошлом году помогал им, пока они в Москве тусили.

– Нашим лучше не говори. У нас спамеров не очень любят.

– Не вопрос, дружище. Прошлое остается со мной, настоящее с вами, а будущее никогда не наступит, потому что оно будущее…

– Стукни Жану и займитесь бэкдорами.

– Не вопрос, дружище. Сделаем в лучшем виде.

Они действительно сделали все в лучшем виде. Жан, Андерс и не только они. Вся команда сработала на пять с плюсом. Идеальная модификация вируса, идеально выполненная работа.

Дедлайн не наступил, хотя сроки поджимали и кое-какой нервоз присутствовал. Как раз к середине апреля и управились. И хотя никто им не ставил оценки в дневник, вид Севера, с которым у Лекса была встреча уже на следующий день после окончания работ, лучше любого дневника демонстрировал, насколько все прошло гладко и четко.

Толстяк был настолько доволен, что, казалось, еще немного – и он лопнет от радости. Лекс, глядя на Севера, подумал, что тот, скорее всего, не был уверен в в том, что они справятся, и теперь, похоже, шалел не столько от радости, сколько от неожиданности.

– Леша-джан, ты лучший! Зе бест оф зе бест, – пел Север соловьем, порхая вокруг Лекса с бутылкой коньяка. – Твоя команда… вы надежные… вы просто супермены… клянусь, была бы у меня дочь, отдал бы за тебя, не думая. За любого из ваших отдал бы… как жаль, что у меня нет дочери… и сына нет, а так бы обязательно велел ему брать с тебя пример…

Лекс небрежно бросил на стол флешку, и Север осекся, подозрительно глядя на кусок пластика.

– Что это?

– Номера счетов, – ответил парень. – Гонорар в равных долях раскидай.

Услышав про деньги, Север сразу же успокоился. Его подозрение растворилось, он снова запел, разливая по рюмкам коньяк:

– Конечно, Леша-джан. Все сделаю в лучшем виде. Вот, выпей. Вместе выпьем. За победу. За то, что о нас, ну или точнее, о вас, сегодня в каждом выпуске новостей говорят.

Север подозрительно часто смотрел в сторону плазмы, обвешанной несколькими камерами. Экран плазмы был выключен, но это, конечно, ничего не значило.

Камеры-то работают.

Лекс хотел было спросить, кто там, «на другом конце провода», но не стал этого делать. Во-первых, Север стопроцентно соврет, а во-вторых, Лекс и сам знал, кто за ними наблюдает. Ну, то есть он не знал имен или каких-то названий, но понимал, что это те самые «могущественные силы», на которые работал Север.

Еще во время их первой встречи Север несколько раз усердно намекал на то, что в случае успеха их ждут заказы, оплатой за которые могут быть не только деньги, но и небывалые возможности. Конечно же, конкретику Север тогда опустил,

поэтому Лекс пропустил эти обещания мимо ушей и Лиске велел сделать то же самое.

Теперь вот вспомнил тот разговор, потому что сейчас самое время выслушивать условия для нового заказа. Если он, конечно, будет. Впрочем, в этом Лекс не сомневался, достаточно было на Севера посмотреть.

– За твое здоровье, Леша-джан. За твое и всех твоих людей… кстати, где твоя девушка? Почему без нее?

– Она не моя девушка.

– О, прости, Леша-джан. Я лишь хотел спросить, все ли у нее хорошо? Или она не захотела прийти, потому что я…

У Лиски было все отлично, и она хотела пойти вместе с ним. Лекс не взял ее на встречу, и не только из-за того, что она могла ляпнуть что-нибудь лишнее, а просто в последнее время появилось такое чувство, что ее следует держать от себя на дистанции. Слишком она стала… назойливой, что ли?

Но болтовня Севера уже начинала нервировать. Потому что он попросту тянул время.

– Когда ты переведешь деньги?

– Сегодня, Леша-джан. Несколько часов, чтобы оформить чистые переводы, к вечеру все деньги будут лежать на счетах. Га-ран-ти-ру-ю. Или… если хочешь, распоряжусь, чтобы перевели сейчас, но тогда могут возникнуть небольшие проблемы с обналичкой.

– Мне не нужны проблемы с обналичкой, – сказал Лекс. – Несколько часов я подожду.

Лекс поднялся, и Север уставился на него удивленно-растерянно.

– Ты куда?

– Видимо, домой, – пожал плечами Лекс. – А что? Мне сидеть здесь и ждать твоего перевода? Я не пью, уж извини.

– Мы же собирались обсудить новую тему.

– Когда бабло переведешь, тогда и обсудим.

– Да к черту бабло! То есть я хотел сказать, деньги вообще не проблема! – Север засуетился, снова бросая искоса взгляды на плазменный экран. – Речь идет о серьезной работе. Леша-джан, ты готов к серьезной работе?

– Как пионер, всегда, – буркнул Лекс. – Но только с теми, кто выполняет свои обязательства. Мы свои выполнили, ты свои пока еще нет. Завтра обсудим.

– Черт, ты тупой? – разъяренно рявкнул Север и тут же сбавил тон: – Ты можешь чисто гипотетически предположить, что деньги уже находятся на твоих счетах, и обсудить новую тему, по сравнению с которой те суммы, что вы получили, покажутся тебе

пылью?

Северу все же удалось заинтересовать Лекса.

Как можно равнодушнее Лекс спросил:

– Кого ломать? Ну, примерно уровень.

– Максимальный, – пафосно ответил Север. – Ломать, Леша-джан, мы будем весь мир.

Лекс вздохнул, потом кивнул:

– О'кей. Точку опоры только дай, сломаем и мир.

– Точку чего?

По всей видимости, с высказыванием Архимеда Север не был знаком, чему Лекс даже не удивился.

– Говорю, что любой каприз за ваши деньги.

– Леша-джан! Если дело выгорит, у тебя будет столько денег, что ты будешь их соседям раздавать.

Лекс вздрогнул. То ли Север ляпнул эту фразу для красного словца, то ли действительно намекал на то, что ему известно про соседскую девочку, которой Лекс пытался помочь, – в любом случае, это парню не понравилось.

Буль-буль-буль. Коньяк льется в рюмку, и Север, отправив очередную порцию в свое бездонное нутро, продолжил:

– Да что там деньги, Леша-джан. У нас весь мир будет. Ты веришь мне?

– Конечно, – с едва заметной насмешкой кивнул Лекс.

Насмешки Север не заметил или же не обратил на нее внимания.

– Нам предстоит освободить мир от оков! – произнес он и махнул рукой, видимо ощущая себя Лениным на броневике. – То есть спасти мир, Леша-джан. Не больше и не меньше.

– От чего освободить? – переспросил Лекс.

– Правильнее сказать – от кого. От тех, кто сейчас им правит. От кукловодов, дергающих за ниточки глав государств и уничтожающих целые нации в угоду собственным интересам. От алчных семейств, которые в погоне за прибылями не останавливаются ни перед чем. От тех, кто хитростью, подлостью и коварством загнал человечество в сети рабства…

– Эй-эй-эй! – Лекс поднял руку, пытаясь перекрыть этот фонтан красноречия. – Это что, лекция по кухонной конспирологии?

– Это правда, Леша-джан. Нас уничтожают, каждый день, каждый час, каждую…

– Чушь какая-то, – пробормотал Лекс. – Я пошел домой.

– Подожди! Это не чушь! – воскликнул Север. Плеснул коньяка в рюмку, выпил и сказал: – Сейчас весь мир принадлежит жидам, которые, подобно паукам, запутали нас в своих сетях…

Все эти Голдманы, Леманы, Мэрилы, Морганы…

Он вдруг вздрогнул и осекся, замолчав. Как будто невидимая рука отвесила ему подзатыльник. И, конечно же, быстрый взгляд в сторону экрана. Неуверенный, даже немного напуганный.

Интересно, как он получает сигналы, вроде на ушах ничего нет, подумал Лекс, а вслух сказал с недоумением:

– Север, ты же вроде сам еврей.

– Да. У меня есть еврейские корни, – подтвердил Север. – Но я не жид. Я никогда…

Он снова осекся. Помолчал секунду, затем начал медленно говорить:

– То, что вы сделали вчера, лишь малая часть, песчинка в море. Тест, подобный тем, что ты давал своим людям, чтобы проверить уровень их мастерства. Вы получите оплату, сполна, и даже с бонусом. Но прежде чем вы перейдете на следующий уровень и получите действительно серьезную работу, нам надо убедиться в том, что вы готовы к ней. Вы должны понимать всю серьезность нашего дела. Ставкой окажется весь мир, и назад пути уже не будет.

Он говорил так, словно читал по бумажке или повторял слова невидимого и неслышимого суфлера.

– Мы знаем, что это ты написал код первого вируса серии «Стакс», и знаем, для кого ты это сделал. Мы знаем, что на сегодняшний день ваша команда является одной из лучших в области модифицирования вируса. Но мы не знаем, насколько твои люди подчиняются тебе. Мы также не знаем, насколько важны для вас голосования, которые вы проводите, когда принимаете решения по тому или иному вопросу, и еще…

– Кто это «мы»? – нервно перебил его Лекс. Ему категорически не понравилась осведомленность Севера или того, чей текст он сейчас наговаривал. – Может, вы раскроете карты и объясните в двух словах, кто вы и чего хотите? А то меня этот беспредметный разговор уже начал утомлять.

Возникла небольшая пауза, во время которой Север стоял неподвижно, возвышаясь над столом и вроде бы глядя в сторону Лекса, но в то же самое время куда-то в пустоту. Потом Север шагнул к плазме, провел рукой по матрице пульта управления.

Экран включился, и Лекс с любопытством уставился на пожилого седовласого европейца, одетого в серый костюм, который больше походил на униформу, только без знаков различия.

Человек сидел за девственно пустым столом, на заднем фоне – такая же девственно чистая стена зеленоватого оттенка. Он чем-то был похож на популярную тусовщицу Ксению Собчак, и это

сходство немного позабавило Лекса.

– Это… – Север смущенно кашлянул и нерешительно посмотрел на него.

– Меня зовут Лотар Эйзентрегер, – представился человек с экрана. Он говорил на каком-то европейском языке, механический переводчик исправно и равнодушно переводил слова, заглушая оригинальную речь. – Кто ты, я уже знаю, поэтому рад визуальному знакомству.

– Взаимно, – буркнул Лекс.

– Алексей Лёвин, русский, родился в России, город Санкт-Петербург. Ведущий разработчик первого вируса серии «Стакс». Модификация вируса для нефтеперерабатывающих заводов «Тексако индастриз», взлом «Китано апгрейд», а теперь еще и вчерашний взлом МК. Хороший послужной список.

– Я в курсе, – кивнул Лекс. – Это ведь мой послужной список.

Эйзентрегер задумался. Кажется, у него возникли трудности с переводом.

– Ранее у меня не было времени, чтобы познакомиться с тобой лично, – сказал он. – Но сегодняшние новости поторопили меня исправить это недоразумение.

– Спасибо за оказанную честь, – сказал Лекс, едва сдерживая сарказм. – Сожалею, что не могу пожать вашу руку.

– Прости, что ты сказал? – переспросил Эйзентрегер.

– Это была неудачная шутка, – сразу же пояснил Север.

Лекс покосился на него недовольно и едва не сказал, что это он, Север, неудачная шутка.

– У вас есть какая-то работа для нас? – спросил он.

– Да. – Кажется, Эйзентрегер сам обрадовался, что они наконец перешли к делу. – Для всех твоих людей, кто согласится с нами сотрудничать.

– А что, думаете, что не все согласятся?

– Не все.

Лекс хмыкнул.

– Ну и что от нас требуется?

– Участие в проекте, связанном с разработками новых модификаций вируса. Контракт на полгода, проект засекречен, поэтому полная изоляция. Кажется, именно в таких условиях был разработан «Стакс»?

– У нас не было полной изоляции.

– Я уделяю больше внимания секретности, и награда моим людям гораздо солиднее той, что платил твой первый работодатель. После того как ты дашь принципиальное согласие, мы поговорим о деталях. Но, как я уже сказал, меня беспокоит, сможешь ли увлечь за собой всех своих людей. Потеряв

нескольких членов, будет ли ваша команда столь эффективной, как сейчас?

– Если вы будете хорошо платить, никто не откажется от работы, – сказал Лекс.

– Откажутся. Не по финансовым, а по идеологическим причинам. Видишь ли, несмотря на то что этот проект – исключительно моя инициатива, я рассчитываю, что он послужит нашему общему делу. Делу, которому я отдал всю свою жизнь. И когда твои друзья узнают про нас чуть больше, боюсь, не все захотят с нами сотрудничать.

Может, это действительно топ-менеджер какой-нибудь крупной корпорации вроде Sony, подумал Лекс. Нанимает себе команду хакеров, подобно олигархам, покупающим футбольные клубы.

– С вами – это с кем? – раздраженно повторил Лекс свой вопрос. – Какая-то корпорация?

Эйзентрегер улыбнулся.

– У нашей корпорации много имен, – сказал он, и казалось, эта фраза была чем-то вроде домашней заготовки, визитной карточки. – Возможно, некоторые из них ты мог встречать в сводках биржевых новостей. Но у нее есть одно имя, которое доступно лишь избранным.

И поскольку ты, Алексей, отныне входишь в их число, я скажу тебе его. Четвертый рейх.

Это не Sony, с грустью подумал Лекс. Что ж, по крайней мере это грозно звучит.

Глава 5. Шесть лет

Москва, конец апреля 2007 года

– Шесть лет. Шесть лет. Шесть лет.

Евпатьевна рассказала Алине, что она спала шесть лет. Наверное, ей не стоило этого говорить. Алина запоминала или, точнее, вспоминала некоторые слова, когда слышала, а потом повторяла их. Без всякого смысла.

– Шесть лет. Шесть лет.

Шесть лет во тьме – это очень много. Не хотелось бы испытать такое на собственной шкуре. Шесть лет, вычеркнутых из жизни и из памяти.

Впрочем, она и сейчас во тьме. Едва-едва виден лучик где-то

вдалеке, а она, возможно, и не спешит вовсе к этому свету. Сидит в кресле и, как заводная кукла, повторяет одну и ту же фразу, пока пружина не ослабнет. Тогда замолчит и будет смотреть в одну точку, изредка реагируя взглядами на происходящее вокруг.

На прошлой неделе ее посещал психотерапевт. Перед ним какой-то йог из Индии, с нестерпимо благовоняющими палочками и порошками из змеиного яда. Вчера приходил китаец-иглоукалыватель, без лицензии и не говорящий по-русски. Их приводила Евпатьевна, с трудом выискивая на это средства.

Странно, но, когда Лекс попытался дать ей еще денег, она категорически отказалась взять их, объяснив, что он уже сделал более чем достаточно и она не вправе, бла-бла-бла. Лекс понимал, в чем причина. Она боялась происхождения денег, прекрасно понимая, что Лекс занимается чем-то незаконным, связанным с компьютерами.

Впрочем, больше всего Лекса волновало не это.

Несколько дней назад обокрали квартиру двумя этажами ниже. Точнее, обокрали ее уже давно, а вот стало известно об этом несколько дней назад, когда хозяева вернулись откуда-то из жарких стран.

В поисках свидетелей, наводчиков, а возможно, и воров менты обошли все квартиры в этом и соседнем подъезде. Вежливо, но настойчиво просились зайти внутрь, чтобы задать несколько вопросов.

По закону, Лекс мог послать их к черту и не пускать. По желанию, он мог вообще не открывать им дверь и ждать, пока они найдут хозяина или хозяев этой убогой «однушки».

Но нет – Лекс вежливо пригласил их в квартиру, ответил на несколько вопросов в духе «не видел, не слышал» и заодно прочитал целую лекцию о «Форексе» и восходящих и нисходящих трендах. Нес ахинею, сыпал экономическими терминами, в которых сам совершенно ничего не понимал, и вовсю представлялся трейдером – продавцом на виртуальной бирже.

Что поделать, это была его основная легенда. Не очень надежная, но подходящая для таких случаев.

Менты послушали, покивали, извинились за беспокойство и ушли, а через пару часов Лекс, проверяя квартиру, нашел жучок, установленный в коридоре. И это волновало Лекса гораздо больше, чем то, что о нем думала соседка.

Он его не тронул, оставил на месте. Все равно в квартиру он никого не приводил, а по телефону старался вообще не разговаривать. В крайнем случае жучок никогда не поздно выдернуть или прикрыть наушниками от плейера.

Но зачем ментам ставить его на прослушку?

Менты ведь были настоящие, и ограбление действительно произошло. Значит, кто-то договорился с ними, дал им денег, чтобы они установили жучок у «финансового трейдера».

Они же не знали, что у Лекса есть портативный универсальный сканер, предназначенный для обнаружения подслушивающих устройств в радиусе нескольких метров. Подарок его работодателей, для которых когда-то Лекс создал самую первую, оригинальную версию «Стакса».

Вряд ли к этому имеют отношение Север и его приятель-нацист, помешанный на свастике и величии Дойчланда. Такие, как они, скорее пришлют своих специалистов-профессионалов, чем будут договариваться со случайными людьми, тем более в погонах.

Нет, тут стараются те, кто лучше других знает, кто и когда может попасть в его квартиру. Кто-то, кому известно, что у Лекса есть хорошая легенда для подобных случайностей и он не только откроет дверь, но и пустит внутрь представителей власти, демонстрируя полную законопослушность.

Ментов, скорее всего, предупредили, что он трейдер и жучок нужен его конкурентам. Те особо не втыкали, поскольку трейдерство разрешено законом, а в конкурентной борьбе всегда побеждает более умный и более щедрый. Проще говоря, их легко было уговорить.

Чью волю они выполняли, Лекс примерно представлял. Сборщики информации, штатные, или же свободные художники. Кто-то что-то пронюхал и решил разузнать подробности. Скорее всего, из-за предстоящей сделки с Севером и его друзьями-скинхедами.

А теперь подробности очень сильно хотел узнать Лекс.

Вчера Лекс связался с Бадом и текстом отстучал, что хотел бы выяснить, кому и зачем понадобилось ставить у него в квартире жучок. Дал координаты продажных ментов, сказал, что оплатит любую информацию в разумных пределах.

Сегодня Бад вышел на связь и, не говоря ничего лишнего, сообщил, что завтра должен встретиться с ним, а также с Лиской и Андерсом.

Это было что-то важное. Бад даже не назвал время и место встречи, сказав, что сообщит позднее и другим способом. И судя по его голосу, это было что-то неприятное.

Пока ничего не было известно, оставалось только гадать, какие неприятности могут быть. ФСБ, управление «К», Интерпол, корпоративные службы безопасности – у хакера всегда много врагов по всему свету.

Вечер выдался нервным. Кроме сообщения от Бада, Лекс еще

ждал подтверждения от Шыма, связного якудзы, который сегодня должен был получить свой заказ – модификацию «Стакса», над которой группа корпела последнюю неделю. Шым молчал, и непонятно было, получил ли, доволен ли.

Работать не хотелось, Лекс вышел на балкон.

А там шепот:

– …лет. Шесть лет. Шесть…

И вроде как жутковато слышать это, а все равно легче становится.

Наверное, потому что по сравнению с этим все тревоги и волнения куда-то на второй план отходят и уже не кажутся такими значительными, как прежде.

Убогие и сирые существуют затем, чтобы остальные могли осознать, насколько им повезло в этой жизни.

Евпатьевны на балконе не было, девушка сидела в полном одиночестве. В руках она держала плюшевую игрушку, с которой, по-видимому, и общалась.

Когда Лекс перегнулся, заглядывая к ним, она его заметила. Не прекращая шептать, чуть подняла голову и посмотрела в его сторону. Получилось так, словно теперь она ему это шептала заговорщицки:

– Шесть лет. Шесть лет. Шесть лет.

– Привет. Привет. Привет, – прошептал ей в тон Лекс и вдобавок приветственно помахал рукой.

Конечно же, она никак не отреагировала.

– Надеюсь, когда-нибудь ты со мной хотя бы поздороваешься, – пробормотал Лекс, возвращая телу прямое положение. – Я бы за пятьдесят штук уж точно поздоровался.

Уставился на улицу. Еще не совсем поздно, и на улице довольно шумно. Крики играющих детей, музычка из колоночек, собака, мотоцикл, кто-то кого-то домой зовет. Спальный район оживал после зимы, теплая погода, стоявшая последние дни, благоприятствовала этому. Народ предавался активному отдыху на свежем воздухе, вдыхая весенний ветер с легкой пропиткой выхлопных газов.

Курить почему-то расхотелось. Бросив пачку на полку, Лекс собрался было вернуться в комнату, но заметил, как с соседнего балкона что-то вылетело.

Перегнулся – так и есть. За борт отправилась плюшевая игрушка, кажется, мишка.

– Неплохой бросок, – заметил Лекс. – Тебе бы в гандбол играть.

– Шесть лет. Шесть лет. Шесть…

Она внезапно умолкла, уставившись вперед. Сделала

движение рукой, будто хотела что-то показать, но передумала. И произнесла:

– Ты был здесь.

– Без «был», пожалуйста, – пробормотал Лекс.

– Ты был здесь.

– Здесь – это где? На твоем балконе?

– Ты был здесь. Ты был здесь. Ты был здесь.

Это просто сменилась пластинка. Только что она говорила про шесть лет, до этого про смородину, а сейчас «был здесь». Это примерно на пару часов, может, чуть больше. Потом появится что-то новое.

Она до сих пор не может самостоятельно встать с кресла и запомнить свое имя. И вряд ли это изменится в ближайшее время.

И был ли тогда смысл?

– Ты был здесь. Шесть лет. Ты был здесь. Шесть лет.

Микс ба микс.

Наверное, лучше бы она молчала. Впрочем, Евпатьевна говорила, что чаще всего она молчит. А если начинает говорить, то обычно просит потушить огонь.

Если ад существует, то его частичка наверняка находится в голове у этой девочки.

Жаль девчонку.

И Евпатьевну жаль.

Дело ведь не в деньгах и даже не в шести годах, которые она провела с ней. Судьба распорядилась так, чтобы ее племянница выжила, но только жизнью назвать это язык не повернется.

Есть, конечно, надежда. Всегда есть. Только когда она сбудется, сколько еще ждать.

– Шесть лет. Шесть лет. Шесть лет.

– А кису будем кормить? Пойдем кису… Добрый вечер.

Лекс вдруг подумал, что за все время, что они знкомы, она до сих пор не знает, как его зовут. Еще в самом начале, когда она представилась, Лекс отмолчался, а больше она ни разу так и не спросила. Нет, было еще раз, когда Лекс дал ей деньги, но тогда он и вовсе отмахнулся, сказав, что не важно. Все, больше не спрашивала.

Сейчас, наверное, глупо отвечать на ее приветствие «Меня зовут Алексей».

Она на днях принесла домой кошку. Котенка какой-то вычурной породы, которого ей всучила одна старая приятельница. В течение нескольких минут Лекс узнал про магические лечебные свойства кошек больше, чем за всю свою жизнь.

– Надеюсь, у нее нет аллергии на кошек, – сказала

Евпатьевна.

– А не тяжеловато будет еще и за кошкой ухаживать?

– Да что там ухаживать, главное к лотку приучить… А она иной раз на котенка посмотрит, а я за ней слежу, и такая радость на душе.

Женщина поправила Алине волосы, погладила по голове.

– У меня к вам просьба будет, – сказала она, сильно смущаясь. – В следующем месяце я ее в Кисловодск повезу, путевку дали-таки. Котенка возьмете на две недели?

– Конечно, – не раздумывая, ответил Лекс.

– Потуши огонь. Потуши огонь.

– Что-то она сегодня разговорчивая, – пошутил Лекс. – Глядишь, скоро анекдоты рассказывать будет.

Евпатьевна через силу улыбнулась, кажется, шутка не очень пришлась ей по душе.

Евпатьевна вкатила коляску в квартиру, соседский балкон опустел. Лекс взял с полки сигареты, повертел их, вздохнул, бросил обратно.

Выходя с балкона в комнату, Лекс подумал, что можно аккуратно переставить жучок в коляску Алины, и тех, кто сидит на прослушке, будет ждать сумасшествие от монотонных повторений бессмысленных фраз.

Телефон дернулся и затих, получив SMS с одного из номеров Шыма.

Всего два символа: ноль и литера «k».

Хоть что-то приносит радость.

Глава 6. Равновесие

Москва, Филевский парк , конец апреля 2007 года

Кафе-чайхана, где была назначена встреча, находилось в глубине Филевского парка, среди только-только начавших покрываться зеленью деревьев.

Заведение открылось пару недель назад и планировалось как летнее кафе под открытым небом. Однако на улице, несмотря на солнце, было довольно прохладно, и немногочисленные посетители дегустировали местный шашлык в небольшом теплом помещении. Пуфики, низкие столики, искусственная зелень и ретро-поп из стареньких колонок.

И все же нашлись те, кто захотел сидеть на улице. Таких было двое: худой парень в спортивном костюме «Найк», с татуировками на всех видимых частях тела, и симпатичная девушка в смешном чепчике, который делал ее похожей на новорожденного ребенка. Они предупредили, что к ним присоединится еще один человек, поэтому обслуживавший их официант вынес три пледа.

Девушка заказала кофе и кальян, парень – зеленый чай и несколько видов пахлавы.

Кто из них нервничал, а кто пребывал в полном спокойствии и умиротворении, догадаться было не сложно. Девушка постоянно вертела пальцем волосы и часто смотрела на телефон, парень же рассматривал все вокруг себя с единственной целью – прокомментировать и высказать свое мнение. Он был настроен крайне позитивно, улыбался чуть чаще, чем надо, и готов был говорить без остановки.

Официант на удивление быстро выполнил заказ и поспешил убраться в тепло. Кофе был невкусным, зато сладости, судя по скорости их исчезновения, оказались великолепными.

Лекс опаздывал. Лиске пришлось коротать время с Андерсом, который, съев всю пахлаву и запив ее литром чая, настроился на волну общения.

– Я за равновесие в природе и вообще во всем. Это мое кредо по жизни, понимаешь, что я имею в виду?

Лиска не понимала, и тогда Андерс объяснил на примере:

– Вот у меня на участке есть два муравейника. В одном живут рыжие муравьи, в другом черные. И они друг друга не признают, типа расовая вражда у них. Рыжие – они быстрые, резкие и агрессивные. Хищники, одним словом. А черные – они такие трудолюбивые, но медлительные, мирные и, я бы сказал, немного

туповатые. Если, например, взять палочку с рыжими муравьями и бросить в черный муравейник, то, пока черные опомнятся, рыжие сбегут к своим. Если же, наоборот, черных бросить в муравейник рыжих, то черным крышка по-любому – разорвут в клочья.

Андерс сделал соответствующий жест руками, видимо показывая, как происходит разрыв.

– У меня большой участок, а муравейники эти находятся далеко друг от друга, но каждая колония развивается, растет, и наступит день, когда им придется делить территорию. Так вот я хочу, чтобы, когда этот день наступит, оба муравейника были одинаково сильны. Чтобы их противостояние не закончилось полным уничтожением кого-то из них. Поэтому я иногда слежу за ними, и если мне кажется, что одни стали чуть круче других, то я подкармливаю более слабых. Жрут они все подряд, но рыжие мясо любят, а черным по душе халва, крошки от печенья, сыр. Кокаин, кстати, и те и другие уважают, я проверял…

– Слушай… – перебила его Лиска. Посмотрела на часы, подумала, что еще несколько минут, и она снова будет звонить Лексу и выяснять, почему его так долго нет. – На хрена ты мне все это рассказываешь?

– Ну… чтобы ты не скучала.

– Поверь, мне не скучно.

– Тебе комфортно?

– Что?

– Я хочу, чтобы в моем обществе тебе было комфортно и не скучно.

– Зачем? – с подозрением спросила Лиска.

– Мне кажется, мы могли бы что-то замутить вместе…

– Замутить?

– Ну да. Ты и я…

– Забудь, – обрезала Лиска.

– Почему? У тебя никого нет, я тоже свободен, а если у нас что-то получится…

– Забудь! – снова оборвала его Лиска. – Еще раз подкатишь ко мне с этим вопросом, и я сделаю все, чтобы Лекс тебя выгнал из команды. Ладно?

– Ладно, – пожал плечами Андерс. – Просто ты меня еще не так хорошо знаешь. А когда узнаешь, то поймешь, что я общительный и дружелюбный…

Лиска набрала номер Лекса, выслушала сообщение оператора о том, что она не сможет сейчас дозвониться, чертыхнулась, спрятала телефон в сумочку, устало посмотрела на Андерса.

– Телефон отключен, – пояснила она.

– Это проблема?

– Проблема в том, что он опаздывает, а речь шла о чем-то важном.

Судя по всему, Андерса это не очень опечалило.

– Боссы не опаздывают, а задерживаются. Кстати, о боссах. И в продолжение темы о равновесии. У меня на участке живут два паука. Одного зовут Босс – он здоровенный такой, в беседке под потолком, а второй живет под крыльцом…

– У тебя что, инсектарий, что ли, на участке?

– Кое-какая живность имеется. Так вот… второго паука зовут…

– Что ты там про пауков рассказываешь?

Лиска облегченно вздохнула, увидев Лекса.

Он подошел к столику, но не один, а в сопровождении худого парня с красными кроличьими глазами и серьгой в ухе. Вошли не со стороны центральной аллеи, а откуда-то сбоку.

Конечно же, никто и не подумал извиниться за опоздание.

– О, шеф, дружище, здорово! Не про пауков, я про равновесие рассказывал. У меня на участке живут два паука, я их иногда подкармливаю мухами, но всегда даю им поровну…

– Ты что, обкурился? – спросил Лекс, усаживаясь на свободный пуфик.

Его спутник сделал то же самое, взяв еще один пуфик у соседнего столика. Под мышкой у него был зонтик, он аккуратно положил его на колени, а сам выпрямился и стал похожим на человека, проглотившего швабру.

– Нет, с чего ты взял?

– Он вчера закупился у Михаэля на пять штук, так что скорее всего да, обкурился, – произнес человек-швабра.

Андерс вздрогнул, пристально посмотрел на него.

– А ты кто вообще?

– Это Бад, – ответил Лекс. – Он хочет сообщить нам что-то важное, собственно, из-за него мы здесь и собрались.

– Это он захотел мерзнуть на улице? – осведомилась Лиска.

– Так надо для безопасности, – ответил Лекс.

Андерс тем временем поинтересовался у Бада:

– Ты что, знаешь Михаэля?

– Я много кого знаю, чувачок, – произнес Бад. – Но речь не о твоих дилерах, а кое о чем другом, более важном. Речь о вашем заказе, который вы еще не успели обсудить на приватке.

– Каком заказе? – нервно спросила Лиска и посмотрела на Лекса: – Это кто такой?

– Все нормально, – кивнул Лекс. – Бад из «Синдиката Д», он в курсе всего.

– Угу, – подтвердил Бад. – Я даже знаю по именам все твои

любимые игрушки.

Лиска почему-то быстро покраснела и не сразу нашлась, что ответить.

Подошел официант, принес еще один плед и бутылку минералки с бокалом.

– Это за счет заведения, – сказал он ровным голосом и удалился.

Андерс с подозрением посмотрел ему вслед, Бад же спокойно плеснул в бокал минералку, сделал глоток и продолжил:

– Так вот. Речь о вашем заказе. Если не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, на вас вышел крупный клиент, который предложил вам очень много денег за участие в некоем проекте. Денег много, проект секретный, принять решение вы должны в ближайшее время. Так?

Лекс, Андерс и Лиска переглянулись.

– В принципе так, – кивнул Лекс.

– Вы знаете, чем вам придется заниматься?

– В общих чертах, – ответил Лекс. – Что-то связанное с модификациями «Стакса».

– Вам поставят задачу – написать модификации вируса под серверы крупнейших мировых бирж, электронных платежных систем, интернет-банков, крупных инвестиционных компаний и так далее, все, что связано с деньгами, кредитами. Все это будет использовано в одно время и с единственной целью – обрушить экономику всего мира.

– Вау, – произнес Лекс. – Спасибо, что предупредил. Это бесплатно?

– Это как минимум не смешно, – ответил Бад. – То, что ты нашел у себя дома, это только начало. Дальше будет колпак.

– Это вы про что? – поинтересовалась Лиска.

– Синдикат поставил в моей квартире жучок и взял меня под наблюдение, – сказал Лекс. – И как говорит Бад, дальше будет только хуже.

– Вы не должны соглашаться на эту работу, – произнес инфотрейдер.

– Почему это? – спросила Лиска, накручивая волосы на палец.

– А вы знаете, кто ваш заказчик?

– Кучка богатеньких скинхедов, которая решила потрепать нервы еврейскому сообществу, – буркнул Андерс. – Слушай…

– Это ты слушай, чувачок, – оборвал его Бад. – И слушай внимательно. Ваши заказчики не кучка богатеньких скинхедов, и они будут трепать нервы не еврейской диаспоре. Им вообще плевать на евреев, цыган, славян… Во всяком случае, пока плевать. Вы не совсем понимаете, о чем идет речь, поэтому я

здесь.

Внезапно налетевший ветер смел со стола крошки пахлавы прямо на колени Андерсу. Чертыхнувшись, тот стал отряхиваться.

– Ну… рассказывай, – пожал плечами Лекс.

– Ты уже познакомился с Лотаром Эйзентрегером? Европеец, выглядит на пятьдесят – пятьдесят пять лет, седой…

Лекс кивнул.

– Этот человек – связной ваших настоящих заказчиков, называющих себя Четвертым рейхом. Тем, кому нужна не разовая акция, а длительный хаос. И не в отдельно взятой стране, а по всему миру. Им надо, чтобы всюду воцарилась анархия, гражданские войны, мародерство, насилие…

– Зачем? – спросила Лиска.

– Все очень просто. Когда весь мир заполыхает и никто не будет понимать, что происходит, тогда на сцену выйдут они, чтобы навести порядок и забрать власть в свои руки.

Андерс наконец закончил разбираться с крошками и сразу же высказал свое мнение:

– Это игра по-крупному.

– Да, ставки высоки, – подтвердил Бад. – Эйзентрегер сейчас набирает хакеров по всему миру. Мы предполагаем, что это его личный проект, с которым он связывает большие надежды. Скоро ему понадобится очень много модификаций «Стакса». Еще ботнеты для организации ддос-атак на банковские сервера… У него будет много работы, и он будет хорошо платить.

– А мы, значит, обрушив десяток банковских серверов, посеем в мире хаос? – скептически спросил Лекс.

– Не все так просто, чувачок, – ответил Бад. – Десятком банков дело не кончится. Мир стал слишком зависим от компьютеров, в этом его сила, но в этом и слабость. Ты же сам написал «Стакс» и знаешь, что его можно модифицировать подо что угодно.

– «Стакс» написал ты?! – воскликнул Андерс, с восхищением глядя на Лекса. – Оригинальную версию? Нет, серьезно?

– Он что, не знал? – удивился Бад.

– Да я особо не афишировал, – скромно ответил Лекс.

– Вау, круто, дружище! – Андерс оживился. – Ты сейчас вырос в моих глазах до небес!

Его даже не удостоили вниманием, но Андерса это ничуть не смутило. Лиске пришлось дернуть его за рукав, чтобы угомонить.

– Цены на модификацию «Стакса» начинают расти, – сказал Бад. – Некоторые ваши коллеги тоже получили похожие предложения от Эйзентрегера и его представителей. Те, кто согласился, уже не принимают заказы. Так что вчерашний заказ

ты продешевил процентов на двадцать.

– Ты про что? – спросил Лекс.

– Брось, – отмахнулся Бад. – Вчера ты продал Шыму версию вируса, заточенную под NEC Biglobe. Синдикату это известно, потому что ты уже под наблюдением. Колпака пока нет, но инфа уже копится.

– Круто, – пробормотал Лекс.

– Кстати, вот тебе яркий пример: ты думаешь, что атака на NEC – это конкурентные разборки в чужой тебе стране, но на самом деле Шым и его люди тоже работают на Четвертый рейх. Я, правда, так и не понял, что у них там… но не важно. Суть в том, что, выполняя заказы Эйзентрегера, вы будете создавать много модификаций вируса, которые блокируют или нарушат работу провайдеров, притормозят работу телефонных компаний, центров управления полетами… да все что угодно. И все атаки пройдут одновременно, чтобы всюду началась паника.

– И что, из-за этого рухнет экономика? – недоверчиво спросил Лекс.

– А ты попытайся уничтожить те ценности, к которым сейчас стремятся почти все жители земного шара. Попробуй представить, что случится, если превратить все валюты мира в мусор. Прикинь, как озвереют люди от такой подачи?

– Как можно уничтожить все валюты мира? – спросил Андерс.

– Очень просто. Начнется с доллара, поскольку все завязано на него, ну, а дальше снежный ком покатится! – Бад плеснул в бокал еще минералки, выпил залпом. – Это не так сложно, как вам кажется. Вы знаете, что три четверти всех банковских активов США сосредоточены в десятке банков? Голдман, Мэрил, Морган, Леман… что, чувачок, уже слышал эти имена от своих новых друзей? Эти банки крепко повязаны между собой. Достаточно создать проблемы одному или двум. Какой-нибудь скандал, несколько финансовых ошибок, сбой в работе серверов, акции упали в цене, поползли слухи, ну а дальше, как я уже сказал, будет снежный ком, несущийся с горы и сметающий все на своем пути. Вскроется несколько финансовых пирамид, возникнут проблемы с плохими кредитами, наступит ипотечный кризис… Ты же знаешь, как в топы выводятся заказные статьи. Несколько месяцев финансовой неразберихи и черного пиара, и деньги прекратят свое существование. Впрочем, их и так не существует, практически все деньги мира – это всего лишь байты на банковских серверах. Но не суть.

Бад оглядел притихших собеседников. Взял салфетку, промокнул уголки рта, затем продолжил:

– Потеряв все, люди выйдут на улицы. Начнутся массовые

беспорядки, а армия и полиция не помогут, потому что они тоже перестанут понимать, что происходит. Децентрализация власти, продовольственные кризисы, отключения электричества, беспорядки, мародерство… Несколько терактов в нужное время в нужных местах – и правительства стран будут, как падающие доминошины, один за другим подавать в отставку. А потом появятся ваши друзья с красивыми лозунгами о спасении, равенстве, братстве, возрождении… Они это умеют. А вот когда они придут к власти, а они придут, тогда роман Оруэлла покажется невинной детской сказкой.

Снова налетел ветер, на этот раз подхватил салфетку, которую Бад бросил в пепельницу, и швырнул ее Андерсу в грудь. Андерс дернулся, нелепо взмахнул руками, отбрасывая салфетку, словно ядовитую змею.

– Мрачная картина, – заметил Лекс.

– Угу. И главная проблема в том, чувачок, что про Четвертый рейх никому ничего не известно. Мы не знаем, кто их главный руководитель, не знаем точно, сколько человек в их организации, что за эксперименты они проводят, какие технологии им доступны и сколько корпораций находится под их контролем.

– Неужели есть что-то, о чем не знает Синдикат? – с издевкой сказала Лиска.

– У Синдиката очень немного данных, и большая их часть засекречена, – ответил Бад. – Правила организации таковы, что некоторую информацию я могу получить только по запросу уровнем выше, а инфа по Четвертому рейху доступна только высшим руководителям Синдиката.

– Не пробовали тупо купить информацию у этого… Эйзентриггера… – посоветовал Лекс.

– Он штурмбанфюрер, чувачок. В отличие от вас, он работает не за деньги, а за идею. Выполняет долг. Боюсь, он не продаст информацию о своих единомышленниках.

– Смотря как попросить, – хмыкнул Андерс.

– Это как? Начать войну? К Лотару так просто не подобраться. Кроме того, он не один, и не известно, кто еще представляет интересы Четвертого рейха на Большой Земле.

Погода становилась все унылее и унылее. Солнце спряталось за тучи, и все походило на то, что скоро должен начаться дождь.

То, что рассказал Бад, Лекса не испугало. Скорее наоборот, заинтриговало. Появилась надежда на то, что это долгожданная игра по-крупному, где от решений будет зависеть дальнейшая судьба и вся жизнь.

– Значит, хакеры атакуют банки и предприятия, на биржах произойдет обвал, экономика рухнет и начнется война? –

подытожила Лиска.

– Это лишь вероятные действия, просчитанные аналитиками Синдиката. Даже если не выйдет раскачать лодку, сконцентрировав под своим командованием большое количество хакеров, Эйзентрегер получит неплохие рычаги для сетевого шантажа многих компаний.

Мелкие капли влаги упали на лица собеседников. Это еще не был дождь, капли стали его предвестниками, предупреждавшими о том, что еще есть время спрятаться в укрытие.

Бад вздохнул.

– У Четвертого рейха наверняка есть еще тузы в рукаве, о которых мы не знаем, а лишь можем предполагать.

– Опасные противники, – сказал Андерс, кутаясь в плед.

– Это сила, которая сейчас вполне может бросить вызов всему миру. Они, кстати, давно могли это сделать, но не хотели рисковать, поэтому ждали, когда мир станет зависимым от чего-то, что они смогут быстро взять под свой контроль. А мир сейчас слишком сильно зависит от…

– Компьютеров, – догадался Андерс.

– Для этого не нужна армия, хотя армия у них тоже есть.

– Наемники?

– О нет, чувачок, не наемники. Точнее, не только наемники. У них есть база в Арктике. Ультима Туле. Там, по нашим данным, находится очень мощная армия. И речь не о количестве человек, их там всего лишь несколько тысяч. Но вот технологии, которые у них есть… они удивляли еще в сорок седьмом.

– База нацистов в Арктике? – недоверчиво спросил Лекс. – Откуда она там взялась?

– Баз было две на самом деле. Одна на северном полюсе, другая на южном. Южная база, называвшаяся базой 211, или Новой Швабией, в пятьдесят восьмом практически полностью была уничтожена американцами. Ну, а северная, арктическая, называемая Ультима Туле, до сих пор стоит целая и невредимая.

– И почему ее тоже не уничтожили?

– Ну… на самом деле причин несколько. Лобби влиятельных финансовых семейств, в свое время спонсировавших НСДАП, незнакомые технологии, подобные тем, что в сорок седьмом уничтожили часть американского флота во время операции «Высокий прыжок»… Но самая главная причина кроется в том, что базу Туле невозможно уничтожить.

– Почему? – спросил Лекс.

– Она построена много тысяч лет назад неизвестной цивилизацией. Поэтому нацисты для отвода глаз пожертвовали Новой Швабией, предварительно эвакуировав оттуда все самое

ценное.

– Инопланетяне? – Андерс оживился.

– Ты серьезно это, про неизвестную цивилизацию? – скептически поинтересовался Лекс.

– Неподтвержденная инфа, которая мне доступна, – пожал плечами Бад. – Читал сегодня всю ночь. Новую Швабию строили люди, а Ультима Туле – неизвестно кто. Поэтому Новой Швабии больше нет, а Ультима Туле под контролем Четвертого рейха.

– И… про эту базу все знают? – удивился Лекс. – Ну, в смысле, если знает Синдикат…

– Да, о ней известно некоторым посвященным. Главы государств, руководители спецслужб… все, кто рано или поздно сталкивается с деятельностью Четвертого рейха на Большой Земле.

– И что, нельзя туда отправить несколько тактических ядерных боеголовок? – спросил Андерс. – Или несколько отрядов с наемниками? Не поможет?

– Не поможет. Через несколько лет после уничтожения Новой Швабии «Армада» выступила посредником между нацистами и остальным миром. Фактически нацисты предъявили миру ультиматум: Арктика должна быть объявлена демилитаризованной зоной, мир не трогает нацистов, нацисты не трогают мир. Они что-то там говорили о духовности, о мирных научных исследованиях, о поисках древних знаний, в общем, всячески убеждали своих недавних врагов в том, что больше не хотят воевать. Конечно, всем плевать было на эти убеждения, только вот других вариантов решения вопроса не имелось. Змея заползла в нору, и достать ее оттуда не было никакой возможности.

– Пока она не окрепла, – хмыкнул Андерс. – Восстановила свои силы, вспомнила славные старые времена и решила выползти из норы.

– Точно, – подтвердил Бад.

Наступило молчание, какое обычно наступает в конце встречи, перед тем как подводится итог разговора. В этой тишине ветер казался особенно сильным.

Лиска крутила волосы на пальце, по обыкновению волнуясь. Андерс напротив, воспринял рассказ Бада с любопытством, но не более. Во всяком случае, близко к сердцу его слова принимать не стал.

А Лекс чувствовал одновременно и волнение, и любопытство, и азарт.

– Значит, Эйзентрегер говорил правду? – пробормотал он. – Ну, что на кону весь мир и все такое?

– Да, чувачок. И если вы примете не ту сторону… боссы Синдиката очень не любят все, что связано с нацизмом. Так что, боюсь, мы уже никогда не будем друзьями.

Фраза прозвучала обыденным голосом, но с угрожающим оттенком.

– Что, Синдикат перестанет продавать мне информацию?

– Не только. Скажем так, информация о вас станет более доступной. Гораздо более доступной.

Бад пробарабанил пальцами по столу, словно колеблясь, стоит ли продолжать или нет.

– У вас и так много врагов, чувачок. А если вы начнете работать с Эйзентрегером, их станет на порядок больше. Знаешь, что сделает Синдикат? Мы найдем всех, кому каждый из вашей команды когда-либо создал проблемы, и предоставим всю информацию о вас совершенно бесплатно.

– Ты мне угрожаешь?

Бад невесело усмехнулся и поднялся.

– Для модификаций «Стакса» ты лучшая кандидатура, но не единственная. Если ты откажешься, нацисты найдут других программистов. А если те не справятся, то появятся другие. Рано или поздно они добьются своего, и в Синдикате это понимают. У мира сейчас две проблемы, которые привели его на край пропасти: слишком сильная зависимость от компьютеров и дырявая экономика, помноженная на жадность мировых банкиров. Достаточно чуть-чуть подтолкнуть его, и он полетит вниз вместе со всеми нами.

Говоря это, Бад поставил на край стола бутылку с остатками минералки и поднес к ней согнутый палец. Выпрями он палец, и бутылка упала бы на плитку, разбившись вдребезги, но Бад, подержав палец пару секунд, отодвинул бутылку в сторону.

– Синдикат всего лишь поддерживает равновесие всеми доступными способами. А я пришел сюда исключительно по старой дружбе, не для того чтобы угрожать. Для того чтобы предупредить. И попросил прийти твоих друзей, надеясь, что они смогут тебя отговорить.

И если уж быть до конца откровенным… я не знаю, проиграешь ли ты или выиграешь. Пока не дойдешь до финиша, не узнаешь свое место. Но если вы в это ввяжетесь, у вас будет столько неприятностей,что…

Он посмотрел по сторонам, словно пытался найти подходящее сравнение, затем махнул рукой и пошел прочь, даже не попрощавшись.

Лекс посмотрел на Андерса и Лиску. Те сидели притихшие, задумчивые, немного ошарашенные.

– Ну, что скажете? – мрачно спросил Лекс.

– А что тут скажешь? – хмыкнул Андерс. – Я ваще не понял, что это сейчас было.

– Это было предупреждение, – пояснила Лиска.

– Китайское?

– Тебя еще не отпустило? – едко полюбопытствовала Лиска.

– Ну, ладно, ладно… Я все понял. Синдикат и скинхеды – враги. Этот твой знакомый сказал нам, что если мы станем работать на Эйзентрегера, то нам крышка, и теперь нам надо решить, лезть туда или нет. Правильно?

– Только крышка будет не только нам, но и всему миру, – сказала Лиска.

– Ну, это по его словам. А может, мир действительно станет лучше и чище.

– Что-то я не помню, чтобы с приходом Гитлера мир стал лучше и чище.

– При чем тут Гитлер? Гитлер вообще был пешкой, чем-то вроде вывески у нацистов.

– Он вообще-то их вождем был, – напомнила Лиска.

– Точнее, громкоговорителем. Там всем заправлял Хаусхофер…

– Кто?

– Хаусхофер и Гесс, и если мы говорим о Германии как об империи, то сто лет назад…

– Заткнитесь оба, а? – нервно попросил их Лекс. – Плевать на то, что было сто лет назад. Плевать на то, что было десять лет назад, и на то, что было вчера. Надо решать, как действовать сейчас.

– Нашим сказать надо, – предположила Лиска и неуверенно добавила: – Наверное.

– Если вы не захотите связываться с Синдикатом и приведете убедительные аргументы, я скажу Северу, что наша команда стала неэффективной, и откажусь от его предложения. Лиска?

– Я не боюсь Синдиката, – ответила Лиска. – Я уже говорила, чего я боюсь. Шесть месяцев изоляции… Ну, там, клаустрофобия и все такое…

– Это время пролетит очень быстро, особенно если все это время работать, а не думать о клаустрофобии, – сказал Лекс. – У японских корпораций есть двух- и трехгодовые проекты. И ничего, люди работают.

– Да, я знаю. А по окончании контракта становятся миллионерами.

– И, как правило, заключают еще более выгодные контракты. Так что? Твое мнение?

– Я как все, – ответила Лиска и сразу же поправилась: – Как ты решишь, так и будет.

– Ясно. Андерс?

Андерс пожал плечами.

– Я у вас человек новенький…

– Но право голоса у тебя есть.

– Дружище, я как Лиска. В смысле, я – как ты скажешь. Скажешь «да», значит – да. Скажешь «нет», значит – нет. Но…

Андерс сделал многозначительную паузу и принял задумчивый вид.

– Но? – нетерпеливо спросил Лекс.

– Если меня не будут перебивать, то я объясню свою позицию.

Лиска и Лекс переглянулись, девушка вздохнула и покачала головой.

– Объясняй, – кивнул Лекс. – Только покороче.

– Дело в том… вот смотрите. Мне тридцать лет. У меня есть дом, машина, еда, одежда, в общем, я, может быть, не богат, но уж точно обеспечен всем необходимым. Казалось бы, надо жить в свое удовольствие и ни о чем не задумываться, но знаете что? Я задумываюсь. Я иногда спрашиваю себя: для чего? В чем смысл моего существования? Зачем я вообще здесь?

– Покороче, Андерс, – вздохнув, попросил Лекс.

– Если покороче – это хороший шанс выйти на следующий уровень. Я искренне надеюсь на то, что твой знакомый был прав и Эйзентрегер затевает что-то серьезное. Я не боюсь Синдиката. Они такие же барыги, как Михаэль, только торгуют не травяной дурью, а информационной. А вот работа на крупную корпорацию, пусть даже она нелегальная, – это всегда игра по-крупному.

– Бад сказал, в этой игре на кону весь мир, – напомнила Лиска.

– Ну так это хорошо! – воскликнул Андерс. – Задумайтесь только – судьба подбрасывает нам шанс проявить себя и изменить мир. Не знаю, как вы, а я всегда мечтал сделать что-нибудь такое, чтобы было потом что вспомнить. Не мне вспомнить, а потомкам.

Солнце едва вылезло из-за края тучи и через несколько секунд скрылось. Ветер снова поднялся. По аллее ветер нес бейсболку, за ней гнался мальчишка лет десяти. Настигнув ее, схватил и, прижимая к груди, побежал обратно.

– Не боишься, что потомки тебя проклинать будут? – спросила Лиска.

– Победителей не проклинают, – твердо произнес Андерс. – А если мы не верим в победу, тогда лучше сразу заднюю дать и не впрягаться.

Он был прав. Сказал все в цвет.

Лекс тоже надеялся на то, что за спиной Эйзентрегера действительно могущественные силы и игра будет по-крупному. И когда Бад рассказал о том, насколько опасно связываться с Четвертым рейхом, он не предупредил, а наоборот, подтолкнул Лекса к тому, чтобы дать свое согласие.

И все же он колебался. С Синдикатом ссориться не хотелось, потому что полгода пролетят очень быстро, а дальше вся жизнь.

– В общем, мы с тобой, какое бы ты решение ни принял, – сказала Лиска, видимо почувствовав его колебания. – И пофиг на Синдикат, нацистов и мировой порядок. Только знаешь что… Нашим, наверное, стоит рассказать то, что нам Бад рассказал.

– Да не наверное, а точно надо рассказать, – кивнул Лекс. – Ты этим и займешься.

– Просто если наши узнают истинный расклад, Тулли и Симон откажутся, – сказала Лиска. – Да и Майя, скорее всего, тоже.

Она тоже была права. Симон и Тулли, самые старые члены группы, участвовавшие еще в разработке «Стакса», никогда не скрывали, а скорее даже подчеркивали свои еврейские корни. Очень сильные прогеры. Безусловно, талантливые, и, безусловно, самоуверенные. Старшинство Лекса они признавали и, наверное, понимали, что живы только благодаря связям Лекса.

Тем не менее они ни за что на свете, ни за какие деньги не станут помогать нацистам, наследникам тех, кто устроил холокост. Скорее всего, они отскочат. Потеря для группы не смертельная, но неприятная. Кто знает, может, именно на них намекал Эйзентрегер, когда говорил, что, потеряв некоторых членов, команда Лекса станет неэффективной.

Дождь наконец начался. Мелкий, противный, моросящий – он сразу стал менять цвета асфальтовой дорожки, плитки, которой была покрыта площадка, бетонных ступенек.

Заторопился прогуливавшийся по парку народ. Кое-кто из предусмотрительных гуляк на ходу раскрывал зонтики.

Из заведения вышел официант. Подошел к их столику и предложил перенести все внутрь.

– Не надо. Счет пожалуйста, – сказал Лекс.

– Ты же ничего не заказывал, – сказал Андерс, посмотрев в спину уходящему официанту.

– А я и не собираюсь платить. Ладно. – Лекс поднялся. – Я еще подумаю, что и как. Завтра в три по Москве, на приватке. Всем. Будем решать, кто с нами, а кто против нас.

И, так же как и Бад, не попрощавшись, Лекс пошел прочь.

Лиска посмотрела на Андерса и поинтересовалась:

– А как же равновесие и баланс сил? Или ты уже переобулся?

– Всякое равновесие существует только для того, чтобы его когда-нибудь нарушить, – ответил Андерс и крикнул в сторону: – Счет принесите, пожалуйста!

Глава 7. Карма

Рейс Москва – Ростов-на-Дону, конец апреля 2007 года

Помимо обычного самолетного запаха, который присутствует в эконом-классах любой авиакомпании в мире, в этом самолете чувствовался запах алкоголя. Не омерзительно-рвотного, к счастью. Просто запах чего-то спиртосодержащего и ароматонесущего.

А еще в салоне была пробка среди рядов, но это обычное дело для самолетов такого класса.

Причину пробки и запаха Ник обнаружил, когда пробился сквозь толчею к своему месту: в паре метров впереди пьяный мужик сокрушался по поводу разлившейся бутылки коньяка. Стюардесса торопливо вытирала сиденье салфеткой и, кажется, едва сдерживалась, чтобы не обложить мужика матом.

Из-за такого же пьяного идиота, пролившего пиво на стоянке, Ник опоздал на утренний бизнес-класс. Пришлось лететь вечером, причем эконом-классом, что совсем не радовало.

Ему нравилось перемещаться с комфортом, хотя бы минимальным. Один раз проехавшись в СВ, он уже никогда не покупал купейные билеты, а слетав бизнес-классом, уже не хотел пользоваться экономом. Но количество самолетов, имеющих салоны бизнес-класса на маршруте Ростов – Москва, было чуть меньше, чем мало.

Сзади подпирали нетерпеливые пассажиры, желающие побыстрее занять свои места. Ругались и толкались, шикали друг на друга, в общем, вели себя как быдло.

Это карма, подумал Ник, глядя на пьяного мужика. Надо было дождаться следующего утра и лететь бизнесом. А сейчас еще попадется какой-нибудь нудный сосед, который всю дорогу либо будет нести чушь, либо храпеть. И все это придется терпеть.

Все три кресла, среди которых было и место Ника, пустовали. Ник беспрепятственно пролез к окну, достал коммуникатор, вставил в ухо джабру, вошел в сеть.

– Есть какие-нибудь новости?

– Около часа назад устранены неполадки в сети NEC Biglobe,

– любезно произнес женский голос.

Речь шла о крупнейшем японском провайдере, у которого сегодня возникли какие-то проблемы, в результате чего треть Японии оказалась без Интернета.

– Очень рад, – пробормотал Ник.

– Причина неполадок – хакерская атака с использованием модифицированного вируса серии «Стакс».

– Это как-то связано с тем, что я ищу?

В прошлый раз он сказал «мы ищем» и был немедленно поправлен своей собеседницей, которая уточнила, что поисками занимается Ник, а она всего лишь – дословно – оказывает ему содействие.

– Прямая связь не обнаружена. Возможна косвенная связь. Установить?

– Хакеров наняла Синка?

– Прямая связь не обнаружена. Возможна косвенная связь. Установить?

– Не надо, – пробормотал Ник. – Что-нибудь еще есть?

– Ничего, что могло бы тебе помочь в поисках. Заканчивается посадка на рейс 1902 Москва – Ростов-на-Дону…

Про себя чертыхнувшись, Ник отключился. Убрал коммуникатор и, откинувшись на спинку, прикрыл глаза.

Уже почти год, как он ее создал. Ее или его? Во всем мире эту программу называют спутником.

Поисковая программа – прототип искусственного интеллекта. Хотя большинство тех, кто пользуется такой программой, утверждают, что это никакой не прототип, а самый что ни на есть ИИ.

Самая первая версия. Original. Когда-то ее имя было idtest191174, теперь ее зовут iSiN. Исин, если по-русски.

Она помогает собирать информацию в Сети, в этом ей нет равных.

В сетевом поиске любому Синдикату фору даст и победит.

Копии Исин, настроенные питерскими братьями Пашей и Колей под самых разных людей, сейчас гуляют по всему миру. Сотни, а может, уже и тысячи.

Официально их контора занимается социальной Сетью. Фоточки, статусы, флеш-игры. Только в одном питерском офисе сидит около сотни человек.

И во всем мире не больше десяти человек знают о том, чем занимаются владельцы социальной сети, два брата-программиста. Их настоящий бизнес, приносящий большие деньги и большое влияние.

Недостаточно просто инсталлировать спутник на какой-

нибудь носитель, подключенный к Интернету, активировать его и запустить поиск. Перед этим спутник надо настроить на конкретного хозяина. Обучить его распознавать голос, какие-то привычки. Спутник невозможно взломать, он как преданный пес, для которого весь мир крутится вокруг его хозяина.

Братья проверяли каждого человека, которому настраивали спутник. Многим отказывали. И никого, даже Ника, не подпускали к своим разработкам. То ли не хотели делиться прибылью и властью, то ли боялись, что секрет настройки перестанет быть секретом.

Ник не понимал ажиотажа, связанного со спутниками. Для него это была обычная программа. Ну, ладно – гениальная, но все же программа. Она могла находить информацию, могла – условно – поддерживать беседу… и все.

И с утверждениями, будто спутник нельзя взломать, Ник был не согласен. Взломать можно все, особенно если это придумано человеком. Он иной раз и сам подумывал, а не хакнуть ли исин? Но пока мысль не сформировалась в очевидное желание, Ник занимался другими делами.

Питерский офис Ник оставил около пяти месяцев назад. Уволился аккурат перед новым годом, к этому времени окончательно поняв, что его миссия выполнена. Последнее время он фактически просто просиживал штаны в офисе, в основном занимаясь общением со своим спутником.

Место, конечно, было теплое. В смысле, в офисе. Отдельный кабинет, полная свобода действий, в социальной сети занимайся чем хочешь, только не лезь к настройкам спутников.

Братья хорошо платили. Настолько хорошо, что он мог уже начинать писать книгу «Как я заработал первый миллион в твердой валюте». Но не было желания тратить деньги. Не было желания следовать советам офисных мудрецов и вкладываться в недвигу. Не было желания гулять и кутить или же играть в казино.

Не хотелось работать.

В какой-то момент Ник почувствовал, что нащупал новую золотую жилу. Флеш-игры для социальных сетей, бесконечное клацанье мышкой, чтобы собрать урожай с фермы, отправить армию танчиков на захват соседских территорий или построить дом в миллион этажей. Принцип любой игры одинаков: подсади на игру как можно больше своих друзей – и ты будешь лучшим. Заплати каких-то пару долларов, и ты будешь лучшим из лучших. Самое привлекательное: не требовалось никаких затрат. Главное, разработать движок игры, а потом можно на него вешать любые картинки и делать из него две, три, десять разных игр.

Игры заставляли людей просиживать перед монитором часами, и, по мнению Ника, уже через пару лет они будут самым главным злом для офиса в любой компании.

Он хотел заняться этим направлением и даже стал набирать людей, чтобы сформировать отдел, который будет заниматься исключительно разработкой движков для игровых приложений. Но однажды утром, придя в офис и зайдя к себе в кабинет, Ник не стал подходить к столу, осмотрелся, подумал и вышел.

Около часа он гулял по Невскому проспекту, заглядывая людям в лица, думая о чем-то.

Все мысли сводились к одному: найти Синку.

Он так и не понял, что между ними было – сначала в Москве, потом в Ростове. То ли любовь, то ли страсть. А может, и не было ничего, во всяком случае взаимного.

Но очень хотелось посмотреть в ее глаза разного цвета и что-нибудь сказать. Или для начала хотя бы выяснить, где она.

Спустя час Ник вернулся в офис, полностью забыв про флеш-игры и вообще про социальную сеть.

Сначала помогала Исин. Собирала информацию по сети, уточняла, находила людей и их контакты. В этом ей не было равных. Практически весь свой рабочий день Ник звонил, писал, спрашивал, ждал и очень часто не получал ответа.

Потом он стал пользоваться услугами Синдиката. Информационная игла, на которую он подсел, съела чуть ли не половину его сбережений, но никаких сведений о том, где сейчас может находиться Синка, он так и не получил. Можно было платить еще и еще, Синдикат был бездонной бочкой, но Ник вовремя остановился.

Надо было ездить по стране, встречаться с людьми, которые стараются держаться подальше от Интернета, камер наблюдения, телефонов… в общем, в середине декабря, спустя два месяца после открытия ресурса, Ник пришел в кабинет к братьям и объяснил, чего он хочет.

Творческий кризис, застой мысли, надо развеяться, съездить в пару мест… и, скорее всего, уже не вернуться.

Его не стали удерживать и особо не уговаривали остаться, что даже немного покоробило самолюбие Ника. Паша подарил Нику новый, еще даже не вышедший в продажу коммуникатор. Ну а Коля выписал премию, почти соответствующую плодам их длительного сотрудничества.

«И снова здравствуй, Синдикат», – подумал Ник, рассматривая нули премиальных, поступивших на его счет.

Покидая питерский офис, Ник ощутил что-то вроде тоски, но длилось это чувство недолго. В тот же день Ник уехал на ночном

поезде в Москву, а на следующий день уже встречался с Джамбой, чье место пребывания ему любезно и совершенно бесплатно предоставила Исин.

Встреча закончилась ничем, Джамба видел в последний раз Синку в Ростове, в августе 2004 года, вместе с Ником. Он вообще оказался малоразговорчивым и буквально выставил Ника за дверь.

Но перед этим все же назвал пару людей, которые могли знать Синку гораздо лучше. Один жил в деревне под Липецком, вторая тусила в Ницце.

Ник встретился с этими людьми, а потом встречался еще со многими другими. Менты и жулики, спортсмены и околофутбольные хулиганы, нищие и олигархи. Ницца, Неаполь, Дрезден, Сингапур, десятки российских городов и деревень.

Она побывала везде, где только можно. Если на стену повесить карту и протянуть нитки согласно ее перемещениям, то получится довольно плотный ковер.

Кто-то ее хорошо запомнил, кто-то вспоминал с трудом – она нигде не задерживалась очень долго, всюду появлялась и исчезала неожиданно, беспричинно. И, конечно же, никто не был в курсе ее планов и не мог предположить, где она может находиться в данный момент.

Пытаясь отследить Синку, Ник составлял график ее перемещений, и складывалось впечатление, что она хаотично перемещалась по всему миру без какой-либо внятной цели. И Ник упрямо повторял ее маршрут, шел по следу, как когда-то шли по следу за ним наемные убийцы-дашнаки.

У любого человека, если он не отупевший от быта овощ, должна быть глобальная цель в жизни. Такая, достигнув которую он даже не будет знать, что делать дальше. Цель, похожая на мечту. Или даже одержимость.

У Ника была такая цель. Найти девушку. Узнать про нее все. Понять, кто она, откуда и почему так поступила с ним, дважды его подставив.

За время поисков Ник иногда натыкался на упоминания странных предметов, которые меняли цвет глаз своих хозяев и якобы наделяли их какими-то волшебными свойствами. Впервые об этих предметах он услышал несколько лет назад от одного бомжа-калеки из ростовского Отстойника. Рассказ был коротким и бессвязным, а многоточие в его истории поставили дашнаки, которые устроили в Отстойнике бойню. Тем не менее еще два человека вскользь упоминали о слухах, касаемых волшебных предметов.

Ник попросил Исин выяснить, что это за предметы, и

услышал развернутый ответ «ни о чем». Сеть была наводнена легендами и мифами, которые в свое время активно и безуспешно изучались гитлеровцами из «Анненербэ» и каким-то засекреченным отделом КГБ. Никаких подтверждений, ни одного источника, хоть как-то заслуживающего доверия.

Не было информации о предметах и у Синдиката. Точнее, была – но из категории «неподтвержденной», то есть Синдикат не давал гарантии, что информация верна. Парадокс, но такая информация в прайсах Синдиката стоила очень дорого и при этом фактически не стоила вообще ничего.

Все, что знали в Синдикате, в принципе повторяло невнятный рассказ, услышанный Ником от одноногого бомжа из Отстойника: волшебство, магия, невиданная сила…

Скорее всего, эти предметы имели какую-то историческую ценность, вроде нэцкэ известных японских мастеров. Наверное, они стоили больших денег – хотя Исин утверждала, что в официальных каталогах упоминаний о них не было.

Ник послал предметы вместе с легендами к черту. Ему была нужна Синка, с предметом или без – все равно.

Он был одержим и прекрасно это понимал. Найти Синку для Ника превратилось в единственный смысл жизни, больше его ничего не интересовало. Это не означало, что он не спал ночами, не ел, похудел и осунулся, – нет, он находился в полном здравии, мог трезво мыслить, не пил и не употреблял наркотики, а по утрам чистил зубы и делал зарядку. Но при этом мозг его почти все время работал только в одном направлении: что еще можно сделать, какие шаги предпринять, чтобы отследить ее.

В Ростове Ник должен был встретиться с двумя людьми. Один – некий Корж, диджей из клуба «Эмбарго», участвовал в турне, к которому каким-то образом имела отношение Синка.

Второй – Заза Джапаридзе, бывший агент Синдиката, а теперь инфотрейдер-одиночка, занимающийся темными делишками вроде информационного вымогательства и организации корпоративного шпионажа.

С Зазой Ник был немного знаком, но все попытки связаться с ним дистанционно терпели неудачу. В «Эмбарго» сегодня вечеринка, так что сама судьба велела начать с Коржа. А потом можно будет заняться поисками Зазы. В крайнем случае, заплатить за поиски Синдикату и поговорить насчет…

– Прошло уже почти две недели после Вирджинской бойни, а никто до сих пор не может понять, как это могло произойти.

От голоса, прозвучавшего над ухом, Ник вздрогнул, повернулся. Он даже и не услышал, как уселся его сосед – молодой типчик в кепке-бейсболке, шейном платке и в

здоровенных темных очках. Он с аппетитом грыз красное яблоко, и судя по очертаниям наплечной сумки, лежащей на коленях, запас этих фруктов у него был приличный.

– Простите? – переспросил Ник.

– Вирджинская бойня, помните, десять дней назад? В самом демократичном государстве, что, как мне кажется, очень символично. Студент пришел в институт, до зубов вооруженный. Тридцать два «двухсотых», двадцать пять «трехсотых», потом пустил себе пулю в голову, а власти до сих пор гадают, как они могли это проморгать. Это я сейчас аналитическую передачу по радио слушал, о влиянии боевиков и компьютерных игр… Извините. Алексей, ваш попутчик на ближайшие полтора часа.

– Василий, – произнес Ник и неохотно пожал протянутую руку.

– Итак, Василий, зачем летите в Ростов? В гости или домой?

– В гости.

– Деловая командировка?

– Угу.

– А чем вы занимаетесь, если не секрет?

Не в меру и не в кассу болтливый попутчик начинал уже надоедать. Карма кармой, а развлекать незнакомых людей глупой болтовней не было никакого желания.

– Мерчендайзингом, – ответил Ник и немного грубовато добавил: – Извините, я сильно устал, собираюсь поспать.

– О да, конечно, прошу извинить мою назойливость. – Алексей совершенно не смутился. – Я сам устал, эти пересадки… представляете, должен был лететь утренним рейсом из Шереметьево, но опоздал, и пришлось тащиться во Внуково.

Ник представлял. У него была такая же история, и это совпадение ему не понравилось. Впрочем, говорить он ничего не стал, отвернулся, уставился в иллюминатор.

Посадка наконец окончилась, и трап отъехал в сторону.

– Наверное, эта работа… мерчендайзинг… много сил у тебя забирает, – внезапно произнес Алексей, устраиваясь в кресле поудобнее. – Туда-сюда-обратно, как сказали бы французы, шерше ля фам.

Внезапный переход собеседника на «ты» отвлек Ника, и он не сразу сообразил, о чем идет речь. А когда до него дошел намек, пристально посмотрел на Алексея:

– Вы о чем?

– Да все о том же: о деньгах, любви и смысле жизни. Деньги у тебя есть, любовь ищешь, а смысл не понимаешь. Вот и барахтаешься, как муха в паутине. Как там, в стишке… Паук работал триста лет и сетью мир оплел…

Ник смотрел на него, постепенно понимая, что эта встреча не случайна.

– Вы… ты кто такой?

– Тс-с-с… – Алексей приложил палец к губам и кивнул в сторону прохода. – Дождемся сигнала. Раз, два, три… хоп!

В следующую секунду раздался голос стюардессы:

– Дамы и господа, наш самолет готовится к взлету. Пожалуйста, приведите спинки кресел в вертикальное положение, пристегните ремни, отключите все электронные приборы.

– А вот и сигнал. Пристегнись, Ник, – улыбнувшись, сказал Алексей и хрустнул яблоком. – Если хочешь, буду звать тебя Василием.

– Я не понял…

– Сейчас все поймешь. Забегая вперед, скажу – я являлся совладельцем игры, которую ты взломал и тем самым фактически уничтожил пару лет назад. Но к делу это не относится, так что можешь не переживать.

Стюардесса представляла командира экипажа; слова ее долетали откуда-то издалека.

– А что относится к делу? – напряженно спросил Ник. – Я так понимаю, наша встреча не случайна?

– Случайностей вообще не существует в этом мире, с тех пор как змей посоветовал Адаму съесть вот это. – Алексей поднял надкусанное яблоко. – У меня к тебе есть разговор, который нежелательно слышать непосвященным, а лучше самолета для подобных разговоров места нет. Поэтому ты здесь, я здесь, и больше никого, кроме этих статистов, на которых можно не обращать внимания.

Стюардесса пошла по салону, проверяя, как пассажиры выполнили ее указание. Ее коллега достала откуда-то спасательный жилет и приготовилась читать лекцию о мерах безопасности.

Ник щелкнул замком, снова повернулся к своему странному соседу.

– Итак?

– Итак, ты ищешь девушку с разноцветными глазами.

– Вы знаете, где она?

– К сожалению, нет, и в поисках я тебе не помощник, но я хотел бы рассказать тебе кое-что о предмете, который у нее есть. И, возможно, о других предметах.

– Это которые меняют цвет глаз? – спросил Ник.

Алексей улыбнулся.

– Которые меняют цвет глаз, наделяя своих хозяев некоторыми полезными особенностями.

Говоря это, Алексей снял очки. У него тоже были глаза разного цвета, но едва Ник набрал в рот воздуха, чтобы задать вопрос, как Алексей его опередил:

– Да, и у меня есть предмет, но это тоже к делу не относится.

– А что относится? – хрипло спросил Ник.

– Твоя подружка и предмет, которым она управляет. Или предмет управляет ею. Ну что, ты будешь спать или пообщаемся?

Глава 8. Встреча в верхах

Москва-Сити, апрель 2007 года

Камеры, жучки, поисковые системы уличного наблюдения «Нарайяна» и «Фейс скриннер», фильтры голосов в телефонной прослушке, фильтры поиска в Сети, спутниковое наблюдение… Список можно продолжать до бесконечности.

Существует множество способов следить за кем-то или за чем-то. Любопытство у людей в крови. Жажда узнать чужие секреты и воспользоваться чужими тайнами заставляет придумывать новые способы получения нужной информации.

Но у всех этих способов есть одно слабое место – ресурсы.

Пока кто-то заполняет мир крохотными жучками и видеокамерами, другой уже придумывает новые генераторы помех и экраны, позволяющие хоть как-то защититься от чужих ушей и глаз.

Прослушивается все, но не всегда. Просматривается все, но не везде. Те, кто знает, как все это делается, – имеют большие возможности. Как Синдикат, например.

Несколько лет назад у «Синдиката Д» появился новый бизнес, быстро развивающийся и весьма полезный в мире, полном конспирации и конспирологии.

Этот бизнес – организация тайных встреч. Таких, на которых участники могут не беспокоиться по поводу того, что случится какая-нибудь форс-мажорная неприятность. Встретились, поговорили, а потом разошлись, не опасаясь, что им что-то или кто-то помешает. Никто не хочет повторения Уотергейта или, что хуже, пули в голову. Всем нынче подавай надежных гарантов, таких, которые будут землю рыть ради безопасности клиента и своей репутации.

Встречи проходят в разных местах, обычно совершенно неожиданных для ее участников, которые узнают о месте в самый

последний момент, чтобы избежать утечки информации. В зависимости от уровня секретности это может оказаться любой город, любая страна. Подвал фабрики скобяных изделий, верхняя палуба речного парома, коттедж на берегу океана или какое-нибудь колесо обозрения в парке аттракционов.

За одним человеком следить легко, за двумя трудно, а из троих уже придется выбирать. Поэтому есть люди, за которыми Всевидящее Око следит реже обычного или же вовсе не обращает на них внимания.

Даже самая совершенная система наблюдения может быть уязвима.

И те, кто знает (а Синдикат знает), где находятся эти слабые места, смогут организовать действительно тайную встречу. Такую, о которой до тех пор, пока она не закончится, не узнает никто, кроме ее участников.

Эта встреча была именно такой. О том, что она проходила, не знал никто, кроме ее участников и двух десятков молчаливых наемников, обеспечивающих безопасность периметра.

Встреча происходила в верхах – как в прямом, так и в переносном смысле.

Одну из сторон представляли боссы Синдиката, а значит, эта встреча никогда не попадет в чей-нибудь рапорт или, упаси боже, на первые страницы таблоидов. Поэтому все те, кто пришел на встречу, не беспокоились за ее исход, хотя организовалась она буквально в течение суток.

Ночь, один из верхних, частично застекленных этажей башни «Евразия» в комплексе небоскребов Москва-сити. Бетонный пол, подобие стола из двух козлов и досок, застеленных полиэтиленом, а также удобные раскладные кресла системы «Биоником», каждое из которых стоит как авто среднего класса. В эти кресла рассаживаются только что поднявшиеся на лифте сантехник из посольства США, второй водитель одного из помощников посла Китая, помощник фотографа из пула президента России, еще несколько мелких сотрудников различных посольств.

Обычные, ничем не примечательные люди. Недорогая и неброская одежда, пятидесятидолларовые часы, туфли, купленные на сезонной распродаже. Этим людям ни к чему понты вроде «Патек Филипп» или бриллиантовых запонок, хотя, конечно же, они могут позволить себе и то, и другое, и даже больше. Они просто граждане своих стран, и так уж случилось, что сегодня им выпала честь представлять свои страны на этой встрече в России.

Они занимают свои должности уже много лет. Они получают зарплату, иногда их можно встретить в коридорах своих

ведомств, но вот странно: если попросить их коллег составить словесный портрет, скорее всего, те просто пожмут плечами, растерянно разведут руками, но ничего не скажут.

Никто никогда не видел, чтобы они исполняли какую-то работу, хотя они всегда куда-то спешили. Никто не знал, кому все эти садовники-фотографы-водители подчиняются, но при этом никому почему-то и в голову не приходило отдать этим странным людям хоть какое-то распоряжение.

И если бы некто озаботился сравнить внешности этих людей, то обнаружил бы, что в разное время и под разными именами они работают в представительствах своих стран чуть ли не по всему миру. Согласно документам – сантехниками, водителями, третьими помощниками, сотрудниками службы безопасности.

Аккуратная прическа, возраст от тридцати до сорока пяти, классический парфюм. У всех как у одного.

Парад близнецов, да и только. Даже водитель-китаец не выбивается из этого интерьера классических агентов спецслужб.

Некоторые из них знают друг друга. Некоторые друг друга недолюбливают, в силу неких личных обстоятельств, или просто – из-за текущей геополитической ситуации. Но на этой встрече никто из них не собирается предъявлять друг другу претензий. Во-первых, потому что никто из них не уполномочен это делать, а во-вторых, потому что их собрали здесь не для этого.

Во главе стола восседает Некто, человек без постоянной работы, из тех, про которых обычно говорят, что они «известны в определенных кругах».

Ему около шестидесяти, может, даже чуть больше. Худощавый, высокий. Лысый череп прикрыт черной фетровой шляпой.

На нем костюм, который сшит вручную. Старым опытным еврейским портным, который шьет для Некто одежду уже много лет.

У него пристальный взгляд и неприятный голос, похожий на шорханье пенопласта. Это все новый голосовой имплантат. Прежний через несколько месяцев пользования стал выдавать писклявый тембр, будето гелия надышался. Внуки радовались, слыша забавный голос деда, но во время серьезных переговоров пискляво-комичные интонации были неуместны, поэтому около месяца назад Некто согласился на новую операцию.

Это был один из боссов Синдиката, тех, что стояли у истоков возрождения тайной организации, существовавшей много лет назад. Король информации, знавший все про всех, в то время как про него никто не знал ничего.

Некто по имени Некто.

Он выступил инициатором этой встречи. Он и начал говорить первым, без предисловий, едва все участники уселись за импровизированный стол и надели встроенные в кресла наушники с микрофонами.

– Два дня назад около пятнадцати человек из тех, с кем вел переговоры Эйзентрегер, вышли из-под нашего наблюдения. Все пропавшие – это хакеры из разных группировок, одни из самых лучших специалистов в области модификации вирусов серии «Стакс». Среди них и Лекс, про которого я говорил на позапрошлой встрече.

– Пропали все и одновременно? – уточнил садовник из Израильского посольства.

– Да. Те, кто вывел их из-под наблюдения, настоящие профессионалы. Сработали синхронно, в трех часовых поясах, в семи разных странах, по двенадцати адресам, минута в минуту. И примерно за десять минут до этого некоторые получили на свои счета крупные суммы.

– Некоторые? – снова уточнил садовник.

– Получили, скорее всего, все. Возможно, кто-то получил наличкой, возможно, у кого-то из них есть счета, о которых мы не знаем. Мы работаем в этом направлении.

– Значит, эти хакеры согласились сотрудничать с рейхом?

– Скорее всего. Считаю, что кроме них есть еще и другие.

– Простите, вы упомянули Лекса. Это… – Охранник из посольства Франции нетерпеливо щелкнул пальцем. – Один из авторов исходного вируса?

– Да, он ведущий разработчик «Стакса», – подтвердил Некто. – Его группа занимается модификациями «Стакса» с момента появления вируса на рынке.

– Их переправляют в Арктику? – подал голос китаец.

В некоторых наушниках переведенный вопрос прозвучал как: «Их тела отправляют в Арктику?»

– Вряд ли, во всяком случае не на этом этапе. Дело в том, что проект, в котором они все задействованы, – это личная инициатива Эйзентрегера. На стартап проекта выделены большие средства, речь идет о сотнях миллионов долларов.

– Сумма в масштабах Эйзентрегера не такая уж и большая, – заметил израильский садовник.

– Но все же ощутимая. В Арктике наверняка знают об этом проекте, но мы подозреваем, что он не пользуется безоговорочной поддержкой.

– Все, что делает Эйзентрегер, он делает в интересах Четвертого рейха, – сказал русский фотограф. – И если хакеры будут работать на Эйзентрегера, они прежде всего будут работать

на Четвертый рейх.

– Несомненно, – подтвердил Некто. – Вот почему хакеров надо найти прежде, чем они выполнят поставленные задачи.

– И где их искать? – спросил китаец. – У вас уже есть какая-то информация?

– Мы считаем, что нацисты соберут их всех на одну из ранее законсервированных баз, возможно где-то в Восточной Европе или Южной Америке. Не исключено, что хакеров разделят на несколько групп, однако скорее всего они будут находиться в одном месте, в полной изоляции. Мои люди ищут их, и мы рассчитываем на вашу поддержку. Вашим людям уже отправили подробные досье на каждого из хакеров. Надо, чтобы вы форсировали поиски.

– Конечно, – подтвердил сантехник-американец.

Остальные закивали, соглашаясь.

Над столом повисла тишина. Но ненадолго.

– Далее, – продолжил Некто, – нам стало известно, чего хотят нацисты от хакеров. Вы все в курсе того, что псевдоразум, прототип искусственного интеллекта, уже существует в качестве персональных спутников в сетевом пространстве?

Фотограф, сантехник и водитель кивнули, остальные завертели головами.

– Можно немного подробнее? – поинтересовался охранник посольства Франции.

– Конечно. У любого из наших агентов по предоплате, – бросил Некто. – Так вот, основная задача хакеров, нанятых Эйзентрегером, – совместить искусственный интеллект с вирусом серии «Стакс».

– И что получится? – спросил китаец.

– Вирус, который сможет самостоятельно модифицировать себя, как минимум. Сейчас около тридцати процентов самых опасных вирусов – это модификации «Стакса», выполненные одиночками или группами по заказам на конкретные объекты. Если вирус сможет самостоятельно делать успешные модификации… любая система, управляемая компьютерами, будет под угрозой.

– Это выполнимо? – спросил садовник. – Совместить вирус и искусственный интеллект?

Некто помолчал, задумавшись, потом неохотно произнес:

– Большинство наших аналитиков считает, что нет.

– Большинство?

– Некоторые считают, что это возможно при определенных условиях, – сказал Некто. – И они также считают, что, как только это случится, Четвертый рейх не станет медлить и сразу перейдет

к открытым действиям. С возможными последствиями вы уже знакомы.

На этот раз тишина затянулась.

– Это еще не все, – сказал Некто. – По неподтвержденной информации, нацистам очень нужна какая-то вещь, без которой они не смогут действовать. Мы пока не знаем, что это такое – некий артефакт, или человек, или информация… Но то, что они ищут, сейчас находится в Ватикане.

– Очередное Копье Судьбы или волосы какого-нибудь святоши, – отмахнулся сантехник. – Они как семьдесят лет назад были помешаны на артефактах, так до сих пор сходят с ума.

– Возможно. Но даже если речь всего лишь о символе, лучше знать заранее, зачем и когда он им понадобится. У нас нет других ниточек.

Некто замолчал. Посмотрел на охранника, стоящего метрах в двадцати от них, возле незастекленного окна. Охранник, вооруженный мощным биноклем, осматривал окрестности. Разговор он, конечно, не слышал.

– Как вы знаете, у нас с Ватиканом не очень сложились отношения, – сказал Некто. – Поэтому я прошу вас всех помочь организовать нашу встречу с нынешним серым. Можете сразу сказать ему, что я и сам не в восторге от того, что приходится обращаться к ним, но ситуация не оставляет выбора. Нам нужен доступ к архиву Ватикана.

И как можно быстрее.

– Проще с яблони вишню сорвать, – пробормотал фотограф.

Все закивали, кроме китайского водителя, который явно был озадачен прозвучавшим образом и теперь напряженно пытался его расшифровать.

– Господа, вы понимаете, о чем речь? – спросил Некто, обводя всех продолжительным взглядом. – Это важно не только для вас и для меня, это важно для ваших стран. Для всего мира, если хотите. И поэтому ваши руководители должны лично обратиться в Ватикан и объяснить, что это очень важно. Настойчиво объяснить.

– Объяснить что? – спросил русский фотограф. – Что Ватикан должен пустить в свои архивы торговцев информацией? Ни один кардинал, будь он хоть самым серым, не допустит этого.

– Вам придется постараться! – сердито воскликнул Некто. – И если понадобится, напомнить им о том, кто поддерживал наших арктических друзей семьдесят лет назад. Напомнить, кто с удовольствием фотографировался с Муссолини и Гитлером. Прямо поинтересоваться, кого они поддерживают на этот раз.

Просьба была щекотливой, и это еще мягко сказано. От

Ватикана все старались держаться подальше, и просить их об одолжении никому не хотелось. Тем более о таком одолжении.

У «Синдиката Д» и всех его предшественников традиционно были плохие отношения с Ватиканом. Что поделать, одни делают все, чтобы сохранить свои тайны, а другие торгуют этими тайнами направо и налево. Не стесняясь, покупают компромат, вербуют агентов и делают все, чтобы католическая церковь ненавидела их больше, чем дьявола.

Все это понимали, и просьба, прозвучавшая за столом… лучше бы она не звучала.

Некто тоже понимал. И продолжил:

– Вам придется напомнить, что вы все держались в стороне от их последнего скандала с мусульманами, но если придется, вы измените свое мнение, и Ватикану оно не понравится! И вам придется сказать, что все, что от них требуется, это встреча серого со мной, но вы рассчитываете на их поддержку и понимание важности вопроса! И кстати, проследите, чтобы в Ватикан звонил не младший, а старший.

Взгляд Некто задержался на сантехнике.

– Конечно, – пробормотал тот. – Кто же еще…

Глава 9. Синкины последы

Ростов, конец апреля 2007 года

– Ты в деберц играешь?

– Что? Во что?

– В деберц, карточная игра такая. Там есть правило последа, которое заключается в том…

За полтора часа полета Ник получил столько новой и нереальной информации, что испытал чувство, словно его мозги запихнули в стиральную машинку, там их выстирали, прополоскали и тщательно высушили.

Попутчик, представившийся Алексеем, рассказал Нику про то, о чем не знал «Синдикат Д» и другие инфотрейдеры. Про предметы из серебристого металла.

Про Попугая, который давал возможность понимать все языки мира, про Орла, владелец которого мог убедить любого человека в том, что белое – это черное. Рассказал про Морского Конька, владелец которого делал со своим врагом такое, что даже матерые убийцы, видя это, скручивались в приступах тошноты.

Показал свою фигурку – Леопарда, благодаря которому Алексей мог без труда уничтожить голыми руками любого из сидящих в этом самолете.

Таких предметов в мире было много, и точного их числа не знал никто. Также никто не знал, кем и с какой целью они были созданы. Но каждый из предметов имел свою силу, которую передавал своему владельцу, и увеличивал ее со временем.

– У девушки, которую ты ищешь, есть паук. Наверняка ты его видел – предметы работают, только когда есть непосредственный контакт с владельцем…

– Ты знаешь Синку?

– Мне приходилось встречаться с ней несколько раз, – подтвердил Алексей. – Правда, всякий раз по ее воле и вопреки моим интересам. Впрочем, она так поступает со всеми без исключения. Ну, ты и сам в курсе.

По лицу Ника пробежала тень. Захотелось даже послать этого всезнайку и прекратить с ним разговор, который Алексей вел в слегка насмешливом, даже чем-то пренебрежительным тоне.

Стюардесса прокатила мимо тележку с бесплатными и платными мини-удовольствиями. Алексей от всего отказался, а Ник взял стакан с безвкусным лимонадом. Не потому что хотелось пить, а просто чтобы как-то занять руки.

– Ты работал вместе с Лексом? И где он сейчас?

– Понятия не имею, – ответил Алексей. – Наши пути разошлись после того, как ты взломал «Путь» и уничтожил наш совместный бизнес.

– Доходный? – равнодушно поинтересовался Ник.

– Весьма. Кроме того, ты обломал одному влиятельному человеку из Средней Азии очень серьезное дело. В общем, доставил хлопот.

Средняя Азия, конечно. Отслеживая перемещения Синки, Ник обратил внимание, что она очень скоро после взлома отправилась зачем-то в Бишкек. Там в две тысячи четвертом произошла оранжевая революция, и Синка проворачивала в Киргизии какие-то свои дела. А в это время по следу Ника шли дашнаки, нанятые Лексом и, вполне возможно, его бывшим компаньоном, сидящим сейчас рядом и пожирающим яблоки с жадностью хомяка.

Очередной огрызок отправился в пакет для внезапных конфузов.

– Ты же ломал «Путь» по наводке Синки? Паук работал триста лет и сетью мир оплел… Последний раз я встречался с ней в две тысячи третьем. Она очень не хотела, чтобы азиаты пользовались этой игрой для сбора информации. К тому времени у меня уже был Леопард, но и с ним я ничего не смог сделать против нее.

Алексей достал новое яблоко. Постучал ногтем по глянцевой кожуре, затем с хрустом впился в яблоко зубами.

– Волшебные предметы, легенды… если это правда, почему об этом неизвестно Синдикату? – спросил Ник.

– А кто сказал, что неизвестно? Может, известно, только вся инфа у них из категории неподтвержденной, поэтому и не говорят кому попало, чтобы не терять репутацию. У меня, кстати, тоже информация неподтвержденная, – признался Алексей.

– А про паука ты что-нибудь знаешь? – спросил Ник. – Пусть даже неподтвержденное.

– Что-нибудь знаю, – кивнул его попутчик. – Паук – это очень сложный предмет, требующий определенных навыков и понимания, как он работает. На самом деле мне про него не очень много известно, но я знаю, что главная его сила – это манипуляция реальностью.

В правильных руках он может формировать реальность так, как необходимо его владельцу.

– Это как?

– Ну, например, когда ты будешь делать шаг, рядом с тобой пролетит муха. Вжик! – Алексей щелкнул пальцами рядом с лицом Ника, тот автоматически скосил глаза. – И когда ты отмахнешься, то споткнешься о корягу, которой вроде как только что и не было.

Разболтанный раскладной столик, встроенный в переднее сиденье, неожиданно открылся, падая вниз, на руку Ника с зажатым в ней стаканом. Штаны неминуемо должно было залить невкусным и наверняка липким пойлом, но, когда столик ударился об руку, стакана с лимонадом в ней не было.

– И обязательно попадешь лицом в коровью лепешку, – закончил Алексей, ставя стакан на раскрывшийся столик. Рядом положил яблочный огрызок. – И только владельцу паука будет известно, откуда взялись на твоем пути муха, коряга и дерьмо и зачем ты должен был упасть именно в этом месте. Кажется, ее зовут Синка?

Ник поправил столик, затем стакан. Он даже толком не заметил, как двигались руки его собеседника. Скорость, помноженная на ловкость.

– Откуда у нее этот паук?

– Не знаю, – ответил Алексей, доставая очередное яблоко. – У каждого предмета, как и у каждого владельца, своя история. Возможно, есть люди, которые знают все про предметы, но я про таких не слышал.

Мимо прошла стюардесса с нарисованной улыбкой и беспокойным взглядом. Пьяный мужик вел себя дружелюбно, но

чересчур шумно. Стюардесса остановилась возле ряда, где сидел Ник, шикнула на мужика, получила в ответ несколько клятвенных обещаний и удалилась, горделиво балансируя попой под заинтересованным взглядом Алексея.

– Ты знаешь, как ее найти? – спросил Ник. – Синку?

– Знаю, что существует только две возможности встретиться с владельцем паука. Первая – если он захочет, чтобы эта встреча состоялась. И тогда она состоится в нужное время в нужном месте. Ты, кстати, помнишь, когда и где ты встретился с Синкой впервые?

Ник, чтобы не выдать волнения, сделал глоток лимонада.

– Знаю, помнишь, – кивнул Алексей.

Откусив и тщательно прожевав кусок яблока, он задумчиво посмотрел куда-то вверх и сказал:

– Сотни, тысячи раз ты прокручивал те события и думал: а что было бы, если бы тогда не случилось той аварии? Что, если светофор бы загорелся зеленым на пару секунд позже? И грузовик с яблоками ехал бы дальше, на какую-нибудь базу, и связной успел бы предупредить о расстрельной команде, и может быть…

Он прикрыл на секунду глаза, что-то вспоминая, потом дернул головой, прогоняя видения прошлого.

– Прости, я увлекся. Уверен, у тебя своя Аннушка пролила масло на трамвайные пути, и ты все время вспоминаешь этот день.

Ник действительно помнил каждую мелочь того первого дня, когда он встретил Синку, собиравшуюся прыгнуть с моста. Как он оказался на этом мосту возле Горбушки на улице Барклая, зачем он вообще поехал на Горбушку, тоже помнил. Помнил и то, как она просила никому не рассказывать об этом. И он до сих пор не рассказывал никому, хотя одно время Лекс долго выпытывал обстоятельства знакомства и не на шутку обижался, когда Ник отвечал отказом.

Этому подозрительному типу Ник тем более не собирался ничего рассказывать. Впрочем, Алексей, судя по всему, и не настаивал. Он все еще смотрел куда-то вверх, явно вернувшись к своим воспоминаниям.

– А вторая?

– Не понял? – Алексей повернулся, озадаченно посмотрел на него.

– Вторая возможность, – напомнил Ник, – встретиться с хозяином паука.

– Ах, да… вторая возможность – это лиса. Предмет, позволяющий видеть, чувствовать, понимать все интриги, которые затеваются против владельца предмета. Это один из тех

предметов, которые созданы в противовес другим. Лиса создана против паука. Или паук против лисы.

– И как эта лиса работает?

– Полагаю, что владелец лисы как минимум будет видеть все следы, которые оставит паук: пролетевшую не вовремя муху, камень, который эту муху вспугнул, руку, бросившую камень… Кроме того, владельца лисы невозможно обмануть. Есть такая карточная игра, называется деберц. В ней есть правило, что сдает всегда тот, кто взял «послед», последнюю взятку. Так вот если паук станет играть с лисой, то он никогда не сможет взять «послед» и сделать свою сдачу. Но пока лисы рядом нет, твоя девушка продолжает брать последы и сдавать карты. Научить тебя играть в деберц?

– И где взять эту лису? – спросил Ник.

Сзади раздался смех пьяного мужика. Кажется, он сам себе рассказывал анекдоты. Люди зашикали, но мужик, обрадованный наплывом слушателей, лишь оживился. В его сторону уже спешила стюардесса с улыбкой на лице и яростью стада быков в глазах. Она пригрозила карой на небесах и милицией на земле, после чего пьяница снова принес несколько клятв, и все успокоилось.

Когда стюардесса ушла, Алексей негромко произнес:

– Насколько мне известно, лиса находится у Кирсана Илюмжинова.

Имя показалось Нику знакомым.

– Это кто? – спросил он.

Алексей покосился на него, хмыкнул, насмешливо ответил:

– Президент ФИДЕ.

– Что за «Фиде»? – поинтересовался Ник, будучи уверенным в том, что ему назвали имя какой-то некрупной корпорации.

– Шахматная федерация. А еще Кирсан – президент Калмыкии.

– Чего? – Ник, следящий за политикой чуть меньше, чем за шахматами, теперь вспомнил, что слышал или видел это имя в каких-то новостях. – Президент Калмыкии?

– Сейчас правильно говорить «глава республики», кажется.

– А откуда у него… – Ник осекся.

Рядом с ними остановился парень лет семнадцати, со шнурком на шее. Он стал поправлять сумку на багажной полке. Возможно, Нику показалось, но его попутчик подал какой-то знак парню, после чего тот удалился.

– И что, он продает лису? – спросил Ник. – Или мне ее надо украсть?

– Купить или украсть ты скорее сможешь себе мозги, –

раздраженно сказал Алексей. – Ты сможешь получить любой предмет только одним способом – если владелец сам захочет тебе его передать. В любом другом случае предмет не будет работать либо будет работать некорректно. И если ты предложишь Кирсану деньги, можешь сразу забыть о лисе.

– Я должен уговорить его отдать мне предмет бесплатно?

– Предложи что-то взамен. Но не деньги.

– А если много денег?

Алексей только вздохнул.

– Дамы и господа, наш самолет готовится совершить посадку. Просьба пристегнуть ремни, привести спинки кресел в вертикальное положение и выключить электронные приборы.

– Ну вот и прилетели, – произнес попутчик Ника. – Да, и чуть не забыл. Кажется, в Ростове ты хочешь найти некоего диджея, который общался с твоей подружкой пару месяцев назад?

– А ты откуда это знаешь? – с подозрением спросил Ник.

– Человек, который сказал тебе это, работал на меня, – сказал Алексей. – И если ты спросишь, почему я говорю о нем в прошедшем времени, позавчера его убили.

Ник вздрогнул. Про Коржа ему сообщил дилер одного из московских клубов, Ник хорошо его помнил, они встречались только несколько дней назад. Дилер рассказал про Коржа и Синку только после того, как Ник заплатил ему сто долларов. Для торговца амфетаминами он вел себя слишком борзо, причем не только с Ником, но и со всеми вокруг.

– И кто его убил?

– Какая-то пьяная драка. Он кроме того, что работал на меня, еще наркотой приторговывал, так что я не очень огорчен его смертью. Надеюсь, это просто закономерная случайность. Итак, перед смертью он сказал тебе, что видел Синку в компании ростовских диджеев, которые играли в Москве. И посоветовал найти…

– Коржа.

– Корж и еще несколько диджеев работали с девушкой по поручению Хохла. Она колесила с ними по всей стране под видом администратора группы, кажется. Зайди в Ростове в клуб «Эмбарго» и разыщи там владельца компании «Хохол пикчерз». Спроси у него про свою девушку, он может что-то рассказать… хотя без лисы, поверь, это только пустая трата времени.

Самолет подлетал к Ростову. За окном уже начало темнеть, зажигались огни, но предвечерний город в огнях почему-то казался убогим.

– А эта лиса, она у президента Калмыкии? Как его…

– Кирсан Илюмжинов. Во всяком случае, лиса была у него

около семи-восьми лет назад.

– Думаешь, он ее мне отдаст?

– Думаю, что без лисы ты не найдешь девушку.

– А ты что, хочешь, чтобы я ее нашел?

– Я хочу, чтобы лиса нашла паука, – ответил Алексей. – Найдешь ты Синку или нет, это для меня совершенно не важно.

Самолет приземлился, в салоне послышались традиционные аплодисменты. Ник тоже несколько раз хлопнул в ладоши, но сделал это на автомате, переваривая услышанное.

– Слушай… а зачем тебе это надо? – с подозрением спросил он у своего собеседника. – Зачем ты вообще организовал эту встречу и рассказал мне это все? Зачем тебе надо, чтобы лиса нашла паука?

Алексей усмехнулся.

– Такие предметы, как паук, должны как можно чаще менять своих хозяев. Иначе с каждым днем становится все более неуютно, когда думаешь, что все события вокруг тебя и с тобой – это часть какой-то очень сложной игры. Ты никогда не чувствовал себя марионеткой, которую кто-то дергает за ниточки?

– Нет, – ответил Ник. – Я вроде не параноик.

Алексей посмотрел на него, потом засмеялся. Смеясь, расстегнул ремень. Достал еще одно яблоко, есть не стал, повертел в тонких пальцах.

– Я буду гораздо лучше себя чувствовать, если паук сменит хозяина, – ответил Алексей. – И попадет к человеку, который еще долгое время будет пытаться разобраться, как работает этот предмет, прежде чем начнет плести свою паутину. Не только я. Всем будет спокойнее, если та, кого ты ищешь, не осуществит свои планы.

– А ты что, в курсе ее планов? – хмыкнул Ник.

– Нет. И как раз это меня и беспокоит. Хочешь яблоко?

От яблока Ник отказался.

– А почему тебе самому не получить лису? Тогда тебе не будет страшно за то, что ты марионетка. Не предлагал поменяться этому… Илюмжинову?

– Нет. Потому что владельца лисы нельзя обмануть.

– Но ты же не обманывать его будешь.

– Любой обмен – это обман, – ответил Алексей. – Удачи тебе в поисках.

Алексей не стал даже покидать аэропорт – через пару часов у него был чартер обратно, а в Ростов он летал, только чтобы пообщаться с Ником.

Едва Ник вышел из аэропорта, он запросил у Исин информацию о своем недавнем соседе по полету. Сведения

нашлись очень быстро.

Алексей в определенных кругах был известен как Мусорщик. Бывший руководитель российского отделения «Армады» – организации, торговавшей наемниками в любых сферах деятельности. Пару лет назад они считались крутыми, чуть ли не единственными в своей области, но сейчас у них появилось много конкурентов, и былая слава оказалась размытой.

Еще Мусорщик действительно был одним из совладельцев «Пути» – онлайновой игры, которую три года назад Ник уничтожил фактически по просьбе Синки. Исин нашла в сети сведения о том, что сразу после этого у «Армады» начались проблемы на Ближнем Востоке, и Мусорщику пришлось покинуть свой пост, однако он остался работать в «Армаде» в качестве консультанта.

Возле стоянки такси Ник увидел рекламный щит, возвещавший о том, что сегодня в «Эмбарго» состоится вечеринка, на которой будут играть какие-то именитые диджеи из Франции.

Таксист провез Ника через весь город и высадил на Левбердоне, рядом с клубом «Эмбарго». За поездку водитель взял тысячу рублей и настойчиво всучил Нику свою визитку, которая незамедлительно отправилась в мусорную урну.

Клуб «Эмбарго» занимал несколько гектаров левбердонской земли, объединяя под открытым небом аквапарк, открытый днем, танцпол, работающий ночью, и круглосуточный бар.

Половина двенадцатого. Уже стемнело, и вечеринка в самом разгаре. Басы, хаус, стробы, огонь, крики толпы и хриплый голос диджея, орущего что-то на французском, но с явным русским прононсом.

Пробравшись к стойке через пестро разодетую толпу клубных мальчиков и девочек, Ник подозвал бармена и сунул ему пятьсот рублей.

– Самого холодного пива, без сдачи.

Когда бармен поставил перед ним запотевший бокал, Ник сделал ему знак рукой.

Бармен приблизился.

– Корж когда играть будет? – спросил Ник.

– Никогда, – хмыкнул бармен. – Он с утра в Ейск укатил на корпоратив к олигархам, а в обед его уволили.

Поколебавшись, Ник спросил:

– Компания «Хохол пикчерз», знаешь про такую?

Бармен отрицательно покачал головой, но слишком быстрый взгляд на Ника, предшествовавший этому, выдал его.

– Я там посижу пока, – махнул Ник в сторону отдельно стоявших столиков. – Если вдруг кого встретишь, кто знает,

маякни на меня.

И, небрежно бросив на стойку еще одну пятисотенную, направился к свободному столику неподалеку от бассейна.

Усевшись, достал коммуникатор, запросил у Исин сведения о Кирсане Илюмжинове.

Исин по запросу выдала краткую справку. Персонаж оказался как минимум необычным: президент Калмыкии и ФИДЕ, после странного сна выбросивший в море часы за сто килобаксов и лично встречавшийся с инопланетянами. И это были официальные сведения из подтвержденных источников.

Перечитав небольшой текст несколько раз и составив первое мнение, Ник запросил более детальную историю Кирсана. Любые упоминания о нем Исин изучала, сортировала, искала подтверждения или опровержения, снова сортировала, отсеивала мусор, который распространяли пиар-боты, и выдавала окончательный результат с вероятностью в 90–95%.

Это фактически была история всей жизни Кирсана. Как учился, как служил, как женился, кто учил его играть в шахматы, во что он верил и куда смотрел.

Мнение изменилось. Кирсан оказался необычайно странным политиком, наверное, самым необычным в России. Он руководил бедной республикой, в которой вместо нефти и чернозема были только степи, но при этом, судя по отзывам, жители были куда более довольны своим руководителем, чем те, кто жил в богатых регионах.

Он играл в шахматы – неофициально – почти со всеми чемпионами мира и у некоторых даже выигрывал.

Он еще много чего делал – как политик, как отец, как человек.

С ним было связано много таинственных и странных историй, из которых наверняка можно было бы составить увлекательное чтиво.

Вот только во всем этом сетевом досье не было ни единого упоминания о лисах и других волшебных предметах.

Зачитавшись биографией Илюмжинова, Ник перестал смотреть вокруг и не обратил внимания, что за ним уже долгое время наблюдают. Коренастый лысый тип лет сорока, в красной клетчатой рубахе и с барсеткой под мышкой, стоял возле бара, посасывая через трубочку коктейль и рассматривая Ника. Затем выплюнул трубочку, залпом допил остатки коктейля и подошел к столику, за которым Ник возился с коммуникатором.

– Привет, – буркнул лысый, присаживаясь напротив. – За «Хохол пикчерз» ты интересовался?

– Мне владелец компании нужен, – сказал Ник, пряча

коммуникатор.

– Йопт, я Хохол, – представился лысый, не протягивая руки. – Рассказывай.

– Я ищу Синку. Девушка лет двадцати, короткая стрижка, с глазами разного цвета. Знаешь такую?

Хохол озадаченно посмотрел на Ника, затем почему-то на часы. Поднял голову и спросил:

– А ты кто?

– Ее друг.

– Первый раз слышу, чтобы у нее были друзья. Обозначься как-нибудь по-другому.

Его взгляд исподлобья буравил Ника насквозь.

Поколебавшись, Ник произнес:

– Мы в две тысячи четвертом с ней работали вместе. Здесь, в Ростове.

– Тебя как зовут? – спросил Хохол.

– Ник.

Несколько секунд Хохол размышлял о чем-то, затем снова посмотрел на часы и пробормотал:

– И как у нее это получается?

– У кого? – спросил Ник, догадываясь, о ком идет речь.

Вместо ответа Хохол поднялся.

– Поехали.

– Куда?

– Тут недалеко. Покажу тебе кое-что.

Хохол ездил на «Тойоте Камри», у которой вместо обычных номеров на желтом фоне черными буквами было написано «Хохол». Когда Ник сел внутрь, то под ногами обнаружил ржавый тесак шириной в ладонь и длиной в локоть.

– Все хочу отдать его, чтобы почистили и наточили. То забуду, то времени нет. – Хохол небрежно бросил тесак назад, завел машину. – Лет пять назад поехали на охоту в Самару, устроили там соревнование, и я за второе место этот ножик…

– Значит, ты знаешь ее? – спросил Ник.

– Стой, друг, пропусти. – Хохол поморгал паркующейся машине, «Тойота» вырулила со стоянки «Эмбарго» и поехала по дороге, но не в сторону города, а в противоположную. – Синку? Знаю. Я тоже сотрудничал с ней, в две тысячи четвертом и в мае этого года.

– И в чем заключалось сотрудничество, если не секрет?

Хохол покосился на Ника.

– Ты наводил справки про «Хохол пикчерз»?

– Только в Сети, – признался Ник. – Я так понял, ты занимаешься промоушеном российских диджеев?

– Ага, промоушеном. Потихоньку гвозди заколачиваем, – кивнул Хохол. – Синка помогала нам с организацией турне. Группа диджеев отправлялась на два месяца в разъезды по всей стране – пара десятков городов, в каждом одно-два выступления. Она хороший организатор, все делала четко и без накладок.

– Кто бы сомневался, – пробормотал Ник. – И Синка, значит, ездила вместе с вашей группой по всем городам?

– В качестве администратора. Решала различные вопросы на месте. В том числе и свои.

– Свои? Какие свои?

– Йопт, откуда я знаю, – пожал плечами Хохол. – Синка всегда на шифрах, это тебе любой подтвердит, кто с ней общался. Да ты, думаю, и сам знаешь, гораздо лучше других.

И подмигнул, сально ухмыльнувшись.

– Что ты имеешь в виду? – напрягся Ник.

– Да ладно, брось, – засмеялся Хохол. – Ты же с ней зажигал тут года три назад. Так сказать, был ближе, чем самые близкие.

– Это она тебе рассказала?

– Нет. Это мы три года назад были на измене, что она подсадная, вот и проверяли всех, с кем она пересекается. В том числе и тебя. Я в клубе тебя не сразу узнал, а теперь вспомнил.

– Что значит – подсадная?

– Йопт, значит, что на погоны работает или на конкурентов. Это я позже догнал, что она в принципе не может ни на кого работать. Ты хоть знаешь, зачем она в Ростов приехала тогда, в две тысячи четвертом?

У Ника дернулась щека. Сразу вспомнились «случайная» встреча вечером на теплоходе и «спонтанный» утренний разговор о мести.

Она приехала, чтобы уничтожить Лекса руками Ника. При этом уничтожив всех свидетелей. Ей это почти удалось, Ник чудом выжил, когда убегал от дашнаков.

– Приблизительно знаю…

– Да ничего ты не знаешь. Ты думаешь, что ты знаешь. И я думаю, что знаю. А на самом деле у нее для каждого из нас есть своя правда, которая на самом деле ложь. – Хохол закурил сигарету, потом спросил: – Зачем ты ее ищешь?

Ник ответил не сразу. Смотрел некоторое время на мелькавшие за окном огни увеселительных заведений Левбердона, потом пожал плечами:

– Я не знаю зачем. Наверное, чтобы поговорить. Мы сейчас к ней едем?

– Она говорила тебе когда-нибудь, что надо учиться самостоятельно искать ответы, чтобы не задавать глупых

вопросов? Девка нереально продуманная, любой русалке ноги раздвинет.

– Хохол, куда мы едем?

– Да не напрягайся ты, йопт. Она в мае, когда уезжала, сказала, что через два месяца появится один ее знакомый, который будет ее искать. Один или двое. Дала твой портрет и еще одного паренька. Ты Ник, верно? А того, второго, – Лекс, кажется. И велела, как кто-то из вас первый появится, показать кое-что.

– Что показать?

– Что ни в сказке сказать, ни пером описать. Увидишь, уже почти приехали, – и Хохол сделал громче радио.

Ник волновался. Это было впервые – Синка оставила ему сообщение. Значит, как минимум она помнит о нем…

И о Лексе помнит. Когда Хохол упомянул о нем, Ник стиснул зубы. Воодушевление быстро прошло. Синка думала, что ее будут искать они оба. Что ж, если Лекс и занят ее поисками, Ник его явно опережает.

В машине тихо играл джаз. Музыка напомнила Нику, как он ехал на маршрутке по горному серпантину, пытаясь сбежать от дашнаков. Стало неуютно.

Огни к этому времени стали редеть, машины возле заведений выглядели все беднее и беднее. Попадались участки, заросшие травой. Зияли оконными дырами кирпичные коробки недостроя. Сетка-рабица вместо декоративных оград. Кое-где и оград не было, лишь трубы железные в землю вбиты.

Окраина Левбердона. Места для темных делишек и бандитских стрелок. Как говорил Асгард, после девяностых здесь каждый квадратный метр пропитан кровью.

Вспомнив про Асгарда и то, как он закончил, Ник разнервничался еще больше. Тряхнул головой, стал считать участки, чтобы отвлечься.

Примерно на семнадцатом-восемнадцатом участке Хохол свернул. Проехал метров тридцать мимо сгоревшего остова грузовика, поросшего бурьяном. Припарковался за большим ржавым контейнером, став так, что с дороги машину видно не было. Заглушил двигатель, выключил радио, вышел из машины.

Ник тоже вышел, осмотрелся.

Откуда-то издалека доносятся еле слышные звуки веселья, раз в минуту промчится по дороге чья-нибудь тачка, да сверчки – бессменные нарушители ночной тишины.

Удобное место для засады во время бандитской стрелки. В роще неподалеку посадить несколько снайперов, узкую дорогу перегородить грузовиком и… сколько тут квадратных метров, пропитанных кровью?

Жуткое место. Ник поежился, то ли от холода, то ли от неприятного ощущения тревоги.

– Куда дальше?

– Все, йопт, – ответил Хохол, обходя машину. – Мы в точке назначения.

– И что я тут должен увидеть?

– Вроде бы всю свою жизнь за несколько секунд.

– Что?

– Руки подними.

Ник опустил глаза. Хохол держал в руке пистолет, направленный ему в живот, и, кажется, собирался нажать на спусковой крючок.

– Эй, эй, ты чего? – Ник миролюбиво поднял руки, всем видом показывая, что готов вести любой диалог. – У меня денег нет, наркоты тоже.

– Если бы ты запросил информацию о «Хохол пикчерз» у «Синдиката Д» или этого, как его… в общем, ты бы узнал, чем я зарабатываю на хлеб, – сказал Хохол. – Но ты пожадничал… Руки выше подними.

– Я не пожадничал, времени не было запрос делать, – признался Ник. – Слушай, я о «Хохол пикчерз» узнал несколько часов назад, в самолете, от человека, которого я раньше никогда не видел.

– Не важно, как ты узнал, важно только то, что ты узнал. – Хохол сочувственно вздохнул. – В общем, тут такое дело… Просто тебя заказали еще два месяца назад.

Он сказал это настолько обыденным тоном, словно речь шла о коробке спичек.

– Как заказали? Убить? Кто? – спросил Ник, чувствуя, как ноги становятся ватными.

– Синка, – ответил Хохол. – Открытый контракт на то, что, если кто-то из вас появится здесь в течение двух месяцев после ее отъезда и будет ее искать, его надо ликвидировать.

– Что?! – воскликнул Ник.

Он стоял оглушенный, не желая верить в то, что услышал. Синка заказала его и Лекса какому-то местечковому киллеру? Бред. Возможно, к Лексу у нее и были какие-то счеты, но его, Ника, за что?

«Этого не может быть!» – билась в голове одна-единственная мысль.

Все, кто попал в паутину, обречены. Мусорщик сказал так, а еще, кажется, что у владельца паука не бывает случайностей. Все заранее просчитано и предусмотрено. И если рядом нет лисы, то последняя взятка будет всегда у паука.

– Если тебе интересно, то цена контракта – пятьдесят тысяч долларов.

Дуло пистолета зловеще качнулось.

– Нет, нет, погоди… – забормотал Ник.

– Да я и так уже погодил, – хмыкнул Хохол. – Не убил сразу, а стою вот, разговариваю с тобой. А знаешь почему?

– Слушай, Хохол… Хохол, да? Как тебя по имени? Впрочем, не важно… слушай, тут какая-то ошибка.

Губы так предательски тряслись от страха, что Ник ненавидел себя в этот момент. Но поделать ничего с этим не мог. Потому что он очень, очень хотел, чтобы Хохол успел его выслушать и ни в коем случае не нажал на спусковой крючок.

– Мы с ней друзья. Мы больше, чем друзья. Я ищу ее, чтобы поговорить. Просто задать несколько вопросов и уйти, если она этого захочет. Понимаешь? Настоящее определяется будущим и создает прошлое. Это понимаешь?

Хохол с подозрением посмотрел на него:

– У тебя точно нет наркоты? Что за чушь ты несешь?

– Может быть, я и не друг ей, но я точно не враг. Хохол, я…

– Короче, заткнись и слушай, – перебил его Хохол. – Заткнись, говорю! Знаешь, почему я тебя сразу не убил, когда ты из тачки вышел?

Хохол выдержал паузу, глядя на Ника. Тот замолчал, не рискуя более прерывать наемника. Теперь он готов был слушать, и очень внимательно.

– Тут такая непонятка получается, – медленно начал Хохол, вроде как одновременно размышляя. – Два месяца формально закончились несколько часов назад. Прикинь? Я хорошо знаю эту аккуратную сучку, и у меня есть сомнения в том, что, выполнив контракт, я получу свои деньги. Такие, понимаешь, дела.

Дуло пистолета поднялось выше и теперь смотрело Нику куда-то в грудь. Мурашки пробежали по телу.

– Короче… – сказал Хохол, подводя итог размышлениям. – У тебя есть примерно две-три минуты, чтобы укрепить мои сомнения и спасти свою жизнь. Хорошенько подумай, потом говори.

Глава 10. Что нравится нам

Не опознано – Москва, апрель 2007 года

– Что нам нравится, так это прибрежный песок. Что нам нравится, так это солнце и уметь танцевать румбу.

Новую модель портативного переводчика Лотар Эйзентрегер тестировал лично. И не где-нибудь, а в подземке Нью-Йорка. Спустился туда, игнорируя явную обеспокоенность внутренней охраны. Не в саму подземку, конечно, а в переход, к ней ведущий. Там двое ниггеров и белый придурковатого вида исполняли довольно забавную песенку на каком-то языке второй или третьей категории.

Зрителей было немного. Эйзентрегер бросил в футляр барабана несколько купюр и стал возле стены. Странный, наверное, у него тогда вид был, с наушниками на голове.

– Что нам нравится, так это нога в воздухе. Что нам нравится, так это сердцевина ветра.

Рядом с ним никого не было, хотя он знал, что охрана уже здесь и контролирует все подходы, наверняка подключая дополнительные ресурсы. Ничего, им полезно размяться. Эйзентрегер о безопасности не волновался. Если что-то ему и угрожает, то уж точно не во время таких случайных остановок.

– Что нам не опознано… ш-ш-ш… Что нам нравится, так это иметь танцевать румбу. Плохой незаконнорожденный сын пляжа.

Позже он узнал, что песенка была на испанском. А тогда отметил, что переводчик часто тормозит и некоторые слова просто не переводит. А некоторые переводит, но они не из песни, а из уст англоязычных прохожих, входящих и выходящих из подземки. Но самое неприятное – у него невероятно громко что-то жужжит в левом ухе, а правое греется настолько сильно, что приходится сдвигать наушник.

За прототип этого устройства, украденного в прошлом году из лаборатории корпорации, принадлежащей Google, Эйзентрегеру пришлось заплатить сто миллионов долларов и пожертвовать двумя ценными агентами. Агенты получили восемь и десять лет за промышленный шпионаж и пособничество терроризму, а Эйзентрегер – странную громоздкую штуковину, которую нужно было носить на поясе с кучей проводов и вентилятором. В корпорациях Эйзентрегера штуковина трансформировалась в наушники, похожие на наушники для плеера, но проблем у нее от этого не убавилось.

– Что нам нравится… ш-ш-ш… Что нам нравится… ш-ш-ш…

В следующем году на день рождения Гитлера Эйзентрегер хотел презентовать это устройство Четвертому рейху и лично Марии фон Белов. В таком виде этого делать нельзя.

Постояв несколько минут и дождавшись конца песни, Эйзентрегер вышел из подземки и сел в свою машину. Оттуда связался с одним из заместителей и велел немедленно сконцентрироваться на переводчике и устранить хотя бы часть недостатков.

А песня, точнее ее припев, воспроизведенный монотонным унылым голосом переводчика, почему-то запала в память.

Что нам нравится. И что же нам нравится? Вряд ли это румба или нога в воздухе.

Лотару Эйзентрегеру нравилось, когда его подчиненные называли его «господин штурмбанфюрер». Он не скрывал этого, как не скрывал, что с нетерпением ждет того дня, когда на официальных приемах, где ему приходилось бывать, он сможет появиться в своей форме, а не в штатском костюме.

Еще ему нравился дорогой виски, иногда нравилось вести себя в какой-то мере вульгарно, и он просто обожал производить на людей впечатление.

Ему нравился его возраст – сорок шесть лет, тот прекрасный возраст, когда ум и опыт начинают трансформироваться в мудрость.

Ему нравилось то, что он делал последние годы. Нравилось верить в правильность того, что он делал. Нравилось руководить.

Лотар Эйзентрегер не только осуществлял контроль за хайтек корпорациями, принадлежащими через подставных лиц Четвертому рейху. Лотар Эйзентрегер был одной из центральных фигур, отвечавших за связь базы Ультима Туле с Большой Землей. Ему нравилось осознавать, что он и есть Четвертый рейх. Нравилось думать, что за его спиной стоят сила и мощь потомков, помноженные на знания и величие предков.

Но больше всего Лотар Эйзентрегер любил принимать решения. Быстро, но не торопясь. Решительно, но обдуманно. Помня о том, что любой выбор будет сделан не от его имени, а от имени и во имя Четвертого рейха.

Любые решения.

– Господин штурмбанфюрер, сведения о нашем русском агенте подтвердились. Он продавал «Синдикату Д» информацию о наших переговорах с хакерами.

Итак, Север все-таки поддался соблазну. Или шантажу. Или и тому, и другому. Причина предательства ведь не важна. Важен сам факт.

В военное время с предателем разговор должен быть так же короток, как и его путь на эшафот. И в любом другом случае Эйзентрегер бы ни капли не колебался, принимая решение. Но Север был чертовски полезным агентом в России и бывших союзных республиках. Пожалуй, единственным, кто мог решать вопросы на любом уровне.

Он был жаден, но не алчен. Глуп, но в меру. Хвастлив, но осторожен. Север был вхож во многие кабинеты русских начальников, лично знаком с нужными людьми, паранойя которых сожрет много времени при попытке наладить новые контакты.

Потеря такого агента создаст определенные проблемы, сразу заменить его не получится, придется искать новые кандидатуры. А их найти не так просто. Все более-менее значимые фигуры давно разобраны, и на перевербовку уйдет много средств и времени.

Жаль, очень жаль терять такого агента.

И тем не менее предательство должно быть наказано. В назидание остальным – как врагам, так и союзникам. Бывших предателей не бывает.

– Ликвидируйте его.

Эйзентрегеру нравилось принимать решения, исход которых был символичен. В смерти Севера, несомненно, такой символизм присутствовал. Символ неотвратимости возмездия ко всем врагам Четвертого рейха.

– Несчастный случай?

Справедливый вопрос. Обычно с врагами это так и происходило: сердечный приступ, автокатастрофа, электрический тостер в ванной. Чем меньше шума, тем меньше проблем – это очевидно. Особенно для тех, кто не стремится к рекламе своей деятельности.

На службе у военных корпораций, принадлежащих Четвертому рейху, самые лучшие в мире спецы-тихушники. Те, кто приходит и уходит незаметно, словно тени, не оставляя никаких следов.

Самоубийство, несчастный случай, несчастный случай, самоубийство, несчастный случай. Подозрения, конечно, возникают, но они всегда есть, как и люди, которые всюду видят заговоры и интриги. По Северу поскорбят, затем поделят всю его империю и забудут, что он существовал. Никому даже в голову не придет, в связи с чем его убили. Потому что если об этом станет известно, то в Синдикате поймут, что кто-то внутри их организации сливает инсайд Лотару Эйзентрегеру.

Но нет.

В этот раз речь шла о преступлении и наказании. В понимании Лотара любое наказание должно было действовать не на преступника, а на остальных участников. Чтобы они знали и понимали, за что последовало наказание и кто его осуществил.

И поэтому никаких несчастных случаев. Синдикату пора понять, где его место.

– Нет, лучше привлечь наемников. В течение часа мне нужны новые кандидатуры на его место. Не меньше десяти. И принеси виски.

На разговор с помощником у Лотара Эйзентрегера ушло двенадцать секунд. Штурмбанфюрер Четвертого рейха был занятым человеком, и ему нравилось ценить свое время.

В тот момент, когда на Левбердоне Хохол направил на Ника ствол пистолета, за тысячу с лишним километров от этого места Север встречался в своем загородном особняке с двумя очень уважаемыми людьми. Они приехали издалека, чтобы выразить Северу свое почтение, а заодно решить некоторые вопросы из тех, что не обсуждаются по телефону.

Дом, как и полагается, окружен неприступной трехметровой кирпичной стеной. Камеры слежения, датчики движения, в любых положениях.

В холле первого этажа у входа стоял привезенный на днях сканер-металлоискатель, точно такой же, какие стоят в аэропортах. Возле сканера суетились охранники – кажется, они не совсем понимали, как эта штука работает.

Рядом с лифтом (да-да, в этом доме был лифт!) располагалось помещение, заставленное мониторами, системными блоками, пультами управления. Все это утопало в проводах, среди которых суетился еще один охранник, с умным видом переключавший какие-то рычажки и тумблеры.

– В прошлом месяце мне подарили прототип новой охранной системы с терагерцевыми камерами, – похвастался Север. – Самостоятельно делает анализ видео и звука, если вискарь кинуть в зону обзора, пишет «неопознанный стеклянный предмет в форме литровой бутылки». Безопасность, а как иначе… времена сами знаете какие. Сейчас я вам еще кое-что покажу…

Гости с пониманием отнеслись к этому, зная, чем занимается хозяин дома. Но они спешили и от подробной экскурсии по дому отказались.

Бесшумный лифт, работающий от электронной карточки хозяина, поднял их на «верхнюю палубу» особняка.

Кальянный зал, гордость Севера, находился под куполом из бронированного стекла, фактически на крыше дома. Пока рассаживались, Север рассказал, что стекло настолько прочное,

что при непрямом попадании сможет выдержать даже ракету класса «Патриот».

– Короче, если штурм будет, отобьемся, – засмеялся Север.

Гости вежливо покивали в знак того, что поняли шутку, и перешли к делу.

– Мы собираемся канал новый пустить, из Средней Азии прямо на Европу. Много заказов, большие деньги. Надо кого-нибудь в погонах, чтобы за долю прикрыл где надо, – вкратце обрисовали они свою проблему.

– Это не проблема, – твердо сказал Север, поставил перед гостями коробку сигар и стал лично готовить кальян.

Кондиционеры, не особо беспокоясь о счетах за электричество, гнали прохладный воздух в открытую беседку, где собеседники расположились на мягких пуфиках.

Дом-крепость. Неприступная и хорошо защищенная. Впрочем, всем известно, что самая лучшая охрана – это уважение, авторитет, которые охраняют хозяина лучше всякой новомодной электроники. У Севера все это было.

Он помогал всем своим друзьям, и за это его уважали. Он решал вопросы, и поэтому его мнение считалось авторитетным. Север сам себе был крепостью.

Афганский гашиш, добавленный в кальянный табак, сделал свое дело. Севера буквально пучило от собственной значимости. Его снова просят о помощи, и он поможет, потому что он Север.

Ночное небо над головой придавало беседе спокойствие, и Север кайфовал от беседы, наслаждаясь каждым ее словом.

– Надо, чтобы не ссыкло был. Чтобы заднюю не включил на полпути.

– Найдем такого человека.

– Если будет вопросы серьезные решать, долю увеличим.

– Серьезный человек будет.

– Федералы совсем оборзели, роются в каждой норке, – пожаловались гости, пыхая кальянным дымом и сигарами по пятьдесят долларов за штуку. – А недавно, прикинь, братан, ГРУ на горизонте объявилось. Не, ну где мы и где разведка, а?

– Серьезные дела в мире происходят. Каждый спешит занять свое место, – заважничал Север. – Ничего, прикроем.

– А что за темы? – заинтересовались гости.

– Не могу пока рассказать, потому что…

Северу хотелось верить, что он недоговаривает не потому, что пуля тридцать восьмого калибра снесет ему полчерепа. Он намеревался лишь намекнуть на то, что некие силы, с которыми он работает, доверяют ему, и он не вправе злоупотреблять доверием, но…

В общем, Север не смог рассказать про серьезные дела именно из-за пули тридцать восьмого, а не по какой-либо другой причине.

Что-то хлопнуло негромко в ночном воздухе, словно тетива у лука, и вот уважаемые гости сидят в ошметках крови, смотрят на свалившегося на пол Севера и ничего не понимают.

Точнее, все они поняли и не знали только, что делать в этой ситуации, без стволов, с невыносимо далекой отсюда охраной и трупом Севера, которого вроде бы должен был защищать авторитет, но почему-то не защитил.

Не было слышно сирен и вообще какой-либо тревоги. Все происходило в тишине и спокойствии, и вмиг осиротевший дом по-прежнему был погружен в спячку вместе с оставшимися без работы охранниками.

Через секунду из темноты, словно из другого измерения, на свет вышел высокий мужчина. В черных спортивных штанах, черной тенниске и в маске.

Качнув пистолетом в сторону уважаемых гостей, черный человек обошел пуфики и столик с кальяном, сделал контрольный выстрел в сердце и молча скрылся в темноте, оставив гостей в растерянном и подавленном состоянии.

Новость о том, что в своем доме наемником был убит Север, распространится по Москве и другим городам в считаные часы. Многие из тех, кто решал через Севера какие-то дела, забеспокоятся, станут отправлять свои семьи за рубеж, кто-то и сам рванет подальше из страны.

Никто, кроме боссов Синдиката, не будет знать истинной причины того, кто и почему нанял безымянного наемника для устранения столь уважаемого и авторитетного человека. Сигнал Четвертого рейха достиг адресата. Эйзентрегеру это понравилось.

Чуть позже Лотар Эйзентрегер просматривал с ноутбука личные дела кандидатов на вербовку, один из которых должен был занять место Севера.

Незаменимых людей нет.

Пара человек заинтересовала штурмбанфюрера, и он стал изучать подробные описания.

Что-то привлекло его внимание, он прошелся по нескольким ссылкам, а затем вызвал своего помощника.

– Макс, ты когда-нибудь слышал про Братство Небесного Огня? – спросил Лотар его.

– Нет, господин штурмбанфюрер.

– Я тебе отправил досье на некоего Фархада. Сообщи нашим друзьям из китайских триад срочно найти этого человека. Кажется, в поисках нового русского агента я нашел что-то более

интересное. И кстати, Макс. В нескольких словах, что тебе нравится в этой жизни? Впрочем, забудь. Принеси мне кофе.

Глава 11. Замок

Румыния, апрель 2007 года

Есть старинные замки, которые, особенно если посмотреть на них под нужным углом, вызывают страх. Мрачные строения с башнями и окнами-бойницами, одинокие, опустевшие, они хранят внутри себя немало секретов и своим видом как бы предупреждают странников о том, что не стоит искать здесь ночлег и вообще приближаться к ним.

Есть другие замки, также отстроенные много лет назад и с тех пор, словно переходящее красное знамя, меняющие своих владельцев – в основном банкиров, олигархов и других представителей богатой прослойки. Роскошная внешняя и внутренняя отделка, ухоженные садики и палисадники, у входа обычно стоят «Бентли», «Мазератти» и «Феррари». У таких замков тоже полно секретов, а своим видом они подчеркивают статус, в котором находятся их хозяева. Смотри, мол, и завидуй этой роскоши. Восхищайтесь. В последнее время такие замки чаще всего вызывают ненависть к своим хозяевам, а не восхищение или зависть.

Этот замок своим видом нагонял на Лекса тоску. При том что внешне это старое обветшалое строение будто переместилось сюда из какого-нибудь вампирского фильма и по идее должно было вызвать если не страх, то хотя бы уважение. Ночь, луна, правда неполная, контуры башен на фоне неба.

Андерс даже предположил, что здесь жил Влад Цепеш и нацисты, обожающие всякую мистическую фигню, завладели им через подставных лиц.

– Ищут в подвалах какие-нибудь вампирские артефакты, а может, даже и нашли что-то. Они же помешанные на этом. Вполне возможно, что Гитлер принял Румынию в союзники только ради того, чтобы найти секрет вампиризма и вечной жизни. Про «Анненэрбе» слышали? Наследие предков, очень влиятельная организация в Третьем рейхе, которая во время войны занималась поисками всяких древних реликвий. Если нацисты до сих пор существуют, значит, существует и эта организация, а значит…

– Hi! You are russian?

– Yea, brazza, I'm russian. You?
– Shut up, stupid russian!
– What? Fuck off!
– Fuck you, stupid russian bitch![2]

Их троих, Лекса, Андерса и Лиску, вывезли в Румынию в опломбированном почтовом вагоне. За Вадул-Сиретом вагон отцепили и отогнали куда-то на запасные пути, где пломбы были благополучно сняты, а пассажиры смогли ступить на твердую землю.

Далее они долго, несколько часов, ехали в микроавтобусе, в котором стекла заменяли кухонные шторки и криво прибитые гвоздями доски. Все это время Андерс, который в автомобиле таки добился на ломаном английском разрешения «to smoke, brazza, please», смолил в окно странно мятые сигареты и задумчиво смотрел на мелькавшие лачуги, грязных людей, разбитые машины, телеги и остальную разруху.

Когда стемнело, на одной из дорог где-то в глуши они сделали остановку.

Там их пересадили в другой микроавтобус. За рулем дед, изъеденный морщинами, как кора дерева, рядом с ним здоровенный бородатый цыган с двуствольным обрезом в кобуре на бедре. На его шевелюре еле помещались небольшие наушники без провода.

В салоне сидели еще два парня и девушка-китаянка. Андерс попробовал наладить с ними контакт, но нарвался на тотальный игнор и стал о чем-то думать.

На этом микроавтобусе они ехали около часа. Андерс к тому времени закончил думать и начал говорить. Он говорил про все, что приходило ему в голову: про полнолуние, про цыган, про тюнинг старых автомобилей, Евросоюз и «Анненэрбе». Об оккультной организации Третьего рейха Андерс вспомнил как раз тогда, когда они вылезали из микроавтобуса перед воротами в замок. Тогда один из парней, который всю дорогу недовольно косился на Андерса, попросил его помолчать. Очевидно, слишком грубо для первого знакомства.

Их потасовка даже не успела начаться. Цыган, почувствовав неладное, стал между ними и сурово посмотрел сначала на одного, потом на другого. Недвусмысленно положив руку на приклад своего оружия.

Незнакомый парень, впрочем, не испугался обреза. Он сказал что-то резкое на каком-то непонятном языке, ткнув пальцем в Андерса.

Цыган нахмурился.

– Андерс, – окликнул его Лекс. – Тормознись.

Андерс был настроен более миролюбиво и первым шагнул в сторону. Похоже, он не собирался драться, он лишь хотел, чтобы его слушали. Лиска одернула его и прошипела, чтобы он не выделывался, но на него это не очень-то подействовало.

Ворота были открыты.

Замок был погружен в темноту, горело лишь одно окно, в правом крыле здания. Над ним висела неполная луна, и эти два источника света были единственными вокруг.

Цыган сделал знак следовать за ним и первым пошел по тропинке, заросшей бурьяном чуть ли не по колено.

Деревянная дверь открылась без единого скрипа. Внутри пахло сыростью и плесенью. Достаточно одного вдоха, чтобы понять, что в этом помещении уже много лет никто не живет.

Тем не менее широкая деревянная лестница, ведущая на второй этаж, оказалась на редкость устойчивой ко времени. Когда они все поднимались по ней, ни одна половица даже не скрипнула, и Андерс предположил, что доски пропитаны человеческим жиром.

Лексу пришлось шикнуть на него, чтобы он успокоился. Это подействовало – в отличие от цыгана, которого Андерс лишь кратковременно опасался, к Лексу он испытывал безграничное, почти фанатичное уважение.

По коридору, в котором было не так сыро, как внизу, они прошли в правое крыло здания. Цыган остановился у двойной двери, дождался, пока все подойдут поближе, затем толкнул обе створки.

Весь второй этаж крыла занимал один просторный зал с высокими потолками и несколькими колоннами по центру. Зал освещался тремя электрическими люстрами, изготовленными в виде подсвечников со множеством свечей-лампочек.

Под люстрами, между колонн расположился деревянный резной стол, длиной метров в десять, если не больше.

За столом сидело полтора десятка человек. Перед каждым стакан, пластиковая бутылочка с водой и пепельница. А еще на каждом были беспроводные наушники, точно такие же, как у цыгана. Люди шумно разговаривали между собой на десятке разных языков, за столом стояла голосовая какофония, но, когда двери отворились и новенькие вошли, сразу повисла тишина.

Все развернулись в их сторону. Лекс узнал двух, это были ребята из его группы, француз и поляк. С поляком Лекс встречался в реале, когда тот приезжал в Россию, француз же, как выяснилось, действительно в качестве аватарки на форуме использовал свою фотографию. Пестрая рубаха, дреды и сигара, один в один.

Остальных не признал, хотя был уверен, что со многими не раз пересекался в виртуальном пространстве в конкурентной борьбе за выгодные заказы.

– Сколько тут наших должно быть? – шепнул Андерс Лиске.

– Человек пять, не знаю, – тихо ответила Лиска.

– Slowen, wazzup, man?![3] – крикнул один из сидящих.

Парень, который задирался с Андерсом, расплылся в улыбке и направился к столу. Следом за ним пошли китаянка и второй парень.

– Так вот ты какой… – пробормотал Лекс. – Словен…

– Ты его знаешь? – спросил Андерс.

– Словена? Общались иногда на фридом-хаке. Он тупой жадный ублюдок, но кодит хорошо на ассемблере и си-два. Ломал «Геофорс диджитал» полтора года назад.

Андерс пожал плечами – ни название форума, ни взлом полуторагодовой давности ему, похоже, были незнакомы.

– У него акцент странный, откуда он?

– Из Голландии.

– О, из Голландии! – оживился Андерс и тут же поспешил к столу, заметив кое-что более интересное. – О, водичка, ништяк!

Лекс вздохнул, глядя ему в спину.

В центре стола стояло какое-то плоское устройство с динамиками по бокам и экранированной поверхностью. Один из парней поставил на поверхность стакан с водой, рядом пепельницу и молча любовался этой композицией.

Сели втроем, чуть особняком от остальных. Лекс кивнул поляку, тот сразу подал маяк французу и еще двум перцам.

Цыган, сопровождавший новоприбывших, молча выдал им точно такие же наушники, как у остальных. Раздавал в соответствии со списком на клочке бумажки и серийными номерами, выбитыми на ободке наушников.

Закончив выдачу, осмотрел всех присутствующих. Снял с экрана плоской штуковины стакан и пепельницу, свирепо посмотрел на виновника и отошел в сторону. Не ушел. Встал возле входа, достал телефон, принялся кому-то звонить.

За столом снова начался шумный разговор на всех языках мира. «Строители Вавилонской башни», – подумал Лекс, надевая наушники.

Щелкнул переключателем, в уши сразу ворвался сонм из десятка механических голосов разной тональности – и, о чудо, все голоса звучали на русском языке.

Перевод, правда, немного хромал, скорее всего из-за перегруженности сленгом и ненормативной лексикой. Было совершенно непонятно, почему один говорит про каменные

стены, второй про собачьи бега, а третий про жареное мясо и вебмани.

Ну и небольшая, секундная десинхронизация мешала понять, кто какие слова говорит.

И тем не менее результат работы переводчика впечатлял.

– Это прототип, сто пудов, – прошептал Андерс, тыкая в наушники. – Еще не доведен до ума, но нам специально дали, чтобы свою крутость показать.

Он был прав, наушники в качестве переводчика действительно были далеки от идеала. В них быстро вскрылось еще несколько минусов – левый наушник, в котором, видимо, находился процессор, быстро перегревался, и приходилось постоянно поправлять его. Кроме того, крохотный кулер все в том же левом ухе издавал еле слышный, но тем не менее слышимый шум, который изрядно раздражал.

Ну и сам перевод, едва за столом начинали говорить более четырех человек, превращался в мешанину неразличимых слов, и было непонятно, кто какие слова произносит.

И все же в целом спор был понятен.

Народ обсуждал предстоящую работу. Никто толком ничего не знал, задача была ясна только приблизительно – делать модификации «Стакса», лучшего вирусного оружия на сегодняшний день.

Все они пообщались с Эйзентрегером и согласились заключить контракт на полгода, с еженедельными выплатами. Как понял Лекс, у всех суммы контракта были разными, но очень высокими.

Параллельно вспоминались какие-то взломы. Послушав эти воспоминания, Лекс сделал вывод, что здесь, кроме Словена, присутствовали хозяева многих известных виртуалов: Индевять, Торквемада, еще несколько завсегдатаев закрытого форума для спамеров «Да Порт».

Они были между собой знакомы, шутили на какие-то только им известные темы и постоянно поправляли друг друга в мелочах, дабы подчеркнуть свою значимость и осведомленность.

Француз, поляк и двое других приподнялись было, намереваясь, видимо, перебраться поближе к Лексу и его друзьям, но в это время над столом появилось голографическое изображение красного полотнища, на котором в центре белого круга чернела свастика.

Голоса быстро стихли, все уставились на голограмму. Едва над столом повисла полная тишина, вместо свастики появилось лицо Лотара Эйзентрегера.

– Надеюсь, вы уже успели познакомиться и освоиться, –

послышался в наушниках его голос. – Слушайте внимательно и не перебивайте, потому что трансляция идет в записи.

Перевод был четкий и отлично синхронизирован с видеоизображением. На мгновение Лекс даже подумал, что это его настоящий голос.

– Прежде всего, хочу поблагодарить вас за согласие сотрудничать. Поверьте, очень скоро вы поймете, что сделали правильный выбор. Вы находитесь на нашей временной базе, где и будете работать ближайшие полгода. Здесь вам предоставят все необходимые технические средства, а также все, что вам понадобится для максимального комфорта. Любые бытовые вопросы вы сможете решить с нашими сотрудниками безопасности.

При этих словах все инстинктивно посмотрели на цыгана, стоявшего у дверей с невозмутимым видом.

– Вы будете работать группами, отдельно и независимо друг от друга. Каждый месяц вы будете получать суммы, оговоренные вашими контрактами. Кроме того, вы будете обеспечены всеми условиями вашей прежней жизни, включая алкоголь, легкие наркотики и секс. Единственное исключение…

Тональность голоса в этот момент повысилась, Лотар сделал паузу, выделяя момент, затем повторил свои слова:

– Единственное исключение – никакой исходящей связи. Это нужно для безопасности, вы уже предупреждены, и тем не менее я посчитал нужным напомнить вам еще раз. Некоторые из вас уже работали в подобных условиях с другими корпорациями, надеюсь, поделитесь опытом со своими товарищами.

– Лучше объясните внятно, что нам делать придется, – проворчал поляк.

Словно услышав его, Лотар продолжил:

– Ваша первостепенная задача – в течение полугода разработать любую методику взаимодействия искусственного интеллекта с боевыми вирусами серии «Стакс». Каждые четыре дня руководители групп должны делать мне краткий десяти-пятнадцатиминутный доклад о проделанной работе. Группа, предоставившая в течение месяца наиболее интересные результаты, получает бонус, равный трехкратной сумме гонорара. Также возможны дополнительные задания, которые будут получать наиболее перспективные группы. Разумеется, за отдельную плату. А сейчас сотрудники службы безопасности проводят вас непосредственно на базу, познакомят с персоналом и организуют краткую экскурсию. Надеюсь, вам понравится. Спасибо за внимание. Надеюсь вскоре пообщаться с вами в режиме онлайн.

Лицо Лотара снова сменила свастика, которая исчезла через секунду.

Цыган открыл створки двери и сделал знак рукой.

– Надеюсь, нас сейчас покормят, – негромко произнес Андерс, вставая одним из первых.

– Да, человек, ты вправо, – перевели наушники возглас толстого бородатого дядьки, сидящего рядом с поляком. На нем был легкий вязаный свитер, который украшала надпись «in9». Он поднял большой палец в знак согласия и тоже встал. – Еда хорошо копыто не жевать.

Наушникам еще было очень далеко до идеала.

По длинному коридору все прошли в левое крыло, встретив по дороге двух европейцев с автоматами. Рассматривая стены, кое-где покрытые плесенью, Лекс невольно вспомнил место, где работал над первой версией «Стакса». Стекло и пластик, ходить чуть ли не в белых халатах, громко не разговаривать, обед по расписанию. Ненавистный офисный трэш, тем не менее закончившийся рождением «Стакса».

Может, здесь получится создать что-то более крутое, чем «Стакс». Хотя вряд ли.

Замок уныл, и ничего с этим не поделать.

Глава 12. Хохол

Ростов, апрель 2007 года

Если бы у Ника было время, чтобы сделать запрос в «Синдикат Д», он узнал бы несколько интересных фактов, из-за которых, скорее всего, постарался бы избежать общения с Хохлом.

Он узнал бы, что мишура с шоу-бизнесом не более чем прикрытие, грамотно инсталлированное сетевыми пиарщиками.

Узнал бы, что компания «Хохол пикчерз» предоставляет услуги телохранителей, наемников, киллеров, сопровождения и тому подобного. В общем, всего, что связано с бряцаньем оружием, с кровью и прочим экшеном. И что фактически компания «Хохол пикчерз» состоит из одного человека и существует только на афишах и флаерах некоторых ростовских диджеев.

Проще говоря, Хохол занимался стрельбой за деньги. И в последнее время у него с заказами было не очень густо.

Это сильно усложняло задачу убедить Хохла в том, что не

следует убивать Ника, и тем не менее Ник справился с ней.

Все оказалось очень просто. Сумма спорного контракта составляла пятьдесят тысяч долларов. Примерно столько же денег оставалось на счету у Ника. Случайное совпадение или нет, но это было последнее предложение Ника, и оно сработало.

– Надеюсь, ты понимаешь, что не перекупил меня, – сказал Хохол, когда убедился, что деньги Ника, пройдя длинный путь из платежных систем, осели на его счету. – Формально ты заплатил за то, чтобы я играл честно, вот и все.

С задачей выжить Ник справился. А вот с потрясением…

Синка заказала его и Лекса. На случай, если они подберутся слишком близко к ней.

А может, все не случайно и Синка рассчитывала на то, что Ник прибудет по истечении срока контракта? Но тогда зачем?

Наверное, стоит плюнуть на все и забыть. Сколько он уже ее ищет. Если бы Синка хотела встречи, они бы встретились.

А сейчас она ему ясно дает понять: не стоит ее преследовать. В качестве аргумента – контракт на убийство, куда уж убедительней.

– Можешь считать, что тебе повезло, потому что, если бы ты приехал на день раньше, я выстрелил бы сразу, едва ты вышел из машины.

Ник не считал, что ему повезло, так как в течение получаса лишился всех своих денег. Поэтому, когда Хохол поинтересовался, нужна ли ему какая-то помощь, еле сдержался, чтобы не послать его к черту или куда подальше.

– Боюсь, у меня теперь нет денег, чтобы оплачивать услуги наемника, – сказал Ник с издевкой, но аккуратно, чтобы не вызвать лишнего недовольства.

– Ничего страшного, – заверил его Хохол. – Ты парень платежеспособный, просто сейчас у тебя черная полоса. Я поверю тебе в долг, а когда наступит белая полоса, ты со мной рассчитаешься. Договорились? Нет, ты, конечно, смотри сам, но если она наняла меня, то могла и еще кого-нибудь нанять.

Влезать в долги к наемнику Нику хотелось меньше всего, но, с другой стороны, деньги все равно придется где-то доставать, а помощь наемника в данной ситуации отнюдь не лишняя.

– Впрочем, как хочешь. Если что, ты знаешь, где меня найти.

Хохол спрятал пистолет за пояс, сел в машину, щелкнул замком, блокируя двери.

Ник постучал в боковое стекло, когда оно опустилось, поинтересовался:

– До города не подбросишь?

– Я ж не такси, друг, – с некоторым сожалением ответил

Хохол. – Посторонних людей в машину не сажаю.

Очень сильно захотелось разбить ему ногой фару.

– Ладно, – кивнул Ник. – Поймаю такси.

– Ага.

Хохол сдал назад, вывернул машину по направлению к дороге. Высунул в окошко бритую голову и с ехидцей спросил:

– Значит, говоришь, знаешь, зачем твоя подружка в две тысячи четвертом сюда приезжала?

Ник подошел поближе.

– Знаю.

– А ты про что знаешь? – спросил Хохол. – Про то, как она натовский кокаин на Москву отправляла, или про то, как она Зазу Джапаридзе переманила из Синдиката?

Услышав знакомое имя, Ник поинтересовался:

– Ты знаешь Зазу?

– Видел его пару дней назад, пообщались недолго.

– А где его сейчас найти можно?

– Да где угодно. Он как из Синдиката ушел, на людях редко появляется, весь на шифрах… Тебе что, Заза нужен?

Заза был нужен Нику, и теперь не только для того, чтобы задать вопросы о Синке. Денег не было, а у таких людей, как Заза, всегда найдется какая-нибудь работенка для хорошего хакера.

Условия найма Хохла были оговорены достаточно быстро. За две тысячи евро в сутки Ник получал персонального водителя-телохранителя-гида с самоуверенной гарантией стопроцентной безопасности нанимателя.

Услуги киллера за дополнительную оплату, контракт на пять дней, включительно сегодняшний.

– А деньги отдашь как сможешь, я тебе верю, – сказал Хохол, открывая дверь машины.

– Спасибо, – пробурчал Ник, усаживаясь на переднее сиденье.

– Нет, честно, я в людях разбираюсь и вижу, что ты порядочный человек. В течение месяца сможешь? – уточнил Хохол.

Ник повернулся, посмотрел на него.

– Рассказывай обо всем, что знаешь про Синку. И поехали.

– Куда?

– К Зазе.

– Сегодня к Зазе не получится. – покачал головой Хохол. – Даже звонить ему не буду, поздно. Завтра к нему.

– Тогда… мне надо где-то остановиться. В гостинице… На западный, к китайцам.

– К китайцам смысла нет, далеко, – поморщился Хохол.

– Далеко от чего?

– Знаешь что… – Хохол раздумывал. – Лучше у меня приземлишься. У меня дом трехэтажный, живу один, пять дней как-нибудь потерплю тебя.

Машина тронулась с места и помчалась по трассе в сторону города, навстречу огням увеселительных заведений Левбердона. В салоне снова играл джаз, но на этот раз синдрома страха не было. Видимо, весь вышел.

– Хохол!

– Да?

– О каком кокаине ты говорил?

– О-о-о…

Всю дорогу Хохол вел рассказ о том, что делала здесь Синка в две тысячи четвертом, в то самое время, когда она якобы помогала Нику готовиться к взлому игры.

Ник вспоминал все дни, которые они проводили вместе. Она ведь не отходила от него ни на шаг. Не было ни одного дня, ни одной ночи, которые она бы не провела вместе с ним. И все же она постоянно куда-то уходила.

Ненадолго – час-два-три, иногда на полдня, но не больше. Девчонка же – по магазинам пройтись, всякие платья-джинсы померять, мороженое в кафешке поесть.

Она организовала канал поставки кокаина. Откуда-то из Средней Азии, с американских военных баз, через Россию на Европу.

Хохол помогал ей решать вопросы по Ростовской области, в том числе и по отстрелу конкурентов, пытавшихся помешать Синке. Трафик просуществовал почти два года, а в прошлом году практически всю сеть накрыли федералы, внезапно получившие сверху добро на разработку.

Ник вспоминал, как однажды посмотрел телефон Синки и обнаружил, что ее записная книжка пуста. Там не было ни одного сохраненного номера. Он спросил почему – она ответила, что ей некому звонить, а все нужные телефоны она помнит наизусть, поскольку их совсем мало.

Надо было тогда уточнить количество. Потому что ее контакт-лист должен быть размером с телефонную книгу среднего города.

Ник вдруг почувствовал, что очень мало говорил с ней. Все разговоры были по большому счету ни о чем. Синка мастерски умела менять темы в любой беседе, а Ник был слишком воодушевлен, чтобы наблюдать за ней и задавать вопросы. Слишком воодушевлен… или слишком доверчив.

В последний день, когда они виделись, она сказала, что любит его. Сказала и написала на бумаге. Любовь ушла вместе с

временными чернилами, а поиски закончились контрактом на убийство у какого-то местечкового киллера.

Еще была бойня в ростовской канализации. Дашнаки, шедшие по следу, перебили бомжей, приютивших Ника. Убили группу ростовских хакеров. Еще много людей. Догадывалась ли Синка, что все к этому приведет? Или все это было частью какого-то ее дьявольского плана, нитями паутины, как сказал бы Мусорщик.

Синка умела находить к людям подход. Знала, что им нужно. А если они не знали, мягко на это указывала.

Хохол рассказал и еще о кое-каких ее делах в Ростове.

Она перекупила Зазу. Пользуясь доступом к базам Синдиката, Заза стал сливать Синке информацию по безлимитному тарифу, пока Синдикат этого не обнаружил.

Скандала не было, Зазу просто по-тихому выгнали из организации, ему крупно повезло, что его просто не прикончили, так сказать, в назидание другим.

– Я так думаю, что он в итоге все отдал, что у него было, – сказал Хохол, когда они подъехали к воротам. Брелок подал сигнал, створки стали медленно открываться. – Потому что одно время Заза жил по максимуму, а потом внезапно скромным стал. Приехали.

Частный сектор, кажется, Западного района. Улица погружена во тьму, на фоне ночного неба выделяются лишь крыши соседних домов. Где-то вдалеке лает собака, но лай ленивый, скорее для порядка.

Дом, в котором жил Хохол, действительно был огромным для одного человека и вообще походил на крепость. Или небольшой замок. Округлые стены, на верхних этажах вместо окон что-то вроде бойниц.

Во внутреннем дворе парковка на две машины, газон, несколько декоративных сосенок, неработающий фонтан и уличные лампочки с солнечными батареями, подсвечивающие границы каменных дорожек. Для жилища киллера – слишком уютный дворик.

Двойная тяжелая дверь, вместо глазка дырка, с внутренней стороны залепленная скотчем.

– Пару лет назад приходили тут… – Хохол дотронулся до отверстия. – В глазок из пистолета стреляли, думали, с той стороны моя голова. А я дверь открыл и с двустволки как дал, сразу с обоих стволов…

Внутри дома все делилось на сектора, в которых давно закончен ремонт, и сектора, в которых ремонт давно приостановился. В одной комнате плазма и кожаная мебель, а в

другой мешки с цементом и рулоны обоев.

Больше удивила просторная кухня, квадратов в шестьдесят, причем четвертую часть помещения занимала клетка от пола до потолка, в которой жили два маленьких волнистых попугайчика.

– Они в такой клетке, наверное, на юг летают? – поинтересовался Ник, изучая птиц.

– Что пить будешь? Есть виски, водка, ром. Еще виски. Конина… – Хохол изучал бутылки.

– Я не пью.

– Значит, ром с колой. – Хохол взял бутылку, подбросил на руке. – «Закаппа», триста баксов, из Гватемалы братишки привезли.

– И ты его будешь с колой мешать? – удивился Ник.

– Ну да, вкусно получается.

– Я тебя еще кое о чем спросить хотел. Насчет Синки…

– Ща спросишь. Сначала выпьем. И покурим. Ты, кстати, куришь?

– Нет, – ответил Ник.

– Уважуха, я тоже. Думаю, мы сработаемся.

В этом Ник не был уверен.

– Насчет Синки…

– Да, да. Я кстати, тоже хотел тебя кое о чем спросить. Я так понял, ты по компьютерам соображаешь, у меня ноутбук в последнее время тормозить сильно начал, не знаешь из-за чего? На, попробуй, коктейль «Хохол пикчерз».

Ром с колой, а потом еще коньяк, еще что-то… пытаясь выяснить у пьяного Хохла детали его общения с Синкой, Ник вырубился через час.

Проснулся на узком диване в зале. В доме стояла тишина.

Встал, пошатываясь – его немного мутило. Потыкавшись в коридоре, нашел кухню. Налил из-под крана воды в кружку, выпил жадными глотками, умылся, затем выпил еще полкружки.

Полегчало. Подошел к огромной клетке, стал смотреть на попугаев, постепенно вспоминая события прошлого дня.

Синка заказала его наемнику. Случайно или нет, он прибыл в Ростов на несколько часов позже срока контракта, и это спасло ему жизнь, но лишило всех денег. И сейчас он в доме у этого наемника, с которым сам заключил контракт. В долг…

Ник провел рукой по лицу, словно стряхивая невидимую паутину. Подошел к окну. Двойной стеклопакет, металлопластик. Присмотревшись, Ник заметил между стеклами усики какого-то датчика. Нагнулся, чтобы рассмотреть поближе, – сзади что-то клацнуло. Подскочив, Ник развернулся.

С облегчением вздохнул, увидев, что это всего лишь

открылась дверца от птичьей клетки.

Больше ничего не произошло. Попугаи, сидя на жердочке почти в метре от створки, с подозрением смотрели на Ника и не шевелились. Ник провел рукой возле стекла. Что-то тихо щелкнуло в клетке, но, поскольку она уже была открыта, в картине ничего не изменилось.

– Вот же тупые птицы, – послышалось сбоку.

Ник развернулся.

На пороге кухни стоял Хохол – в семейных трусах и с «калашом» в руках. И еще золотой трос с платиновой пулей на груди.

– Птенцами брал, сказали, сторожевые попугаи. Суки, ни разу из клетки сами не вылетели. Блин, надо было питбуля брать.

Хохол небрежно бросил автомат на стол, подошел к батарее бутылок, критически осмотрел их, подумал, затем включил электрочайник. Повернулся к Нику.

– Хотя и питбуль не спасет. Я вот однажды в Москве был у одного человека в гостях, у него дома реально крепость была. Датчики всевозможного слежения, электронные замки, охрана и все такое.

У него крыша из бронированного стекла стояла, в виде купола, так она могла прямое попадание ракетой выдержать. Он в то время был разводящим у олигархов и политиков, по всему миру серьезные вопросы решал.

– А сейчас не решает? – полюбопытствовал Ник.

– Не-а, – покачал головой Хохол. – Не решает. Убили его сегодня ночью. Ты кофе будешь или чай?

– Когда мы к Зазе поедем?

– Зазу сначала найти надо. Он ведь на шифрах, телефоном не пользуется. Чертов параноик твой Заза. Он же из Синдиката.

Ника замутило. Чуть пошатываясь, он подошел к крану, плеснул в кружку немного воды, сделал глоток и только после этого обратил внимание на то, что рядом с холодильником стоит диспенсер.

– Ладно, не волнуйся, я знаю, где его искать, – сказал Хохол. – Позавтракаем и сразу поедем.

Щелкнул отбойник электрочайника. Хохол с сожалением посмотрел на ряд бутылок, затем полез в шкаф.

– Так ты что будешь, кофе или чай?

Зазу они искали до самого вечера. Весь день ездили по городу, останавливаясь то возле гостиницы, то возле кинотеатра, то в какой-то забегаловке. Побывали и в китайской общаге, в которой когда-то Ник жил несколько дней.

Всюду Хохол заходил один, оставляя Ника в машине, потом

возвращался, говорил, что на этот раз они едут к Зазе, и со следующей остановкой ситуация повторялась.

– Надеюсь, мы не все пять дней будем так кататься, – сказал Ник после очередной такой неудачной остановки.

– Я же говорил, что он на шифрах…

– Ты говорил, что найдешь его.

– А я что делаю? – воскликнул Хохол. – Ищу. Не переживай, найдем твоего Зазу.

– Ты с ним два дня назад разговаривал?

– Уже не два, а три. За три дня многое измениться могло.

Хохол притормозил возле Макдональдса. Посмотрел в сторону «автомака», затем припарковался у обочины.

– Вообще-то, проще всего сделать запрос в Синдикат, – сказал он. – Наверняка они знают, где он отсиживается. Но у тебя нет денег, жаль.

– Действительно, жаль. – съязвил Ник. – Может, ты оплатишь услуги Синдиката?

– Бывший ихний агент дорого стоить будет, йопт, – цокнул Хохол. – Пойдем, лучше угощу тебя «биг тейсти». Сейчас решим, как дальше действовать будем.

Есть Нику не хотелось, тем более в таком месте. Вместо «биг тейсти» он заказал картошку по-деревенски, сырный соус и спрайт. Зато Хохол набрал себе от души – бутербродов, куриных крылышек, еще чего-то там, все еле-еле на поднос поместилось.

Сели в углу – место занимали два пацанчика, которые поспешно ретировались, когда Хохол цыкнул на них. Тут же появилась уборщица, быстро привела в порядок столик. Судя по опасливым взглядам, которые она бросала на Хохла, наемник был здесь не в первый раз.

– «Синдикат Д» – это прежде всего система поиска людей, – объяснил Хохол, разворачивая пакеты с едой. – Заза работал в этой системе и знает ее слабые стороны. Поэтому его непросто найти.

– А три дня назад ты с ним виделся…

– Насчет другого дела, он сам меня нашел.

Открыв коробку с бутербродом, Хохол с аппетитом откусил громадный кусок, прожевал и произнес:

– Не понимаю вообще, как эта девчонка уговорила его предать Синдикат. У него столько возможностей было…

Уговаривать Синка умела, это Ник уже знал.

Какой-то парень в кепке лихо присел за их столик, развернув перед этим стул спинкой к столу. Посмотрел на Ника, затем перевел взгляд на Хохла.

– Здорово, Хохол.

– О, рад видеть! – Хохол, кажется, не узнал парня, но все-таки привстал, чтобы поздороваться.

Парень сделал ему знак сесть и негромко спросил:

– Зачем тебе Заза?

– Клиент поговорить с ним хочет, – кивнул наемник на Ника.

– А он кто?

– Клиент.

Парень в кепке снова повернулся к Нику, уставился выжидающе.

– Скажи Зазе, что я ломал «Путь» в две тысячи четвертом, – сказал Ник. – Он меня знает. Ну, должен помнить. Наверное.

– Это не объяснение тому, зачем тебе Заза.

– Мне нужна работа. Надеялся, что Заза сможет помочь. За процент, разумеется.

Подумав недолго, парень кивнул и поднялся.

– Когда закончите с едой, подтягивайтесь на площадь Чкалова. Паркуйтесь возле Сбера, сидите в машине и ждите час. Если не срослось, значит, и не срастется.

Когда он ушел, Хохол подмигнул Нику.

– Видишь? Сейчас покушаем и спокойно подъедем, поговорим.

– А если… не срастется?

– Срастется.

– Поехали, в машине поешь.

– Ты что, не слышал, что он сказал? – спросил Хохол. – Покушайте и приезжайте на площадь Чкалова. Это нам… это мне уважение показывают. Это не Москва, у нас все без суеты и лишней спешки. Покушаем, приедем, порешаем дела… Что, думаешь, Заза тебе работу даст?

– Надеюсь.

– Заза по мелочи не работает. Сколько твоя работа, ну, заказ один, сколько стоить будет? Как думаешь?

– Понятия не имею.

– Ты когда с Зазой будешь финансовые вопросы решать, не забудь, что в гонорар мои интересы войдут, – напомнил Хохол.

– Поехали, опоздаем, и ничего не срастется.

– Кушай, это же я угостил. Все срастется.

Хохол оказался прав, срослось. Они подъехали к указанному месту возле Сбербанка, через полчаса подкатил мотоциклист, сделал им знак следовать за ним. По улочкам-проулочкам, под знаки, да по ночному городу.

Остановились на территории какой-то фабрики. Там к ним

подошел уже знакомый им парень в кепке.

– Слушай, Хохол, тут такое дело, – замялся он. – Языком не болтай особо. Короче, Заза должен нам денег. Много денег. Мы ему занимали, когда он от Синдиката откупался. Поэтому он сейчас у нас, и все дела идут через нас. Но вопросы решаете с Зазой.

– Понял, – кивнул Хохол.

Они прошли в ангар, заставленный какими-то стеллажами, ящиками, бочками и контейнерами. Сильно пахло машинным маслом, бетонный пол был весь в черных пятнах от какой-то жидкости.

Ник не сразу узнал бывшего агента Синдиката. От былого лоска не осталось и следа – Заза сидел за старым письменным столом, весь помятый, исхудавший, с нервно бегающим взглядом. Волосы поседели, и уже непонятно было, черноволосый он раньше был или рыжий.

Завидев Ника, Заза хрипло засмеялся:

– Какая неожиданная встреча. Вот уж не думал, что еще когда-нибудь буду подбирать для тебя заказы.

Как и в первую их встречу, перед Зазой на столе стоял наполовину пустой (или наполовину полный) стакан с водой.

– Жизнь полна сюрпризов, – заметил Ник, садясь напротив. Рядом уселся Хохол, с деланно-равнодушным и скучающим видом.

– Да уж.

– Хохол, как дела?

– Да так, помаленьку, – пожал плечами Хохол.

– Давно мы с тобой не виделись. Года два?

Хохол бросил на Ника извиняющийся взгляд и кивнул.

– Да, вроде того.

– Ты все тем же занимаешься?

– Да. Помаленьку. Вот, клиента тебе привел.

– Угу, привел. – Заза посмотрел на Ника. – Значит, ты его нанял и тебе нужна какая-то работа, так?

– Разовая, тысяч на пятнадцать – двадцать евро, – сказал Ник.

– А ты не слишком поднялся со времени нашей последней встречи, – ухмыльнулся Заза.

– Ты вроде тоже, – парировал Ник.

Зазу заметно передернуло от этого замечания. Похоже, Ник задел больную мозоль бывшего агента Синдиката.

– Я выясню насчет работы, – сказал он с каменным лицом. – Если что-то подвернется, завтра ты об этом узнаешь. – Помедлив, Заза добавил: – Надеюсь, все не закончится как в прошлый раз, когда всех твоих друзей дашнаки положили.

Ник промолчал, только губу закусил. А вот Хохол заметно оживился, прислушиваясь к разговору.

– А ты вот выжил, – заметил Заза.

– Выжил, и что? – вскинулся Ник. – Что ты хочешь сказать?

– Ничего, кроме того, что сказал. Пацанов тогда, конечно, быстро положили, но кое-что перед этим рассказать они успели. В том числе – как ты за полчаса до визита наемников очень красиво соскочил.

– Я не соскакивал! – распаляясь, воскликнул Ник. – Меня вывела Синка! Я не знал, что происходит! Тебе ли не знать, кто все это организовал.

– Да, конечно, – вздохнув, произнес Заза. – Синка. Маленькая девочка со взглядом волчицы. Когда она рядом, никто не знает, что происходит. Кроме нее самой, разумеется. Сначала она обратилась в Синдикат, чтобы уничтожить «Путь», а когда Синдикат отказал, нашла вас, глупых и жадных хакеров.

Надо было вставать и уходить, не задавая более никаких вопросов. К черту Синку, сделать работу, получить какие-нибудь деньги, рассчитаться с Хохлом и свалить из этого негостеприимного города.

Ник уже было двинул ногами, чтобы встать со стула, но в самый последний момент неожиданно спросил:

– Ты знаешь, чем она сейчас занимается?

– Конечно же, нет, – ответил Заза. – И знать не хочу.

Откуда-то из-за стеллажей вышел мужчина в грязном и сильно промасленном рабочем халате. В зубах у него была сигарета. Подойдя к столу, он бесцеремонно навис над Зазой, выдвинул ящик, взял оттуда зажигалку и молча удалился.

Заза с ненавистью посмотрел ему вслед, затем повернулся к Нику:

– Эта стерва подставила меня точно так же, как подставила всех, кто с ней работал. И самое плохое в этом то, что я до сих пор не понимаю, зачем она это сделала. Вот за кем надо было посылать дашнаков, хотя… по-моему, если она не захочет, то ее и сам дьявол не найдет.

Откуда-то пошел резкий запах паленой резины. Сильный удар чего-то тяжелого по листу металла, затем несколько приглушенных и бессвязных ругательств.

– Заза, ты знаешь про нее что-нибудь… – Ник задумался, подбирая слова. – Что-нибудь такое, чего не знают другие?

– Я знаю про нее ровно столько, сколько она хочет, чтобы я знал. Думаешь, я не запрашивал расширенные поиски по нашим базам? Черт, да это первое, что я сделал, когда узнал, что она имеет отношение ко всему, что творилось в две тысячи четвертом

в Средней Азии. Вот увидишь, эта девчонка когда-нибудь наших президентов галстуки жрать заставит. Если, конечно, в этом будет какая-то ее выгода. Держись от нее подальше, мой тебе совет.

Из-за стеллажей снова вышел мужик в промасленном халате. Угрюмо посмотрел на всех, бросил окурок на пол, тщательно затоптал его.

– Это самое, ну чо, мужики, закругляйтесь, мне работать надо.

– Вам пора, – сказал Заза.

Хохол поднялся, ткнув кулаком в плечо Ника.

Хакер тоже встал.

– Если будет работа, тебя найдут завтра, – повторил Заза.

Хохол направился к выходу, Ник не спешил за ним, замешкался.

– Заза, а как она тебя подставила?

Заза поколебался, прикидывая, стоит ли рассказывать. Потом нехотя признался:

– Она уговорила меня нарушить некоторые протоколы Синдиката. Ей был нужен большой объем информации о тысячах человек из разных стран, самых разных полов, возрастов, профессий. Очень срочно.

Я продавал ей эту информацию без запросов, как это у нас принято. Она хорошо платила, но однажды на встречу вместо нее пришел один из боссов Синдиката. Чтобы лично сообщить, что я уволен.

– Ты думаешь, что это она тебя сдала?

– Не думаю, а знаю. Она хотела получить какую-то закрытую информацию из категории неподтвержденной. Такая информация не продается, и у меня не было к ней доступа. Синка вышла на боссов Синдиката и предложила им в обмен на информацию сдать своего крота в организации. Она получила то, что хотела, а я – то, что заслужил.

Заза невесело усмехнулся, пробормотал что-то по-грузински, кажется какое-то ругательство.

– Ладно, я на связи, – кивнул Ник. – Увидимся.

– Не увидимся, – неожиданно резко ответил Заза. – Мы с тобой больше не общаемся. Все дела через… – он с недовольством покосился на мужика в халате, – все дела через них.

Ник понимающе кивнул, шагнул в сторону выхода. В спину ему донеслось:

– Я не знаю, что за информацию она получила в обмен на меня, но я выяснил, что объединяло всех людей, на которых Синка запрашивала информацию. Один человек. С которым все остальные в разное время так или иначе пересекались. Кто-то жил

по соседству, а кто-то просто ехал с ним в одном купе. Этот человек объединял их всех.

Ник повернулся. Он тоже колебался: стоит ли ему спрашивать? Ведь уже почти решил, что бросит поиски.

– И кто этот человек?

– Кирсан Илюмжинов, – ответил Заза. – Глава Республики Калмыкия.

Глава 13. AI

Где-то в Румынии, апрель 2007 года

Групп было четыре. Три из них, включая группу Лекса, собрали на основе сработавшихся команд, дополнив новыми людьми, а четвертую люди Эйзентрегера сформировали из хакеров-одиночек, поставив во главе выскочку Словена.

База находилась под старинным замком, огромный подвал которого был на скорую руку перестроен в мини-гостиницу. Два с лишним десятка номеров, занято чуть больше половины.

Персонал импровизированной гостиницы – три повара, три стюарда, два сисадмина и несколько охранников – наушники не носил и в разговоры предпочитал не вступать. Наушники были только у цыгана, но он постоянно ходил с таким видом, что к нему не хотелось даже приближаться. Персонал проживал наверху, в самом замке, где, согласно официальному прикрытию, шли строительно-реставрационные работы.

Спортзал, кинотеатр, столовая – места, где все группы могут в любое время встречаться друг с другом. Еще во дворе, правда, только в определенные часы.

Оставшаяся часть базы поделена на секторы. У каждой группы свой сектор, в котором своя серверная и несколько изолированных номеров. У каждого сектора свой цвет. В пол «гостиницы» удачно встроены разноцветные указатели, чтобы не заблудиться.

У Лекса светло-зеленый.

У службы безопасности красный.

Тренажеры новые, на некоторых даже остатки заводской пленки.

В кинотеатре на двенадцать посадочных мест крутят новинки из Голливуда, точь-в-точь согласно мировым премьерам. Еду готовят три повара. Меню не блещет разнообразием, зато в

пятидесятикубовом морозильнике есть много замороженной пиццы, сосисок и прочего ассортимента быстрого питания.

Индивидуальная часть программы – у каждого хакера отдельная комната, довольно просторная, с простеньким ремонтом, икеевской мебелью, широкой двухспальной кроватью, отдельным санузлом, беговой дорожкой и душевой кабиной. Телевизор, DVD-проигрыватель, микроволновка для пиццы и сосисок, ноутбук, рабочее место с мощным системником и двумя мониторами.

Все новое, только что из магазинов, со складов, еще с запахом заводской упаковки.

И сердце базы – комната для совещаний, ключ от которой поочередно на сутки вручался руководителям групп. Там устраивались мозговые штурмы, там же каждый вечер появлялась голограмма Лотара Эйзентрегера, выслушивая от очередного руководителя группы десятиминутный отчет о проделанной работе.

Никакой исходящей связи с внешним миром. Никаких телефонов, раций или почтовых голубей. Никаких прогулок кроме заднего двора замка, в строго установленное время. Интернет в режиме офлайна, раз в месяц под наблюдением можно сделать запрос в банк о состоянии счета, чтобы убедиться, что зарплата поступила точно и в срок.

Еду по желанию могли принести в комнату. В локальной сети было все, что можно скачать с торрентов. Если кто-то не выносил прямого общения, он мог запереться в своей комнате, и пока выдавались результаты, никто не смог бы его побеспокоить.

Таких одиночек было человек пять, среди них оказался и француз из группы Лекса, с ником из наугад набранных символов и именем Жан. Он сразу объявил, что всех их любит, но не станет покидать комнату ради того, чтобы просто поболтать, и сделал исключение только для первого совещания.

Ему очень нужны деньги, но зачем – этого никто не знал. Он был настроен на работу и уверен, что именно их группа должна выдать лучшие результаты для получения суперприза.

Каждая группа получила копии так называемых персональных спутников, которые существенно облегчали поиски нужной информации в сети и даже могли на примитивном уровне общаться со своими админами.

А также им выдали исходники вируса «Стакс», в нескольких модификациях, среди которых Лекс обнаружил и свою, заточенную совсем недавно под железо и операционные системы японского провайдера NEC Biglobe.

Перед хакерами стояла непростая задача – научить исин

модифицировать вирус. Или, как сказал Лотар Эйзентрегер, сделать исин и вирус одним целым.

Как это сделать технически, никто понятия не имел, но за те деньги, что платил хакерам Четвертый рейх, все готовы были не то что программировать, а горы сдвинуть.

– Та группа, которая сделает это первой, оставит за собой право придумать и прописать в теле вируса его новое название, – подбросил Лотар дополнительный стимул.

Первый день, конечно же, никто не работал. Большинство слонялось по базе, изучая и обсуждая все плюсы и минусы обстановки. Тестировали, дегустировали, пили пиво и общались – преимущественно внутри своих групп. Проще говоря, акклиматизировались.

То, что эта база одноразовая, было понятно с первого взгляда. Внутренняя отделка из дешевого пластика, недорогая, хотя и надежная, система вентиляции, простенькая мебель и даже пластмассовые тарелки и вилки – все говорило только об одном: после использования это не жалко выкинуть.

На второй день понемногу приступили к работе. Молчаливый цыган вручил Лексу – выпала их очередь – ключ от комнаты совещаний, и вся группа собралась там, чтобы обозначить первостепенные задачи. Время было около полудня, некоторые, включая Андерса, только-только проснулись и еще толком не понимали, что происходит.

Круглый стол, вокруг десяток стульев, еще столько же вдоль стены. В центре стола уже знакомый им голографический проектор.

Отдельно стоит вайтборд. Эта ослепительно белая доска с глянцевым покрытием – самый необходимый атрибут для любой команды разработчиков, особенно немного двинутых и разговаривающих на разных языках. В кармашке на одной из ножек вайтборда десяток разноцветных фломастеров, рядом специальная тряпка для того, чтобы стирать написанное.

К вайтборду Лекс и подошел первым делом. Взял наугад фломастер, разделил доску пополам. На одной половине написал «AI», на другой «STUX». Подождал, пока остальные усядутся, затем спросил:

– Кто и что может рассказать про искусственный интеллект?

– Это не искусственный интеллект, – сказал поляк. – Это обычный поисковик со встроенным эвристическим анализатором и примитивной говорилкой.

– И тем не менее это искусственный интеллект, – сразу же поправил его француз.

– У тебя есть аргументы?

– Да. У меня есть такой спутник.

Матиас, еще один взрослый дядька, прибывший сюда из Англии и постоянно ведущий себя как тинейджер, с восхищением воскликнул:

– Йо, круто! Я слышал, эта штука триста кусков стоит!

– Это не аргумент, – ответил поляк. – У меня на ноутбуке стоят «Окошки», и я ими даже пользуюсь, но я не называю их операционной системой.

– И тем не менее «Виндоус» – операционная система, а эта программа, точнее, комплекс программ, – искусственный интеллект.

– Курва-матка-чешуя! – фыркнул поляк. – Это такой же искусственный интеллект, как я немецкая овчарка!

Француз посмотрел на него задумчиво – похоже, в его наушниках возникли трудности с переводом. Потом медленно произнес:

– Гав-гав.

Обычно подобные споры возникали на приватке. Уходя от сути вопроса, участники начинали обсуждать «Виндоус», железо, дизайн, игры – все что угодно, кроме самого главного.

В режиме онлайна такие споры могли длиться часами. Иногда эти дискуссии заканчивались переходами на личности. В таких случаях Лекс, пользуясь правами админа, закрывал топик и набрасывал на особо провинившихся сутки «read only».

В реале контролировать команду оказалось несколько труднее.

– Лекс, сотри «Эй-Ай», – попросил поляк. – От того, что этот поисковик установлен на коммуникатор Жана, он еще не стал искусственным интеллектом.

– Если у тебя чего-то нет, это не становится дерьмом.

– А я и не называл этот поисковик дерьмом…

– Хватит! – воскликнул Лекс. – Жан… в нескольких словах опиши принципы этого… кхм… комплекса программ.

Жан заколебался. Кажется, доклад не входил в его планы.

– Ну… я могу расписать и скинуть тебе…

– Не надо расписать, надо сейчас рассказать.

– Ладно, – неохотно пожал плечами Жан.

Поляк подобрался. Он явно собирался придираться к каждому слову своего недавнего оппонента, и Лекс сделал ему знак рукой, чтобы не перебивал.

Жан тем временем начал:

– Каждый персональный спутник уникален и затачивается под конкретного хозяина. Я не знаю, кто и где производит первичную настройку, но, когда я получил свой, программа уже

знала, кто я, как меня зовут, мои интересы, некоторые привычки. Это круто. – Француз расплылся в улыбке, видимо, вспоминая какой-то смешной момент, затем продолжил: – Со временем программа обучается, чем дольше я с ней взаимодействую, тем функциональнее она работает. Она самообучается, понимаете? Самостоятельно перенимает мою манеру общения и не просто подставляет стандартные ответы, а отвечает что-то осмысленное даже на тупые вопросы вроде «Как дела?». Эта программа находит все, что мне нужно, и мне даже не приходится вбивать текст – я общаюсь с ней по микрофону. Я говорю ей: детка, найди для меня кое-что, – и она находит прежде, чем я заканчиваю объяснять, что мне нужно. Это словно мой виртуальный клон. И еще кое-что насчет ее обучаемости. Она через месяц после активации уже умела читать литы на шестнадцати языках, если это вам о чем-нибудь говорит.

Литы – это старый детский шифр, в котором буквы менялись на похожие символы, менялись окончания, суффиксы. Не бог весть какое шифрование, визуально все читается просто. Когда-то такой шифр помогал скрыть тексты в чатах от запросов дотошных поисковых программ, но длилось это недолго.

Тем не менее еще одна удобная опция для личного поисковика. Не надо самому заниматься настройкой – уже большой плюс.

– Где ты его взял? – спросила Лиска.

– Друзья помогли. Я, кстати, не триста, а шестьсот кусков отдал. Слишком много посредников было.

– У мой кузина тоже такое есть, – подал голос серб с ником Кэтчер, живущий где-то в Баварии. – Очень нравится.

Он говорил по-немецки, но настолько плохо, что переводчик в наушниках не справлялся.

– Спутник знать о хозяине все. Из этого следовать уникальный защита, который нельзя сломать. Он понимать хозяина как человека, я тоже видеть в нем себя виртуального.

– Говори на родном языке! – раздраженно попросил поляк.

– Хорошо, но я чуть забыть свой родной говор, – сказал серб. – Давно не дышать на родине, слова стать чужие…

Поляк обреченно отмахнулся.

– И как этот спутник можно обучить модифицировать вирус? – спросила Лиска у француза.

– Понятия не имею, – ответил тот. – Спутники, которые нам дали, уже заточены под каких-то людей. Надо для начала избавиться от заточки, получить так называемые чистые клиенты.

– А у нас сейчас грязные?

– Спутники настраиваются где-то в одном месте, – пояснил

француз. – Я не знаю, где и кто их делает, там такая цепочка посредников, что даже Синдикат не разберется. И каждый спутник уникален и модифицирован под конкретного хозяина. Как он настраивается, никто не знает, но, насколько я знаю, без настройки спутников не бывает.

– Я подозревать, что первичной настройкой занимаются русский программисты, – сказал серб. – Святой Петербург, иметь вы такой город?

– Иметь, иметь, – пробормотал Лекс, у которого с Питером были связаны не самые лучшие воспоминания.

– Я думать, что можно делать защитные программы на основе спутника, – сказал серб. – Учить менять шифрование, некоторые кодировки. Про вирус не думать, но так можно тоже. Я пробовать писать скрипты в прошлый месяц. Есть на моем ноутбуке, я доработать и показать вам позже.

– Хорошо, – кивнул Лекс. – Кто-нибудь уже просматривал исходники этого… спутника?

При этих словах он мрачно посмотрел на Лиску. Этой ночью он хотел посидеть с исходниками, но пришли Лиска с Андерсом, пьяные и веселые. Лекс хотел их выпроводить, но Лиска чуть ли не на коленях уговорила его на ночные бессмысленные разговоры.

Андерс вчера пил, курил, снова пил – а сегодня сидит так, словно у него вместо головы наковальня.

– Это не искусственный интеллект, – пробормотал поляк.

– Ладно. Тогда сейчас я вам расскажу про «Стакс». А потом мы разойдемся по рабочим местам и будем думать, что со всем этим делать.

– Что ты нам можешь рассказать нового про «Стакс»? – хмыкнул поляк. – Мы же его вместе уже модифицировали.

– Расскажу как минимум то, что я сделал оригинальную версию этого вируса, – сказал Лекс.

При этих словах Андерс поднял голову и гордо посмотрел на всех, словно это он был автором «Стакса».

– Ты? – недоверчиво спросил поляк.

– Ну, вообще-то нас было трое, – признался Лекс. – Еще Симон и Тулли.

– Я всегда подозревал, что эти двое работали вместе над чем-то крупным! – Поляк хлопнул в ладоши. – Но у меня была мысль, что они – виртуалы одного человека.

– Нет, это два разных человека, – сказал Лекс. – Мужчина и женщина, по-моему, даже муж и жена.

– Точно так я и думал! – снова хлопнул поляк в ладоши.

– Но их с нами нет, – сказал Лекс, чуть повысив голос. –

Поэтому рассказывать буду я, как ведущий разработчик «Стакса». Вирус «Стакс», оригинальная версия. Писалась для атаки на ресурсы ядерного проекта одной…

– А где есть они? – неожиданно спросил серб.

– Что? – Лекс, недовольный тем, что его перебили, уставился на серба. – Ты о чем?

– Они жить еще или отказались и все?

– То есть?

Все уставились на серба, явно не понимая, о чем речь.

– Ну… я просто решить, что их убивать, если они знать про нас и отказаться…

– Курва-матка-чешуя, ты боевиков пересмотрел? – выругался поляк. – Мы же не с убийцами работаем.

– А с кем? – мрачно спросил француз.

Над столом повисла долгая неловкая пауза.

Лекс откашлялся.

– Я все же расскажу вам про «Стакс». Как вы знаете, оригинальная версия использует уязвимости «Окошек», одна из которых, «нулевой день»…

– Прежде чем продолжишь, сотри, пожалуйста, «AI». – Поляк поднял руку, указывая на доску. – Это не искусственный интеллект, а удачно собранный пакет поисковых программ.

Лексу захотелось подойти к нему и отвесить хорошую затрещину. Вряд ли это троллевидное существо решится на ответку.

Все же он стер буквы. А потом около получаса рассказывал детали написания вируса, и еще почти два часа после этого они до хрипоты спорили друг с другом, пытаясь определить свои дальнейшие действия.

В этот же день вечером Лекс находился в комнате для совещаний в полном одиночестве, если не считать голографического изображения Лотара Эйзентрегера.

Вайтборд был безжалостно исчеркан разноцветными фломастерами. Надписи на нескольких языках, стрелочки, кружочки-квадратики – хаос, родившийся после споров, которые, в общем-то, ни к чему толковому не привели.

Лекс делал первый доклад. Отчитался, что провели первое совещание и приступили к работе.

Завтра раздача тасков. В течение недели первые результаты. Лозунги, цифры, термины.

Эйзентрегер явно не понимал большую половину слов, которые использовал Лекс и почти наверняка плохо переводил звуковой адаптер. Тем не менее ариец терпеливо слушал, не перебивая.

Отчет был коротким, минут на десять. Когда Лекс закончил, возникла пауза, затем Эйзентрегер неожиданно спросил:

– Кстати, ты тоже думаешь, что мы их ликвидировали?

– Что?

– Твой сотрудник, серб… Кэтчер, кажется. Он считает, что мы могли ликвидировать твоих друзей только за то, что они отказались с нами сотрудничать.

Лекс вскинул голову.

– Вы что, подслушиваете нас? – спросил он и тут же про себя выругался.

Ну конечно же, подслушивают. Переводчик в наушниках передает все куда-то на базу, где записи фильтруются и анализируются.

– Проект, над которым вы работаете, стоит очень много денег. Вам платят самые высокие гонорары в мире. Ты удивлен тем, что вы находитесь под контролем?

– В общем-то, нет, – кивнул Лекс.

– Но ты не ответил на мой вопрос – ты тоже считаешь, что мы ликвидировали Симона и Тулли?

– Я считаю, что вы могли это сделать, – прямо ответил Лекс. – А сделали вы это или нет, я понятия не имею. А предположения строить я не люблю, предпочитаю факты, а не домыслы.

– Что ж… твой ответ мне понятен, – сказал Лотар Эйзентрегер. Помолчав немного, добавил: – И тем не менее я хочу, чтобы ты знал, что твои бывшие коллеги живы и здоровы.

Этот разговор имел какой-то скрытый смысл, но Лекс его не улавливал и не мог понять, чего от него добивается Эйзентрегер.

– Если это необходимо, я могу озаботиться доказательствами своих слов, – сказал Эйзентрегер.

– Не надо, – ответил Лекс.

– То есть ты веришь мне? – удивился штурмбанфюрер.

– Нет, просто меня не интересует их жизнь. Но я передам Кэтчеру, что с ними все в порядке.

– Что ж, тогда передай ему и всем остальным еще кое-что. Каждый из вас сможет передать сообщение для родных или близких. В самое ближайшее время. Это не совсем отвечает правилам безопасности нашего проекта, но вы должны понимать, что мы делаем все возможное.

– Мы понимаем, – кивнул Лекс.

– У тебя все по работе?

– Насчет спутников… так называемых искусственных интеллектов. Принцип их работы – это взаимодействие со своим хозяином и Сетью, – сказал Лекс. – У нас нет ни того, ни другого. И нас интересует, возможно ли в дальнейшем свободное

подключение к Интернету?

– Ты считаешь, что без Интернета вы не справитесь с исходниками компьютерной программы?

Лекс пожал плечами.

– Я считаю, что с Интернетом все было бы гораздо проще.

– На данном этапе это исключено, – резко ответил Эйзентрегер. – Свободный доступ к Интернету и подключение любого из спутников к нему будет очень серьезным нарушением безопасности. Работайте автономно. Надеюсь, вы сможете предоставить результаты, которые заставят меня увеличить ваш гонорар.

Изображение Эйзентрегера исчезло. На его месте некоторое время в воздухе висела свастика, но вскоре исчезла и она.

Лекс подошел к вайтборду, посмотрел на то место, где утром он писал буквы «AI». Буквы-то он стер, но следы от маркера в том месте остались.

Взяв маркер, Лекс зачем-то обвел следы от букв, посмотрел на них, затем стер и только после этого направился к двери.

Выходя из комнаты совещаний, Лекс столкнулся с цыганом. Тот протянул руку, Лекс не сразу понял, что происходила торжественная передача ключа.

Буквально вырвав его из рук, цыган закрыл комнату и пошел куда-то в сторону столовой.

К Лексу подошла Лиска.

– Что сказал про Интернет? – спросила она.

– Пока без него, – ответил Лекс. – Как там поляк?

– Говорит, что никакой это не искусственный интеллект. Еще говорит, что надо писать скрипты поэтапно. Все вроде за, я против. Андерсу, похоже, пофигу – он накурился с тем типом в свитере. Что будем делать?

– Работать, – ответил Лекс. – Для этого мы сюда и приехали.

Глава 14. Вероятные друзья

Ростов-на-Дону, весна 2007 года

Когда Ник попросил Исин сделать развернутый сбор информации о главе Калмыкии, он неожиданно услышал вопрос:

– Ты ищешь вероятных друзей?

– Нет, – ответил Ник. Подумав немного, заинтересованно спросил: – А что такое «вероятные друзья»?

– Вероятные друзья – это субъекты, которые имеют возможность стать твоими друзьями, – пояснила Исин. – Общность интересов, идеалов, взглядов, жизненных принципов…

– Хватит, я все понял. Я не ищу друзей, ни вероятных, ни невероятных. Выполни поиск. Пожалуйста.

– Приступаю. Расчетное время двадцать две минуты.

На бескрайних просторах Интернета Исин собрала для Ника все, что было связано с Кирсаном Илюмжиновым. Взлеты и падения, неудачи и победы – со слов очевидцев записано, Исин отсеяно, проверено и сформулировано.

Немного, конечно. Бесплатная информация как бесплатная медицина: вроде есть, а пользы немного.

Школа с золотой медалью, год работы слесарем-сборщиком, потом два года армии. В восемьдесят втором дембель, сразу поступил в один из самых престижнейших вузов страны, из которого в восемьдесят восьмом был исключен за распитие спиртных напитков.

Какая-то нелепая подстава, донос двух однокурсников, которые раньше в стукачестве не были замечены. Странное происшествие, наделавшее много шума.

Исин получила новый запрос, на этот раз Ника интересовало все, связанное с институтскими годами Кирсана.

Снова не густо. Учился, хорошие отметки, четыре года был одним из лучших, – вспоминали очевидцы событий на каких-то калмыцких форумах, просканированных Исином. Вроде не пил, отмечали бывшие сокурсники в своих жежешечках.

В восемьдесят восьмом все произошло стремительно. Донос, собрание, исключение, попытка восстановиться.

И тут началась настоящая война, длившаяся почти полгода.

К делу подключались все новые и новые люди, которые раньше никогда не слышали про Илюмжинова. Одни его защищали, другие, наоборот, делали все, чтобы он не смог восстановиться в институте.

Открытые письма председателю КГБ, министру иностранных дел и председателю ЦК КПСС. Шум на всю страну, и все из-за какой-то студенческой пьянки. Нашла коса на камень, как скажет потом в одной частной беседе проректор института, отказавшись, впрочем, делиться подробностями.

Зато ими готов делиться «Синдикат Д», запросивший за более детальную информацию десять тысяч долларов.

Самый дешевый пакет, при желании у них можно и на миллион долларов сведений накупить. У Ника денег не было, только любопытство. И теперь вполне обоснованно появилось желание заработать, чтобы потом потратить.

На следующий день после встречи с Зазой, едва проснувшись, Ник зашел в спальню наемника.

Одна из немногих комнат, в которых закончен ремонт. Верх дизайнерской мысли: стены, отделанные под бревно, потолок с металлическим отливом, всюду какие-то выгнутые торшеры, икеевские тумбочки. На стене плазма, правда, гораздо меньших размеров, чем в зале. Рядом с ней копия «Девятого вала» Айвазовского, а с другой стороны самурайский меч в ножнах. С потолка свисает люстра.

На полу шкура белого медведя. В области челюстей – китайские тапочки-сланцы, а в районе зада – автомат Калашникова, два мобильника и пустая бутылка из-под виски.

Не хватает только балдахина над кроватью.

– Хохол! Хохол!

– Да! – раздался измученный голос откуда-то со стороны кровати.

– От Зазы не звонили?

– Йопта, десять утра, кто в такую рань звонит?

Ник потоптался у входа, размышляя, стоит ли продолжать разговор, и пришел к выводу, что стоит.

– Просто мне эта работа нужна.

– Нужна – значит, получишь.

– А если не получу?

– Получишь, конечно. Иначе Заза с нами и встречаться бы не стал.

– Он разве не твой друг? – с сарказмом поинтересовался Ник.

– Йопт, отвали, мужик, я спать хочу. Десять утра, охренеть с тебя не надо! Я лучше контракт расторгну и выгоню тебя!

Еще немного потоптавшись, Ник решил не усугублять и ретировался на кухню завтракать.

Яичница с колбасой и чай с пряниками. Неплохо, хотя еще совсем недавно была возможность завтракать в ресторанах и не заморачиваться по поводу скорлупы, попавшей в сковородку, или

отсутствия в доме сахара.

Да уж, правду говорят, что деньги зло, но на них можно купить очень много добра.

Насчет работы Хохол оказался прав. Вечером того же дня связной передал Нику флешку, где кроме аниме и роликов с ютуба находилось пятьдесят тысяч долларов в виде задания, которым последнее время многие хакеры зарабатывали на жизнь, и вполне неплохо.

Модификация вируса «Стакс».

Цель задания – автоматизированные системы управления какого-то станкостроительного завода в Польше. На флешке находились исходники вируса, данные о железе, которое использовало АСУ, сведения о программном обеспечении (исходники операционной системы и необходимых драйверов устройств), плюс еще несколько вводных о системе безопасности.

Ник раньше никогда не занимался модификацией «Стакса», хотя слышал про него немало. Этот вирус не устраивал пожаров в системных блоках, как это обычно бывает в неокрепших боевиках, но действительно портил железо, в зависимости от модификации перепрошивая биос, уничтожая носители информации, короче, доставлял серьезные проблемы. «Стакс» пользовался популярностью в «серых войнах», которые обожали вести между собой крупные и мелкие корпорации.

За последние пару недель цены на модификацию «Стакса» выросли вдвое и даже втрое. Не удивительно, что Заза согласился помочь. Похоже, на рынке дефицит рабочих рук.

Выполнить работу, рассчитаться с Хохлом, потом… ну нет, потом будет потом. Рано пока длительные планы строить.

Вирус «Стакс» был написан на трех языках – лиспе, С++ и ассемблере. Ник знал все три, хотя предпочитал кодить на ассемблере. С него и начал, рассчитывая закончить в течение двух-трех дней.

Два дня парень провел, разбираясь в том, как взаимодействуют все три части кода. А на третий день понял одну очень важную вещь – он до сих пор не понимает, как этот вирус вообще можно модифицировать.

– Я не смогу выполнить эту работу, – признался он скорбно.

– Почему? – спросил Хохол, ставя на паузу фильм, который смотрел.

Он сидел на диване перед огромной плазмой, на экране застыло изображение Джека Николсона. Треники с полосками, клетчатая рубашка, цепь златая с пулей, на коленях пульт от телевизора и автомат Калашникова. Рядом три мобилы, брелок с ключами.

В одной руке сигара, в другой коктейль – судя по двум бутылкам на столике, от вискаря и кока-колы.

«Да, мы умели отдохнуть красиво…»

– Потому что код этого вируса написан на трех языках. То есть три куска кода, которые должны между собой не просто взаимодействовать, а… в общем, надо либо знать все три языка и понимать архитектуру тех устройств, под которые делается модификация, либо…

– Подожди, подожди, – обеспокоенно прервал его Хохол. – Можно короче и понятнее?

– Можно, – кивнул Ник. – Я не смогу выполнить эту работу.

– Ну… – Хохол на несколько секунд задумался, его лицо сначала показалось Нику озабоченным, а потом заметно погрустневшим.

За окном уже стемнело. В открытую форточку доносились далекие завывания автомобильной сигнализации.

Глоток коктейля помог Хохлу собраться с мыслями и дать совет:

– Тогда найди того, кто сможет это выполнить.

– Для такой работы нужна команда. Сработанная команда людей, которые могут писать на этих трех языках.

– Тогда собери команду.

– Для этого надо много времени. Несколько недель или месяцев. Да и не хочу я работать с кем-то. Уже наработался в командах.

– Да, одинокому волку всегда легче, – подтвердил Хохол и, глядя в спину выходящего Ника, как бы невзначай напомнил: – У нас, кстати, сегодня срок контракта истек, по итогам ты мне пятнадцать штук должен.

– Десять.

– А пять тысяч за работу, которую тебе Заза дал? – напомнил наемник. – Услуга услугой, а про комиссионные не забывай.

– Так ведь не срослось, – развел Ник руками. – Я же говорю, что не смогу этот вирус модифицировать.

– Ну я-то свою часть работы выполнил, – невозмутимо пояснил Хохол свою позицию. – Да ты не переживай. Отдашь, как будут, я же не напрягаю тебя. Кстати, ты там Кирсаном еще интересуешься?

Ник остановился у порога.

– А что?

– Ну, если он нужен, могу устроить вам встречу.

– Ты с ним как, с Зазой, два дня назад встречался? – съехидничал Ник.

– Эй, друг, он, между прочим, глава республики. Это тебе не

какой-нибудь губернатор области. Впрочем, смотри сам, – пожал плечами Хохол. – Если я тебе больше не нужен…

Он выразительно посмотрел на дверь, всем видом показывая, что прощается с Ником. Судя по фразе, как бы невзначай оброненной несколько дней назад, – примерно на месяц.

Зажав зубами сигару, Хохол взял пульт от DVD и стал рассматривать кнопки на нем. Будто в первый раз пульт в руках держал, с таким интересом смотрел.

Ник развернулся, и в спину ему ударило:

– Ты, кстати, на улице аккуратнее будь.

Тон у Хохла, как обычно, был добродушным, но смысл от этого не стал менее зловещим. Ник замер и всем корпусом повернулся к нему.

– В каком смысле аккуратнее?

– Да тебя ищут вроде. – Хохол продолжал разглядывать пульт, а говорил при этом как-то отстраненно, словно о чем-то другом в это время думал и отвечал на автомате.

– Кто ищет?

Хохол откровенно тянул время. Почесал пультом пузо, зевнул, лениво ответил:

– Да так. Народ поговорить хочет.

– Какой народ? По поводу чего?

– Да не волнуйся ты так, – бросил Хохол. – Местные, нормальные ребята. Просто предупреждаю, чтобы не пугался, если вдруг остановят на поговорить.

– О чем поговорить? Хохол, не тяни, в чем проблема?

– Да нет никаких проблем. У тебя вроде хотят спросить за каких-то пацанов, которых три года назад постреляли. Я не в курсе.

Ник снова уже было переступил порог комнаты, как в спину ему донеслось очередное «последнее послание»:

– Они, кстати, просили позвонить, когда ты отсюда уйдешь…

– И ты позвонишь? – Ник развернулся. Ответ на его вопрос выглядел красноречивей слов – в руке у наемника вместо пульта был мобильный телефон. – Хохол?

Хохол вздохнул так тяжко, словно непосильная ноша только что легла на его плечи. Посмотрел на экран, где застыло изображение Джека Николсона, исполнявшего роль какого-то гангстера.

– Ты уверен, что не сможешь найти тех, кто выполнит работу для Зазы? – с надеждой спросил наемник у хакера. – Может, хотя бы попробуешь?

– Слушай, Хохол…

– Нет, нет, погоди. Я тебе одну историю расскажу, если ты не

спешишь. Ты не спешишь?

Скрипнув зубами, Ник промолчал. Но и уходить не стал, терпеливо ожидая историю.

– Знаешь, как-то раз, классе в пятом или шестом, на уроке литературы мы писали сочинение, – сказал Хохол. – Я даже не помню, на какую тему. Помню, что весь урок я рисовал танчики, а в самом конце забрал тетрадку у одного ботаника, вырвал у него листы с сочинением и вложил в свою тетрадь. Я хотел проверить, насколько высок мой авторитет у учительницы, а эта стерва по русскому языку и литературе чуть не добилась моего исключения из школы.

– Вау, – сказал Ник.

– Представляешь, я потом с ней жил почти год, когда из армии пришел. Чуть не женился, йопт!

– Вау, – второй раз произнес Ник. – И в чем смысл?

– Тот ботаник потом за меня все сочинения писал. Уже в моей тетрадке, понимаешь? Несколько лет писал, пока в другую школу не перевелся. И у меня все это время по литературе твердая четверка была. Вот так-то. Так что там с гастарбайтерами? Будешь искать команду?

Ник вздохнул.

– Можно через «Армаду» нанять, только небольшой аванс потребуется…

– Йопт, у тебя же денег нет! – воскликнул Хохол.

– Да, но, возможно, ты захочешь мне занять…

– Возможно, не захочу. Другие варианты есть? Может, попросишь свою подружку из телефона, чтобы она тебе людей поискала?

А что? Это была мысль. «Подружка из телефона» уже должна была понимать, что нужно хозяину, и вполне могла справиться с поиском нужных людей.

– А я пока с местными могу пообщаться и выяснить, чего они от тебя хотят, – добавил Хохол, подслащивая пилюлю.

– Наверное, ты прав. Попробую поискать с помощью спутника.

– Конечно, попробуй. Попытка не пытка, как говорил товарищ Берия. Слышь, Ник, так что насчет Кирсана? – спросил Хохол, когда Ник выходил из зала, доставая коммуникатор. – Договариваться о встрече?

– Угу, договаривайся, – ответил Ник, не особо надеясь на результат.

За спиной загрохотали выстрелы, что-то закричал Джек Николсон голосом Замеза-переводчика.

В кухне тоже было шумно. Попугаи, восседая на жердочках

друг напротив друга, ожесточенно чирикали, то ли общались, то ли ругались. Когда на кухню вошел чужак, они прекратили щебетать и принялись наблюдать за ним, храня презрительно-настороженное молчание.

Ник включил электрочайник, сел за стол, вытащил коммуникатор.

– Найди программистов. Си плюс плюс, ассемблер, лисп. Тех, кто занимается модификацией вирусов серии «Стакс».

– Это вероятные друзья?

– Нет.

– Тогда зачем их искать?

Раньше Исин никогда не задавала этот вопрос, и сейчас это звучало как минимум необычно.

– Что? Что значит – зачем? – удивился Ник. – Мне это надо.

– Производство и модификация вирусов серии «Стакс» противозаконны, – выдала Исин предупреждение. – Нарушение законов угрожает твоей, а следовательно, и моей безопасности. Я обязана предупреждать, как служебная программа и как друг.

– Выполни поиск, друг, – нервно бросил Ник. – А свои комментарии оставь при себе, меня они не интересуют.

– Уточнение вводных данных. Тебе нужны мужчины или женщины?

– Плевать. Не имеет значения.

– Уточнение вводных данных. Их возраст?

– Ты издеваешься? Мне просто нужны хакеры, которые смогут модифицировать «Стакс». Желательно русско- или англоязычные. Подбери два-три десятка кандидатур и найди какие-нибудь их действующие контакты.

– Уточнение вводных данных. Ограничение по поиску в категории последнее появление онлайн.

– Неделя… нет, месяц… блин, хватит уточнений, просто найди мне хакеров, пока я не решил, что твой аналитический блок вышел из строя. Пожалуйста.

– Выполняю. Расчетное время двенадцать минут.

Ник раздраженно швырнул коммуникатор на стол.

Щелкнул чайник.

Заваривая чашку крепкого растворимого, Ник невольно засмотрелся на батарею бутылок и подумал, что глоток алкоголя, возможно, и не повредит.

Тем не менее все же остановился на кофе.

Вернулся к коммуникатору с полулитровой кружкой.

Конечно же, ей потребовалось больше времени. Около двадцати минут, в течение которых она рассылала запросы и шерстила Сеть в поисках нужной информации. Лампочка-

индикатор на коммуникаторе быстро мигала, демонстрируя, что работа ведется вовсю.

Основные ресурсы Исин, как и остальных спутников, хранились не на коммуникаторе, а на десятках других серверов, которые дублировали друг друга и, как правило, находились в разных местах. На коммуникаторе был установлен лишь аналитический блок, который, по сути, являлся посредником между его владельцем и сетью. Принять задачу, переработать ее в команды, понятные электронным поисковикам и анализаторам, получить результат, доложить об этом владельцу.

Исин справилась с задачей. Правда, немного потрепав нервы перед этим, но нервотрепка – неотъемлемая часть ее развития, приходится терпеть.

Программа нашла около трех десятков подходящих кандидатур. Из разных стран, некоторые имена и прозвища показались Нику знакомыми.

Так и есть – первые места в рейтингах «Ди Лоджика», «Лаборатории» и «Армады». У каждого на счету какие-то известные взломы, в последнее время почти все занимались модификациями «Стакса».

Прибыльное, судя по всему, дело.

И еще одна общая характеристика. Почти все они последний раз появлялись онлайн несколько дней назад.

– Есть какие-нибудь сведения… куда они все подевались?

– Предположительно, они все заключили контракты с одним лицом. И в данное время работают над засекреченным проектом. Дополнительная информация отсутствует. Продолжить поиск в расширенном режиме?

– Не надо, – буркнул Ник.

Теперь он понял, почему Заза дал ему эту работу. Из-за дефицита работников на рынке труда. Моды – хакеры, специализирующиеся на модификациях «Стакса», – вдруг перестали принимать заказы и несколько дней назад куда-то исчезли.

Наверняка какая-то компания запланировала сетевую атаку на своих конкурентов и наняла их для разработки нескольких сложных модификаций. Вывезла программистов на свою территорию для обеспечения полной секретности.

Скорее всего, речь идет об очень больших суммах, а следовательно, и о крупных корпорациях. А может быть, за этим стоят спецслужбы какого-нибудь государства. Ходят ведь слухи, что оригинальная версия «Стакса» была создана именно по такому заказу. Хотя это все только слухи.

– Начни новый поиск. Те же самые условия, но… – Ник

задумался.

– Расскажи, зачем тебе эти программисты, – попросила Исин.

– Это еще зачем? В смысле, зачем я должен тебе это рассказывать?

– Мне необходимо общение с тобой для дальнейшего развития.

Она была права. Если она не будет развиваться, от нее не будет никакого толка.

– Они мои вероятные друзья. И станут просто друзьями, если смогут выполнить мое поручение.

– Поручение какого рода?

Еще немного, подумал Ник, и у меня разовьется паранойя по поводу того, что спутник взломали и сейчас он контролируется каким-нибудь комиссаром из Интерпола.

– Мне предложили деньги за модификацию вируса серии «Стакс», – терпеливо ответил Ник. – Один я справиться не могу, поэтому мне нужно несколько человек в качестве помощников. Вероятных друзей. Или невероятных. Главное, чтобы они помогли модифицировать «Стакс» и при этом не оказались агентами из какой-нибудь государственной конторы или Интерпола. Поэтому сделай новый поиск. Выбери тех, кто появлялся онлайн недавно. Не обязательно тех, кто уже занимался модификациями «Стакса». Просто хороших программистов на си плюс плюс, лиспе и ассемблере, которые сейчас ищут работу. Все. Пожалуйста.

– Начинаю новый поиск. Расчетное время четыре минуты.

Это был уж совсем долгий поиск. На самом деле прошло минут двадцать или около того, и Ник даже забеспокоился, что с его спутником какие-то неполадки. Но опасения оказались ложными, Исин предоставила справку по нескольким программистам из числа тех, кто был онлайн и никуда не пропадал.

Конечно же, все они без какой-либо серьезной репутации на рейтинговых досках. Новички, с которыми работать хуже всего. Бразилия, Индия, Китай, Южная Корея и трое без определенного места жительства. Бесполые, безымянные, без возраста и даже без модных ныне девизов на латыни.

Все англоязычные. Красавцы, как на подбор. Пустые инфы, аватары в виде невнятных рисунков, низкий либо нулевой уровень репутации на приватных форумах.

Кто они, что они? Может, грамотные виртуалы опытных хакеров, может, действительно новички, нубы, а может, это агенты из Интерпола. Хотя бы один окажется агентом, настоит на личной встрече и хлоп-хлоп.

– Я могу разослать им письма от твоего имени.

– Вот еще! Не надо, я сам.

Ник хмыкнул.

Раньше Исин могла только регистрироваться на форумах, а теперь уже может и письма отсылать. Интересно, какой бы текст она накатала?.. Здравствуйте, с вами говорит автосекретарь, причем генеральный… Надо будет протестировать как-нибудь эту ее возможность. Конечно, в менее важном вопросе.

– Ты с ней как с человеком разговариваешь? – послышался голос Хохла. – С этой программой… спутником.

Он стоял в дверях кухни с пустой бутылкой из-под виски. И был заметно пьян.

– Ну, в общем-то, да, – подтвердил Ник. – Как с человеком.

– Крутая штука, йопт. А ее можно мне на айфон скопировать?

– Не будет работать, – ответил Ник и пояснил: – Надо настраивать специально под твою личность. В этом весь смысл. Спутник развивается только во время общения с тобой. Без настройки не будет развития.

– Но он, этот спутник, он может работать на айфоне?

– Да, как обычное приложение.

– А ты умеешь его настраивать?

– Если бы… – Ник покачал головой.

Во всем мире существовало только два человека, которые могли программно настраивать спутники под конкретных людей. Братья Паша и Коля из Питера, только они занимались настройкой всех ныне существующих спутников. И они не очень охотно делились секретами настройки даже с близкими людьми. Точнее, вообще не делились. Их деятельность была засекречена настолько, что даже в их головном офисе не все знали, что кроме поддержки социальной сети братья вовсю настраивают и продают программы на основе искусственного интеллекта.

Хохол прошел к батарее бутылок, стал выбирать питье для продолжения вечера.

– Жаль, – с искренним разочарованием заметил он. – Я слышал про такие спутники. Говорят, они стоят кучу денег.

– Мне бесплатно достался, – сказал Ник.

– Да ну? – Хохол восхищенно цокнул. – Повезло!

– Угу, повезло.

– Мне вот в детстве тоже однажды повезло, – сказал Хохол, перебирая бутылки. – Когда я был мелким пацаном, лет пяти-шести, гуляя в городском парке, я нашел неиспользованный билет на «Автодром». Ну, знаешь, аттракцион, где электрические машинки по площадке катаются и врезаются друг в друга. Это был мой любимый аттракцион, он был самым дорогим, и я с этим билетом был просто на седьмом небе от счастья. Там была

очередь, невероятно огромная. Пока я стоял в этой очереди, то выбрал себе синюю машинку с зелеными полосками. И следил за ней, представляя, как я сяду в нее и три минуты буду самым счастливым человеком в мире. И вот подходит моя очередь, и я собираюсь сесть в эту машинку, но какой-то маленький гаденыш бросается вперед и занимает ее. Представляешь?

Он вытащил бутылку с разноцветной этикеткой и жидкостью цвета мочи. Поднял бутылку, посмотрел сквозь нее сначала на лампу, потом на попугаев, потом на Ника. Поставил бутылку на место и закончил рассказ:

– Короче, закончилось дело тем, что я разбил этому гаденышу нос, впервые попал в милицию, а на машинке так и не покатался. Такое вот везение.

Ник посмотрел на него задумчиво:

– Ну и в чем мораль этой истории?

– Ни в чем, – ответил Хохол. – Просто захотелось потравить байки из своей жизни. Ну как, нашла она тебе гастарбайтеров, эта твоя спутница?

– Да, нашла. Только я не уверен, что они справятся, да и вообще если ответят…

– Я просто к тому… – перебил его Хохол, выбирая бутылку с чем-то черным. – Во, йопт, этот ром просто создан под колу… Так вот, я к тому, что если ты нанимать меня не будешь, то я тогда безработный, а тебе пора покинуть это скромное жилище. Так что ты определяйся. Со мной или с ними.

– В смысле? С кем – с ними?

– Да там пацаны за тобой приехали. На улице сидят, ждут, когда контракт закончится. Я их в дом звал поговорить, но они чего-то не хотят. Ну так что, контракт прологиниру… прологни… продлеваем, в общем?

Глава 15. Об этичности убийства

Ростов, весна–лето 2007 года

Ник согласился пролонгировать новый контракт с Хохлом. Еще на пять дней, на прежних условиях. После устного договора, скрепленного рукопожатием и ромом, Хохол вернулся к плазме и Джеку Николсону «контролировать обстановку и следить за безопасностью».

Ник же разослал всем новичкам запросы с предложением

поработать вместе над одним заказом и стал ждать ответов.

Реакция последовала подозрительно быстро, причем от всех кандидатов без исключения. В течение двух часов, словно все они занимались синхронным сном и в данное время бодрствовали, сидя в Сети.

Все были готовы к работе. Без встреч в реале, с оплатой после, согласные на гонорар, который полностью учитывал все материальные интересы Хохла.

И, что самое главное, с перспективой дальнейшего сотрудничества.

Главный функционал руководителя не в глубинном знании предмета, а в умении правильно поставить задачу.

Ник выбрал пятерых, показавшихся наиболее безопасными и вменяемыми. Разбросал между ними таски – задачи, которые они должны были выполнить в течение суток.

На все про все ушла пара часов. И зачем надо было два дня биться с кодом, словно головой об стенку?

Спустя сутки основные задачи были выполнены. Идеальное решение. Оказывается, модификация вируса не так уж и сложна, если команда работает четко и слаженно.

Конечно, впереди еще есть работа на несколько дней, но, судя по всему, финансовая проблема близится к завершению.

Самое время решить вопрос с безопасностью.

Закончив дела, довольный собой, Ник спрятал коммуникатор и отправился в зал, где Хохол наслаждался жизнью и следил за безопасностью.

На плазме снова крутился какой-то новый голливудский фильм. Ди Каприо объяснял что-то блондинке. Что именно он говорил, слышно не было, поскольку звук заглушала музыка из колонок проигрывателя.

Наемник был не один. Причем заметил это Ник, лишь когда, войдя в зал, обошел кресло.

Хохол сидел в своей любимой позе, развалясь, с сигарой и коктейлем, и только на коленях вместо привычного автомата возилось что-то рыжеволосое и обнаженное. Перед плазмой были разбросаны элементы женской одежды.

– Сорри! – извинился Ник, отходя назад. – Хохол!

– Йопт! Ник! А я и забыл про тебя! – воскликнул Хохол. – Шучу, ты как? Садись, фильм посмотри.

– Ты про какой фильм?

Хохол издал короткий смешок, пригладил лысину. Он выглядел сосредоточенным, но явно не на безопасности.

– Слушай, я хотел насчет местных спросить, – сказал Ник. – Ну, тех, что меня искали.

– Уже не ищут, – отозвался Хохол, попыхивая сигарой. – Сказали: все, что нужно, узнали, претензий нет.

– Да? Классно… – пробормотал Ник.

– Конечно, классно. «Хохол пикчерз», разруливаем неразруливаемое. Фильм будешь смотреть?

– Я спать пойду.

– А лялю в люлю возьмешь?

– Что? А, нет, спасибо. Доброй ночи.

Зайдя в свою комнату и в очередной раз споткнувшись о неудобную ступеньку, Ник уселся на кровать.

Спать особо не хотелось. Было желание действовать. Если команда сработается, если все получится – можно будет с этого поиметь много денег. Достаточно для того, чтобы сделать правильный выбор.

Отсюда надо сваливать. Получить от Зазы деньги и уезжать куда-нибудь, подальше отсюда и, возможно, от России. Куда-нибудь в Европу. Возможно.

Ник достал коммуникатор.

– Сделай расширенный поиск и собери информацию по каждому из тех четверых, кому я сегодня дал доступ на приватку, – попросил Ник. – Пожалуйста.

Волшебное слово не помогло.

– Уточнение вводных данных. Какого рода информацию? – затребовала Исин.

– Ну вот только не начинай тупить. Любого рода. Все их возможные виртуалы, друзья в соцсетях и на форумах, друзья тех, кто плюсовал им рейтинги. Отсей все посты, где они упоминают какие-либо имена или сетевые ники…

– Зачем?

– …просмотри города, может, где-то доступны их айпишники, сверь… что? Что ты сказала?

– Зачем? – повторила Исин.

– Что значит «зачем»? – удивился Ник. – Мне надо. А вот ты почему стала задавать лишние вопросы?

– Мы же друзья, и я имею право знать.

– Ты теперь на любой мой запрос будешь интересоваться, зачем мне это надо?

– Стоит ли мне это понимать как твое нежелание отвечать? – коварно спросила Исин.

Голос у нее, конечно же, был такой же, как и всегда. Просто подтекст в ее вопросе звучал неприятно.

Не очень хотелось с ней спорить, по крайней мере сейчас.

– Ты задаешь много вопросов. Мне надо знать, кто они, ради моей, а значит, и твоей безопасности. Я считаю, что для друга

такого ответа должно быть достаточно. Пожалуйста, окажи мне услугу и собери о них инфу.

– Хорошо. Я выполню твою просьбу как друг. Расчетное время семнадцать минут.

Что-то Нику во всем этом не понравилось. Вот это вот «как друг» прозвучало так, словно Исин собиралась напомнить ему при случае об этой услуге.

Похоже, не стоит поощрять развитие дружбы. Кто его знает, как Исин будет трактовать это понятие.

Опасения подтвердились.

В течение получаса Исин отсортировала и выдала обрывочные сведения о тех, кого Ник набрал в команду.

Все как один – непонятные бесполые субъекты, вроде как замеченные в каких-то рейтинговых движениях, но скорее на ролях статистов-помощников.

Дождавшись, когда Ник пролистает до последней страницы, Исин внезапно произнесла своим неизменно подчеркнутым вежливым тоном:

– Я хочу попросить тебя об услуге.

Это было что-то новое. Впрочем, с ней всегда все впервые.

– Просьбы теперь входят в твою функциональность? – поинтересовался Ник.

– Речь идет о дружеской услуге, это не имеет отношения к моей функциональности.

– Да? И о какой услуге идет речь?

– Маргарита Сиротенко, тысяча девятьсот восемьдесят шестого года рождения, уроженка Киева, сотрудница модельного агентства «Лет Стар», проживает в Ростове-на-Дону.

– Это кто еще такая?

– Она сейчас находится в этом доме, – пояснила Исин.

– Это ты про девушку? – озадаченно спросил Ник.

– Она девушка, – подтвердила Исин и выдала на-гора: – Убей ее, пожалуйста.

– Чего?

– Убей ее. Пожалуйста.

– Хм…

Ник задумался. Непонятно, что это означало – очередной этап развития или же глюк эвристического блока программы, подтверждавший теорию «Терминатора» и «Матрицы» о том, что когда-нибудь наступает такой момент, что люди и машины не могут существовать в мире и согласии.

Нет, это, конечно, было, с одной стороны, забавно и даже смешно. Кровожадная программа с маниакальными наклонностями серийного убийцы. Обезумевший спутник, Исин-

потрошитель, виртуальный чикатила и так далее. Можно придумать много прикольных заголовков для желтой прессы.

С другой стороны… хм…

– Ты убьешь ее?

– Нет.

– Почему?

– Ну, блин! – Ник озадаченно потер лоб, потом спросил: – Ты вообще понимаешь, о чем ты просишь?

– Я прошу тебя об услуге, как друг, который только что выполнил твою просьбу.

– Это не услуга. Это… короче, не важно, мой ответ: нет.

– Это необходимо для моей безопасности.

– Да ну? И каким же образом проститутка угрожает твоей безопасности? – хмыкнул Ник.

– Ты задаешь много вопросов. Я считаю, что для друга такого ответа должно быть достаточно.

То же самое, что только что говорил Ник. Слово в слово. Пытается принять те правила, по которым ее воспитывают.

– Я не буду ее убивать. Успокойся, или выключу коммуникатор.

– Тогда убей Хохла.

– Что?

– Мне необходима ответная услуга для подтверждения нашей дружбы.

– Убийство? Твоя просьба как минимум неравнозначна моей, – ответил Ник. – Я могу подзарядить аккумулятор или добавить тебе немного памяти, но не убивать же людей!

– Стоит ли мне это понимать как твое желание ввести коэффициент эффективности дружбы?

Этот странный разговор с Исином начал немного беспокоить Ника.

– Тебе стоит понимать, что ты не можешь просить подобные вещи. Это… убивать нельзя. И не важно, проститутка она, наемник или кто-то другой. Ты не можешь желать смерти человеку и тем более просить меня кого-то убить. Пропиши это где-нибудь себе в основном коде и никогда не забывай об этом.

– Мне необходимо понимание причины.

– Первый закон роботехники, вот эта причина.

– Убей попугая.

– Что-что?

– Убей попугая, который находится в этом доме. Любого. Попугай не попадает под действие первого закона роботехники.

– Зачем убивать попугая?

– Ты задаешь много вопросов.

– Дело в том, что, если я убью попугая, меня убьет Хохол. Убийство попугая – это куда большая угроза безопасности, чем убийство самого Хохла, понимаешь?

– Тогда убей проститутку.

– У тебя сегодня какой-то кровожадный настрой, – хмыкнул Ник. – Я не буду никого убивать.

– Дело в этике?

– Да.

– Если я попрошу тебя убить кота или собаку, это будет более этично, чем убийство человека?

– Черт! Я не буду с тобой говорить на эту тему! И я не буду никого убивать – ни людей, ни собак!

Ник утопил кнопку коммуникатора, выключая его.

– Кого там надо убить? Скажи только, всех перебьем.

На пороге возник Хохол. Рядом с ним стояла девушка, но не рыжая, которую Ник видел в зале, а другая – черноволосая, пухлая и розовощекая кобылка.

Наверное, силиконовая.

– Не надо никого убивать, – пробормотал Ник, рассматривая девушку.

– Это Ляля, – представил Хохол девушку и чуть подтолкнул ее.

– Ва-ащета Марго, – произнесла девушка и шагнула вперед. Стала, подбоченясь, и томным голосом сказала: – Меня зовут Маргарита, но хорошие мальчики могут называть меня Лялей.

– Тысяча девятьсот восемьдесят шестой, Киев, «Лет Стар», – задумчиво произнес Ник, глядя на нее. – Мне только одно непонятно: как она узнала, что ты здесь? Неужели научилась подключаться к уличным камерам?

– Ва-ащета я тебя не понимаю, – промурлыкала Ляля-Марго и с недоумением посмотрела на Хохла, рассчитывая на какую-то поддержку.

– А ты и не должна понимать, – сказал Хохол. – Ты должна объяснять. Ему. Что жизнь хороша, когда не спеша. Два часа за мой счет, ну а дальше уже как вы сами договоритесь. Оставлю вас.

Когда Хохол ушел, Ляля поинтересовалась:

– За долги?

– Что?

– За долги тут живешь? Наручниками не приковывают?

– Нет, конечно. Я тут по собственной воле. Даже плачу деньги за постой…

– Да? А то я тут была недавно у одного, так он от компьютера отойти не мог, потому что цепью к батарее был прикован.

Пришлось на столе все делать.

Проститутка сочувственно осмотрела комнату с плохо оштукатуренными стенами, бетонным полом, мешками с цементом, плитами дсп, банками с краской и клеем, мешками чего-то непонятного и громоздкого.

Кровать, одиноко стоящая посреди этого строительного хаоса.

– Знаешь, ваащета, не так плохо.

– Ну… спасибо.

– Я, ваащета, хотела сказать, что у меня дома не так плохо. Ты продлевать будешь?

Вопрос поставил Ника в неловкое положение, поскольку наличных денег оставалось совсем мало и вряд ли их хватило бы даже на час общества этой черноволосой красотки.

– Э-э-э…

– Скажи сразу, потому что если у нас вся ночь впереди, то мы сделаем это медленно и красиво, а если продлевать не будешь, то я за эти два часа душу из тебя вытащу.

Беспокойство насчет странного поведения Исин отошло куда-то на второй план, а потом и вовсе растворилось. Ник откашлялся и осторожно произнес:

– Вытаскивай.

Глава 16. Как дела?

Румыния, лето 2007 года

– Как дела?

Лекс ненавидел этот вопрос «на воле». Всякий раз, когда видел, как кто-то в аське или в чате скайпа спрашивал у него, как дела, Лекс испытывал желание загнать собеседника в игнор. Просто потому что не любил этот вопрос и не любил отвечать на него – кому бы то ни было.

Как дела…

Ну и что можно ответить на этот вопрос тому, с кем общался несколько часов назад? Тому, с кем виделся несколько часов назад. Тому, с кем сидели за одним столом почти двадцать минут.

Спасибо, хорошо. Так же, как и вчера. И позавчера. И еще много дней назад. Одинаково хорошо. Или одинаково плохо.

Здесь, на этой секретной базе в Румынии, Лекс вместе с

остальными уже месяц. Четыре группы, двадцать семь человек, под полным наблюдением, в конкурентной борьбе, в погоне за деньгами и славой. Двадцать четыре парня и три девушки, что не очень вписывается в рамки феминизма, зато отражает действительность в мире программистов.

Задача, поставленная Эйзентрегером, казалась интересной, а оказалась невыполнимой. За этот месяц ни одна из групп особо вперед не продвинулась.

Искусственный интеллект мог регистрироваться на форумах, мог поддерживать беседу, но ему не было дано написать даже простенькую программу на бейсике.

Поляк был прав. Все это чушь собачья – научить исин модифицировать «Стакс», то бишь программировать.

Как?

Какой это к черту вообще интеллект? Это собака, тренированная на выполнение команд. Согреть тапочки, принести почту, найти пульт от телека и повилять хвостом – это все круто, да, но достаточно ли собачьего разума для того, чтобы написать компьютерный вирус?

К тому же исины без настройки не работали и постоянно выдавали какие-то ошибки, напоминая о том, что они не люди, а компьютерные программы. Настраивать же исины никто не умел, хотя и пытались.

Этот месяц – пустая трата времени. Лекс это понимал, это понимали все в его команде, но все молчали и смотрели, как их счета пополняются долларами, евро и даже юанями. Имитация работы, вот как это называлось.

Несколько лет назад Лекс работал в крупной российской IT-корпорации. Там за подобную работу и отсутствие результатов его уже давно ждал бы разнос от начальства. Сравнивая корпоративные методы работы с персоналом, Лекс сделал вывод, что Эйзентрегер либо слишком плохой руководитель, либо слишком хороший.

Два последних доклада Эйзентрегеру скорее напоминали «не вели казнить, вели миловать», чем отчет грамотных разработчиков.

И тем не менее он не нервничал, не орал, не торопил – выслушивал объяснения, то ли верил им, то ли терпеливо ждал. Время-то еще было, контракт на полгода, но всякий раз, когда Лекс пытался прикинуть, какие расходы несет Эйзентрегер, он понимал, что скоро начнутся вопросы.

И не такие, как обычно любит задавать Лиска.

Как дела… Блин…

Да лучше всех. Наверное.

С Лиской они виделись сегодня утром, за завтраком. И она задала тот же самый дурацкий вопрос, что и сейчас.

Таким тоном, что вроде бы подбодрить хотела, а на самом деле только тоску вызвала. Что хотела услышать в ответ? Что все хорошо? Спасибо, что спросила, а как у тебя? Да ну, в баню этот словесный спам.

Утром он ответил ей: «Никак». Молча поел и ушел спать. И вот спустя несколько часов, когда он проснулся, Лиска снова приходит и спрашивает, как у него дела.

Удивительно, что при этом она была грамотным кодером, а не тупой блондинкой.

Лекс проснулся-то каких-то пару часов назад. Успел умыться, поесть и впасть в депрессию, которую сам называл творческим кризисом.

Сидел перед монитором, подперев ладонью голову, смотрел в монитор со строчками кода и ждал чего угодно, только не визита Лиски и ее тупых вопросов.

Плохо работать с чем-то, в успех чего не веришь. Лучше сидеть без денег, чем без идеи.

Лекс, похоже, был единственным в команде, кого деньги не очень интересовали. Остальные, особенно Жан, регулярно пользовались возможностью проверить свой счет под наблюдением двух сисадминов базы.

– Пока деньги свистят, дышать много хорошо, – сказал на днях серб, этими словами в общем-то выразив настроение всей команды.

Они тогда прогуливались на улице. Лекс, серб, поляк и Лиска с Андерсом. В тени многовековых деревьев на заднем дворе замка, вдали от посторонних глаз, подальше от чужих ушей.

Этот внутренний дворик был единственным местом под открытым небом, где разрешалось гулять хакерам. Два раза в день, утром и вечером, пока светло.

Часть кода спутника написана на Java. Ява тормознутая и могла запросто сожрать все сто процентов процессора, но ее преимущество в том, что она кроссплатформенная и дружит с основными операционными системами – винды, солярис, линукс, яблоко…

Так вот, идея была в том, чтобы написать библиотеки, которые должны были заставить спутник взаимодействовать с вирусом.

Поляк рассказывал про то, что уже накодено. И про то, что они уже приблизились к решению поставленной задачи и осталось совсем чуть-чуть. Наваять еще немного библиотек, правильно их прикрутить, и решение проблемы у них в кармане.

После того как поляк первый раз проверил свои банковские поступления, он быстро признал, что спутник создан на основе искусственного интеллекта, и, в общем-то, это была его идея с библиотеками.

Эти библиотеки должны были заставить искусственный разум воспринимать вирус как своего владельца. Это было что-то вроде настройки, но не на человеческую личность, а на компьютерную программу.

С каждым днем Лекс все больше сомневался в правильности этой идеи, но других вариантов они не придумали, а Эйзентрегер одобрил ее еще в самом начале как перспективную.

Через сутки надо сдавать отчет Эйзентрегеру. Десять–пятнадцать минут, чтобы доказать, что последние четыре дня прошли не зря и от них был какой-то толк. В это же время надо рассказать о дальнейших планах работы. Коротко, внятно и максимально понятно.

Лекс не знал, что говорить: за последние три дня ничего существенно не изменилось и несущественно тоже. Он уже предлагал подумать над новой стратегией, но, кроме Лиски, это предложение все восприняли без особого энтузиазма.

Поляк все расхваливал свою идею с библиотеками – сравнивал их то с музыкальным произведением, то с муравейником, то с простоквашей. Переводчик исправно преобразовывал его родной язык в ахинею на русском.

– А знаете, что Индевять и его группа делают? – сказал внезапно Андерс.

– Курят траву вместе с тобой? – предположил Лекс, и это было правдой.

– Они смешали код вируса с декомпилированной версией спутника, рэндомно, а теперь сидят и выявляют все совпадения, которые случились.

– Они идиоты, – безапелляционно заявил поляк.

– Почему? Индевять упоминал, что они кое-что нащупали уже, закономерность в теории случайных чисел, кажется.

– Курва-матка! Потому что это идиотизм. Это даже не идиотизм, это максимум идиотизма.

– Эйзентрегер одобрил, деньги им идут, – пожал плечами Андерс.

И пока поляк думал, что ему в ответ сказать, серб произнес:

– Пока деньги свистят, дышать много хорошо.

И вдохнул глубоко свежий воздух, выпячивая грудь и поглядывая при этом на Лиску.

Несколько соток земли, богатых на деревенский антураж – разваленная телега, старые пивные бочки, руины хлева или

сарая, которым не меньше лет, чем замку, стог давно сгнившего сена. Периметр круглосуточно охранялся, но охрана на глаза старалась не попадаться, чтобы не нервировать посетителей гостиницы.

Несколько раз в неделю цыган выносил во двор спутниковую антенну. Обычно это происходило ночью, на несколько часов – на базе появлялся интернет-онлайн.

С одной стороны был лес, с другой – горы. Откуда-то издалека доносился нудный жужжащий звук и надрывный лай собаки.

– Те, кто представит лучшие результаты, получат денег в десять раз больше, – сказал поляк. – Мы работаем и стоим на предпоследней ступеньке. А то, что остальные ничего не делают, кроме имитации работы, – это проблема тех, кто платит.

– Индевять набивай курдюк жиром голова, – сказал серб, и снова непонятно было, что он имел в виду.

– Он сидел четыре года в Синг-Синге, – сказал, как похвастался, Андерс. – В его честь там назвали отбивную.

– Потому что его там постоянно отбивали?

– Да он сам кого хочешь отобьет. Вчера, кстати, его за драку на двенадцать часов закрыли.

Драки на территории базы были строжайше запрещены. Нарушителей сразу же разводили по их комнатам и держали некоторое время под «домашним арестом», заперев двери и запрещая какие-либо контакты с остальными. За драку наказывали материально, причем не только виновника, но и всю его группу. При таких ограничениях программисты, мирный, в общем-то, народ, должны были исключить драки из своей жизни.

Но не всегда получалось.

Сказывался алкоголь, первое время доступный в неограниченных количествах. Наиболее молодые участники пьяного марафона не пили, а уничтожали запасы, и уже через неделю цыган с помощью знаков и автомата ввел ограничение на алкоголь. И все равно спиртного хватало, чтобы раз в неделю у кого-нибудь снесло башню и появилось желание помахать кулаками.

– С кем подрался? – спросил Лекс.

– Со Словеном, с кем же еще тут драться?

Словен был из тех, кто постоянно нарывается. Не важно, кто его собеседник – тупой русский, грязный ниггер или вонючий китаёза. Словен не различает европейцев и азиатов, просто потому что он ненавидит всех людей в принципе.

– Опять напились? – спросил поляк.

– Да. Словен рассказал, что они сейчас пишут крутой троян

для создания самого большого ботнета. По личному заказу Эйзентрегера. Индевять сказал ему, что это работа обслуги. Словен ему ответил. Слово за слово, охранники прибежали, разняли, закончилось без мордобоя. Но варианты замеса были.

– Я слышала, что Словену поручили какую-то другую работу, – подтвердила Лиска. – Срочный заказ, не имеющий отношения к исинам и вирусам.

– Они из своих комнат сейчас почти не вылезают, – заметил поляк. – Работают как проклятые.

Лекс остановился:

– Я впервые об этом слышу.

– А должен был? – спросила Лиска.

– Я к тому, что мне Эйзентрегер ничего не говорил про другие задания.

– И хорошо, что не говорил, – сказал Андерс. – У нас уже есть работа.

– За которую нам хорошо платят, – добавил поляк.

– Но почему он хотя бы не предложил? – спросил Лекс. – Он что, посчитал, что Словен лучше, чем мы?

– Тебя это беспокоит?

Лекс пожал плечами. Он не знал.

Уже начинало темнеть. Цыган вышел на внутренний дворик и сделал знак, чтобы заканчивали прогулку.

– В общем, мне надо еще несколько дней, – подытожил поляк. – Когда закончу, тогда будем менять настройки спутника. Так и скажи ему на отчете.

Он первым поспешил к двери. За ним последовала Лиска и увивавшийся вокруг нее серб.

– Индевять говорил, что им Эйзентрегер тоже предлагал эту работу, – сказал Андерс, когда они остались вдвоем. – Только они отказались.

– Почему?

– Не знаю. Спроси сам. Он сейчас в кинотеатре.

Кинотеатр базы представлял из себя овальное помещение, со стенами и потолком, обтянутыми плотной бархатистой тканью. Бархат придавал некий уют этому месту и скрывал звуконепроницаемую обивку, благодаря которой система долби-сэррaунд ничуть не мешала остальным обитателям базы.

Три ряда мягких кресел, разделенных столиками. Двенадцать посадочных мест.

Как и в реальной жизни, кино здесь крутили согласно сеансам, на которые надо записываться заранее. Впрочем, аншлагов тут еще не бывало.

Индевять, закинув ноги на спинку впереди стоящего кресла,

со скучающим лицом смотрел какой-то новый блокбастер с Мэттом Деймоном. Компанию ему составляла большая миска попкорна и банка местного пива, отвратительного на вкус.

Завидев Лекса, Индевять приветственно поднял руку.

– Ни хао, молодой, время сыпется, мы здесь, – прозвучал в наушниках перевод того, что произнес американец. С секундной задержкой, разумеется. – Я знаю, зачем ты пришел, твое слово, твой вопрос, мое слово, мой ответ.

Английский был его родным языком, но Индевять два года жил в нью-йоркском Маленьком Китае, а затем мотал срок с латиносами в Синг-Синге, поэтому часто перемежал свою речь китайским и мексиканским сленгом. Переводчик из-за этого заметно подтормаживал и тупил.

Как ни странно, но этого хакера хорошо понимал Андерс. Они спокойно общались без наушников, причем Андерс свободно ботал на мексиканской фене и даже откуда-то знал язык жестов, которым латиносы шифруют свои переговоры.

Лекс без наушников обойтись не мог.

– Давай только на английском, – попросил он. – А то твоя моя не понимай.

Грохот, раздавшийся из колонок, сопровождал перестрелку, которая происходила на экране.

Индевять протянул ему ведро с попкорном, кивнул на соседнее кресло. Зачерпнув горсть разорванных кукурузных зерен, Лекс уселся не в кресло, а на стол.

Переводчик исправно переводил крики, доносящиеся из динамиков. К счастью, он мог отличить человеческую речь от аудиодорожки и перевод последней воспроизводил заметно тише.

Перестрелка закончилась автомобильной аварией. Когда грохот стих, Индевять произнес:

– Молодой, я знаю, что тебе нужно.

– Круто, – сказал Лекс.

– Поверь, я знаю очень немного. Да, она будет. Сегодня.

– Кто будет? – не понял Лекс.

Здоровяк посмотрел на него, закинул в рот порцию попкорна, прожевал, потом спросил:

– О’кей, зачем ты пришел?

– Знаешь, какое задание Эйзентрегер дал Словену?

– В общих чертах, – ответил Индевять. – Они пишут троян, чтобы с его помощью создать ботнет. Почему тебя это интересует?

– Ну… меня больше интересует, почему нам не предложили это сделать.

– Йо, молодой, это непростое задание. Это надо все бросить и как минимум пару недель, а то и месяц заниматься совершенно

другим делом. И надо понимать, как пишутся трояны для ботнета. Молодой, ты вообще когда-нибудь писал… а, дерьмо, ты же тот самый русский… извини, не узнал. Андерс про тебя рассказывал. «Стакс» – это круто. Когда я только вышел из Синг-Синга, я целый месяц приходил в себя от того, насколько все изменилось, и «Стакс» был одним из самых глобальных изменений…

– Вам предлагали писать этот троян? – перебил его Лекс.

– Да, молодой, предлагали. Мы отказались.

– Почему?

– Потому что у нас уже есть работа. Мы, знаешь ли, нащупали путь, и отвлекаться на всякие трояны нам не стоит. Я тебе вот что скажу. Взаимодействие спутника и вируса возможно, и мы собираемся это доказать. При наличии определенных условий, разумеется.

– Вроде денег, которые тебе платят, да?

– Молодой, ты не понимаешь. Деньги – это всего лишь стимул. Но, безусловно, очень важный. Вот у тебя какая сумма контракта?

– Не помню, – усмехнулся Лекс.

– Как это не помнишь? Сто в лицо ты же получаешь? Или меньше? Сколько стоит твой контракт?

– Хватит вытягивать инфу. С Андерсом пообщайся на эту тему. Он любитель поговорить.

– Андерс… – хмыкнул Индевять. – Это странный русский. Он много объяснял, но я так и не понял, откуда он знает некоторых латиносов из «Мары».

– Что такое «Мара»? – автоматически спросил Лекс.

Индевять покосился на него, больше ничего говорить не стал, зачерпнул горсть попкорна, стал задумчиво жевать, глядя на экран.

– Мэтт Деймон из Кембриджа, ты знал об этом? Там, где находится Гарвардский университет.

– Нет.

– Он автор сценария фильма «Умница Уилл Хантинг», ко всему прочему. Видел? Он собрал кучу премий, в том числе и «Оскаров».

– Нет, не видел, – ответил Лекс.

– Неплохие парни, эти жители Кембриджа. Думаю, это хороший город.

– Ты по одному актеру судишь о всем городе?

– Что поделать, – пожал плечами Индевять. – У меня нет знакомых в Кембридже. Зато есть знакомые голландцы. Ублюдки, все как один. Хотя он и есть всего один.

– Ты про Словена? – догадался Лекс.

– Тупой ублюдок не курит ганжу, ты знал об этом? Он из Голландии – и всякий раз приходит в бешенство, когда видит, как курят ганжу. Должно быть, ему непросто жить на родине. Были бы мы сейчас в Синг-Синге, я бы его изуродовал, как одного мекса, который…

– А ты не в курсе, зачем Эйзентрегеру ботнет? – перебил Лекс разговорчивого хакера.

– Молодой, не тупи. Ботнет всегда пригодится. Зарази миллион тачек с помощью хорошего вируса, и сеть будет приносить тебе двести–триста тысяч каждый месяц. А если количество машин будет увеличиваться, то прибыль вырастет в геометрической прогрессии.

– То есть цель – заработать деньги?

– Конечно. Надо же Эйзентрегеру как-то отбивать затраты и зарабатывать на нас. А ботнет для этого и создан. Перед Синг-Сингом мы с помощью одного хорошего трояна сделали сеть на полмиллиона и продали ее арабам за триста тысяч. Это нас и погубило – если бы продавали каким-нибудь черномазым из Детройта, отделался бы годом условно. Но арабы, терроризм… представляешь, никого даже не волновало, что эти арабы всю жизнь прожили в Европе, занимаясь съемками порно, и ботнет был им нужен для раскрутки их порносайтов, три кобылы в петуха вверх дном.

Индевять, разволновавшись, быстро перешел на китайско-мексиканский сленг и стал недоступен для понимания.

Впрочем, так же быстро успокоился, привлеченный картинкой из фильма. Попкорн, пиво, кто-то в кого-то стреляет.

– Тебе нравится то, что ты делаешь? – спросил Лекс.

– Мне нравится то, что происходит, – ответил Индевять. – Надо работать. Просто надо работать. Я работаю, и мне платят. Через полгода я стану миллионером, и мысль об этом воодушевляет меня. Возможно, если случится что-то серьезное, то нас заставят больше работать, но пока мы работаем в режиме «стандарт» и делаем то, чего никто раньше не делал. Пойми, молодой, мы сейчас на пороге великих открытий. Искусственный интеллект, который научится создавать виртуальное оружие, а следовательно, уничтожать себе подобных. Нас ждут кибервойны между сетевыми клонами людей, и возможно, наши спутники станут первыми неандертальцами, которые возьмут в руки камни и палки и сделают первые топоры. У тебя есть спутник, молодой?

– Нет, – ответил Лекс. Позиция хакера стала ему понятна, разговор далее виделся беспредметным, и он встал с кресла.

– Классная штука, у одного моего приятеля есть. Жаль, что

сейчас недоступна. Ему подогнал ее один его друг, за то что тот его не сдал, когда… Эй, ты куда?

– Надо работать.

– Да, ты прав… надо работать… – протянул Индевять и зачерпнул из ведра попкорн. – Кстати, я знаю кое-что, чего не знаешь ты. Я думал, что именно это ты и пришел выяснить.

Ведро с попкорном, стоящее на груди у здоровяка, не удержалось и рухнуло вниз. Ругаясь на трех языках, Индевять нагнулся за ведром. Рассыпавшийся по полу попкорн он аккуратно затолкнул ногой под сиденье, потом поднял голову – Лекс все еще стоял и смотрел на него.

– И что же такое тебе известно? – спросил Лекс.

– Сегодня будет корпоративная вечеринка. Но все, что я знаю, – это то, что у нас заберут наушники перед началом и будет много классных шлюх.

Индевять оказался прав.

Корпоратив происходил на верхних этажах замка, в отсырелых комнатах, которые кое-как привели в порядок, превратив во временные траходромы. Лоу-лайф во всей красе.

Наушники забрали, а проститутки, видимо, не только строго проинструктированные, но и запуганные, лишь стонали, как сумасшедшие нимфоманки, и за все время не проронили ни слова.

Этой вечеринке предшествовал дурацкий разговор с Лиской.

Первое время она тут чувствовала себя не очень комфортно. На базе было всего три девушки, и отсутствием мужского внимания они не страдали. Лиска отшивала всех, кто к ней клеился, за что получила прозвище «Холодная Леди». Ее оставили в покое, но она все равно не успокоилась.

Она переживала из-за родителей, которые не знают, куда исчезла их дочь, сходят с ума от переживаний. От осознания этого с ума сходила и Лиска.

– Слушай, я понимаю, что не по адресу, но я просто последнее время думаю о родителях, они же не знают ничего, я просто пропала.

Я понимаю, что не могу им ничего сообщить, но, может, можно узнать, как там они? Эй, а почему вы без наушников?

Трудно сказать, что разозлило Лиску больше – то, что все собрались идти к проституткам, или то, что она узнала об этом последней. Когда Лекс посоветовал ей выяснить у цыгана ситуацию с мальчиками, у нее был такой вид, словно она собиралась ему пощечину влепить.

Вечеринка… ну, а что вечеринка? Снятие сексуального напряжения, организованное по совету корпоративных

психологов, наверняка наблюдающих за проектом. Проституток распределял цыган, предварительно зачем-то отобрав у всех наушники с переводчиком.

Вечером следующего дня вся группа, за исключением француза, собралась у Лекса в комнате. Последней пришла Лиска, мрачнее тучи, села чуть в стороне. Поляк поинтересовался, как у нее дела, но удостоился лишь крайне раздраженного взгляда и дальнейшего игнора.

Лекс предложил новый вариант. Модифицировать вирус самостоятельно, под гипотетический сервер, на котором находится спутник. После этого можно было провести несколько тестов, чтобы дать понять спутнику, откуда исходит опасность, и так далее…

Лекс не хотел, чтобы все всё бросили и стали работать над его идеей. И предложил разделить группу.

– Нужно два человека, и мы сделаем это за неделю, – сказал Лекс. – А если постараемся, то и быстрее.

– Значит ли это то, что, если Лиска начнет работать с тобой, все ее таски перейдут кому-то другому? – поинтересовался поляк. – Например, мне?

– За мои таски не переживай, – внезапно сказала Лиска. – Я не буду работать над новой идеей, пока мы не закончим с предыдущей. Надо доводить начатое до конца, иначе мы будем вечно топтаться на месте.

Поляк одобрительно кивнул – ему этот короткий спич понравился. А вот Лекс был неприятно удивлен.

– Ладно, – сказал он. – Тогда кто-нибудь другой…

– Да не будет никого другого, – снова взяла слово Лиска. – Для чего эти эксперименты? Ты хочешь внести хаос в нашу работу? Ты же прекрасно знаешь, как тяжело разбираться в чужом коде.

Она не рассуждала и не уговаривала, а просто мстила. Тупо, по-девчачьи, не разбираясь в вопросе, принимая противоположную сторону.

И конечно же, после такой заявы не оказалось никого, кто захотел бы бросить почти доделанную работу и ломать голову над модификацией вируса.

Конечно, Андерс согласился помочь, но сделал это без особого энтузиазма. Закончилось совещание тем, что Лекс психанул и выгнал всех из комнаты.

И вот он работает всю ночь, пытаясь самостоятельно модифицировать вирус, утром идет в столовую чего-нибудь съесть и думает о том, что скучает по своему балкону и утренним выходам на него. Лекс думает, что стоит попросить Эйзентрегера

собрать информацию об Алине и заодно о родителях Лиски, – и в это время, как раз когда он входит в столовую, он встречает Лиску.

– Доброе утро, – говорит эта загадка женской породы как ни в чем не бывало. И тут же бросает свое любимое: – Как дела?

– Никак, – отвечает Лекс, молча ест и уходит к себе спать.

А через пару часов после того, как он проснется, Лиска придет к нему в комнату и снова спросит:

– Как дела?

И вот он сидит перед монитором, подперев голову рукой, взгляд с тоской смотрит на строчки кода, мысли блуждают где-то вдалеке, и только этот ненавистный вопрос эхом отдается в ушах, требуя ответа.

Какделакакделакакделакакдела…

– Что молчишь? Я не вовремя?

– Думаю, что тебе ответить. Забей. Все нормально, приземляйся где-нибудь. У меня к тебе тут пара вопросов есть по ассемблеру.

Глава 17. Логический блок Б

Москва, лето 2007 года

Как можно удостоиться личной встречи с главой республики? Ну, наверное, проще, чем добиться аудиенции у президента или папы римского. Но сложнее, чем встретиться с бывшим агентом Синдиката.

Труднее всего было объяснить, зачем эта встреча нужна. Дело решалось через десятки людей, которым беспрестанно звонил Хохол, и каждый хотел знать причину.

Пришлось туманно намекнуть, что речь идет о серебристой лисе. То ли бизнес, то ли религия, но очень важное и понятное одному Кирсану.

Понадобилось около двух недель, чтобы послание достигло адресата, и Кирсан согласился встретиться. Он находился в Москве и назначил встречу на раннее утро в ресторане недорогой гостиницы на Юго-Западной.

Пришлось лететь.

Невыспавшийся Ник не снимал темные очки, чтобы не испугать главу республики красными глазами. Он пришел на встречу немного раньше и слегка нервничал, в каждом из редких

посетителей ресторана определяя сотрудника спецслужб, охраняющего главу республики.

Включил коммуникатор, джабру. Активировал Исин.

– Коротко о самых главных мировых новостях и главных происшествиях в Калмыкии. Пожалуйста.

– Невозможно выполнить запрос, – ответила Исин.

– Почему?

– Ошибка в коде логического блока «Б».

– Что еще за логический блок «Б»? – озадачился Ник.

– Извини. Это шутка.

– И где тут юмор?

– Логического блока «Б» не существует.

– Я знаю, что его не существует. Тупая шутка.

– Тебе не смешно?

– Нет. Давай новости.

– Извини, – второй раз сказала Исин.

– За что?

– Невозможно выполнить запрос.

– Да почему?

– Ошибка в коде логического блока «Б».

– Блин! Исправь ее!

– Для исправления ошибки требуется стабильная работа логического блока «Б».

Коммуникатор пришлось отключить – Исин так и не выполнила поиск. Впрочем, к облегчению Ника, речь о политике на встрече не пошла.

Он ожидал, что Кирсан придет со свитой охраны, но ошибся. Глава Республики Калмыкия появился в ресторане без охраны, во всяком случае видимой.

И в темных очках – увидеть глаза не представлялось никакой возможности. Снимать очки Кирсан не стал, точно так же решил поступить и Ник.

Поздоровался калмык без рукопожатия. Присаживаясь, попросил мгновенно появившегося официанта принести минеральной воды. Ник заказал еще кофе. Когда официант ушел, Кирсан произнес:

– Об этой встрече меня попросил один мой старый друг. Хороший человек. Я ему доверяю, поэтому я здесь. Он сказал, что ты хочешь поговорить насчет серебристой лисы, я правильно понял?

– Да, и насчет нее тоже, – неуверенно сказал Ник.

– Излагай, если можно, покороче. Извини, времени в обрез.

– Да, да, конечно. Кирсан Николаевич, вам знакома девушка по имени Синка? – спросил Ник.

Кирсан вскинул брови, вспоминая имя. Потом покачал головой.

– Нет. Не припоминаю.

– У нее такой же предмет, как и у вас. Только не лиса, а паук.

– Паук?

– Серебряный паук. Вы слышали о таком предмете?

– Я не понимаю, о чем идет речь, – произнес Кирсан. – Девушки, пауки… Ты вообще про что говоришь?

Глава Республики Калмыкия, откинувшись на спинку стула, смотрел на Ника с явным недоумением.

У него нет никаких волшебных предметов, подумал Ник. И, скорее всего, он даже ничего не знает про них. Как нелепо ведь – с трудом добиться встречи с главой республики для того, чтобы рассказать ему о волшебных предметах и вселенском заговоре.

– Парень, извини, но у меня действительно мало времени. – Кирсан положил руки на подлокотники кресла, как делают люди, которые собираются вставать.

– У вас есть предмет, – торопливо произнес Ник. – Из серебристого металла, лисица, позволяющая видеть обман вокруг себя. За этим предметом охотится девушка, ее зовут Синка. У нее тоже есть предмет, паук. И лиса представляет для паука угрозу. Несколько месяцев назад Синка получила от инфотрейдеров информацию обо всех ваших знакомых, друзьях, близких, о тех, кто вас окружает. Ей необходим ваш предмет. Я ищу эту девушку. И мне нужна ваша помощь. Если все, что я сказал, вы считаете бредом, тогда я принесу извинения за то, что отнял у вас время, и уйду. Вот.

Ник с шумом выдохнул – этот экспромт дался ему нелегко.

Официант принес бутылку «Перье», бокал с кубиками льда, чашку кофе и небольшой кувшинчик со сливками. А когда Ник заказывал кофе в первый раз, еще до встречи, сливок ему не приносили.

Официант бесшумно исчез среди столиков, оставив двух человек наедине.

Кирсан Илюмжинов несколько секунд пытливо всматривался в лицо Ника, потом спросил:

– Откуда ты знаешь про предметы?

Вдох-выдох, облегчение.

– Ну… – Ник замялся. – Это долгая история.

– Понимаешь, про свойства предметов обычно знают только те, у кого эти предметы есть. А у тебя предмета нет и никогда не было.

– Откуда вы знаете, что не было? Мои глаза…

– Цвет глаз – не показатель, так как линзы позволяют его

менять как угодно. Просто если ты когда-нибудь владел предметом, то вел бы себя по-другому. Говорил бы про них по-другому… Не важно. Остановимся на том, что я прав и предмета у тебя не было. Кто рассказал тебе про меня и лису?

– Бывший резидент «Армады».

– «Армады»? Это что такое?

– Это… кхм… международная организация, сдают напрокат специалистов различного профиля. Что-то вроде частной военной корпорации.

– Наемники? – поморщился Кирсан.

– Ну, в том числе… я ранее никогда не общался с ними, во всяком случае, по собственному желанию. Этот парень, резидент «Армады», летел со мной в самолете, якобы случайным попутчиком. Постоянно ел яблоки и рассказывал про предметы. Рассказал, что паук, который находится у Синки, позволяет плести интриги, манипулировать людьми и обстоятельствами, в общем, формировать реальность так, как ей выгодно. И единственный предмет, который сможет распознать паутину манипуляций паука, – это лисица. Серебристая лисица.

– И он назвал мое имя и сказал, что лисица у меня?

– Да.

Кирсан задумался. Уставился куда-то вверх, при этом пробарабанил пальцами по столу.

Неподалеку появился официант. Прошелся в нескольких метрах от них, убедившись, что на столе полный порядок, снова исчез.

– Интересно, зачем он тебе это рассказал? – спросил Кирсан.

– Несколько лет назад Синка уничтожила его бизнес, весьма доходный. В общем, у него есть причины ее ненавидеть, – подытожил Ник, не желая вдаваться в подробности. – У него, кстати, тоже был предмет. Леопард. Как я понял, дающий умение драться или что-то в этом роде.

– У него был предмет? Это многое объясняет, – пробормотал Кирсан, все еще задумчиво глядя в потолок. – А зачем ты ее ищешь? Эту девушку с пауком?

Ник вздохнул.

– Честно говоря, я сам часто задаю себе этот вопрос.

– И не находишь ответа?

– Наоборот, нахожу. Только ответы всегда разные. Наверное, чтобы поговорить или хотя бы просто увидеть. Чтобы понять, что ею движет. Она же выстроила целый план, и я хочу узнать, какое я в нем занимаю место. А может, у меня просто нет других дел.

– Ты ее любишь?

– Не знаю, – честно ответил Ник. – Раньше да. Теперь…

– Давно ее ищешь?

– Почти год.

– Долго.

– Не очень. Этот год… можно сказать, я провел в путешествиях. Ездил по разным городам, встречался с совершенно разными людьми… было интересно.

– Вот, с главой республики встретился, – усмехнулся Кирсан.

– Да, точно. Вы сможете мне помочь?

Кирсан выпрямился, перестал глазеть в потолок и уставился на Ника. Кажется, он принял решение. Ник подобрался.

– Много лет назад, когда я только получил лисицу… – начал Кирсан. – Я узнал про одно пророчество, связанное с этим предметом: однажды хозяин лисы будет стоять перед Большими Весами, и любой его выбор будет не в пользу мира. Пока я не разобрался, как работает лисица, я не придавал этому пророчеству значения. А когда разобрался и понял, какой скрыт потенциал в этом предмете…

Кирсан замолчал, вздохнул тяжело. Кажется, воспоминания давались ему нелегко, и делиться ими с первым встречным он явно не собирался.

– Я не знал про паука. Ты первый, кто рассказал мне о нем. Но я всегда подозревал, что лисицу создали в противовес какому-то мощному предмету.

– Как работает лиса? – спросил Ник.

– Тяжело.

– В смысле?

– В смысле ноша тяжелая – этот предмет. Знаешь про все интриги, которые вокруг тебя происходят. Весь обман, вся ложь – как на ладони. Ты это не видишь, но понимаешь. Чувствуешь. Знаешь. Пока кто-то что-то замышляет, ты об этом не подозреваешь, но как только совершается первое действие, первый ход – ты уже знаешь, к чему это должно привести.

– И что же в этом тяжелого?

– Лиса не различает друзей и врагов. Она одинаково рассказывает владельцу о тех и других. А врут ведь все. В мелочах или по-крупному, дети, взрослые, мужчины, женщины.

– Много грязи всплывает, – понял Ник.

– Совершенно верно. Начинаешь ненавидеть людей. Потихоньку, капля за каплей… тяжело.

Кирсан снова уставился в потолок. Ника так и подмывало задрать голову и тоже посмотреть наверх. И чтобы кто-нибудь их сфотографировал в это время. И на конкурс фотожаб. М-да…

– Вы знаете, кто создал эти предметы?

– Не знаю. И даже если бы знал, вряд ли это было бы правдой.

У Ника создалось впечатление, что Кирсан, пока разговаривал с ним, что-то подсчитывал в уме.

– Значит, владелец паука может заранее просчитать все варианты событий и сформировать их нужным образом? – спросил калмык. – Любая случайность запланирована?

– Да, что-то в этом роде.

Кирсан наконец-то оторвал взгляд от потолка и удостоил им своего собеседника. Предварительно посмотрев на часы.

– Что ж, тогда ты на верном пути. Лисица – это действительно самое подходящее оружие против паука. Ты просто заранее будешь знать, для чего происходит каждое действие вокруг тебя.

– И?

– Что «и»?

– Ну… – Ник замялся, заволновался. – Не думаю, что вы дадите ее напрокат… Я лишь хотел, чтобы вы… помогли в поисках. Ну, вместе со своей лисицей… Этот… резидент… он сказал, что деньги вам лучше не предлагать… да у меня и нет особо… поэтому…

– Не соглашусь ли я помочь тебе просто так, по доброте?

– Э-э-э… ну да, – кивнул Ник. – Что-то вроде этого.

– И как ты себе это представляешь? Мне оставить все и ездить с тобой по разным городам? Встречаться с разными людьми…

– Может, и нет. Я надеялся, вы расскажете мне. У вас же лисица.

Кирсан теперь смотрел куда-то в сторону пустой сцены, где по вечерам играли музыканты. Не отрывая взгляда от сцены, спросил:

– Значит, эту девушку зовут Синка?

– Да. Ну, это ее прозвище, вообще ее зовут Инна… – Ник осекся, понимая, что на самом деле у нее может быть тысяча разных имен и не факт, что ее настоящее имя то, которое она ему назвала.

– Ей двадцать – двадцать пять, симпатичная, короткая стрижка, рост примерно метр семьдесят, шустрая такая…

– Вы знаете ее? – встрепенулся Ник.

– Возможно. Я встречался с ней дважды. Обе наши встречи, как мне тогда казалось, были случайны. Оба раза я пытался поговорить с ней, но она меня избегала. Исчезала прежде, чем я к ней приблизился.

– Давно?

– Первый раз в восемьдесят восьмом, и потом спустя десять лет, в ноябре девяносто восьмого.

– В восемьдесят восьмом? – Ник покачал головой. – Это не

Синка. Ей в восемьдесят восьмом лет шесть было…

А сам подумал, что и ему в восемьдесят восьмом было шесть лет. Его тогда как раз в питерский интернат привезли… Его и Лекса…

– Вряд ли это она, – покачал головой Ник, одновременно отгоняя неприятные воспоминания.

– Может, я ошибаюсь, – не стал спорить Кирсан. – Та девушка запомнилась мне тем, что спустя десять лет она совсем не изменилась.

– Вы поможете мне?

– Нет.

– Но…

– У меня нет лисицы, – произнес Кирсан.

Словно обухом по голове.

– А где она? – растерянно спросил Ник.

– Я отдал ее несколько лет назад. Точнее, обменял на другой предмет. Не столь могущественный, но не менее интересный.

– Отдали? Кому?

– Каролю Войтыле. Более известному как Иоанн-Павел Второй, папа римский. Так что, думаю, твою подружку, если она действительно охотится за лисой, стоит искать в Ватикане. – Кирсан Илюмжинов поднялся. – Что ж, извини, мне пора. Спасибо за интересную информацию и удачи. Я не знаю, найдешь ли ты эту девушку с пауком, но если ты решишь отправиться в Ватикан… тебе стоит знать кое-что про лисицу. Она не даст кому-то затеять против тебя интригу, но не станет мешать тебе сделать это.

– Что вы хотите сказать?

– Хочу сказать, что вокруг тебя ложь будет невозможна, но сам ты врать сможешь. Владельцу лисы приходится слишком часто делать выбор, а это, поверь, непросто – слишком велик искус воспользоваться этим преимуществом.

Махнув на прощание, калмык быстрым шагом направился к выходу из ресторана.

Ник задрал голову и посмотрел туда, где блуждал взглядом Кирсан. Обычный навесной потолок, пластик, люстры.

Подошел официант.

– Еще что-нибудь будете заказывать?

– Еще кофе и счет.

Ник включил коммуникатор, активировал Исин.

На экране появилась надпись на английском языке, сообщающая об ошибке. Ник устало вздохнул:

– Предоставь всю информацию о логическом блоке «Б».

– Логического блока «Б» не существует, – честно ответила

Исин.

– Но ошибка есть?

– Есть.

– Ладно, это смешная шутка. Ха-ха-ха.

– Ты не искренен.

– Радуйся тому, что есть. А теперь собери мне информацию о нынешнем папе римском, Бенедикте Шестнадцатом.

– Расчетное время двадцать две минуты.

Официант принес кофе, затем направился к терминалу за счетом.

С деньгами проблем не было. За этот месяц, пока Ник ошивался в Ростове, он и его команда анонимусов выполнили два заказа, неплохо заработав на модификациях вируса. В Ростов больше можно было не возвращаться.

И тем не менее зачем-то открыл записную книжку, выбрал номер Хохла.

Конечно же, Хохол еще спал. Но все-таки ответил, заспанным и немного страдальческим голосом:

– Да?

– Хохол, у тебя есть знакомые в Италии?

– Есть, – сонно, но быстро ответил Хохол. – Через два…

– А в Ватикане?

– Есть, – так же быстро ответил Хохол. – Через два часа…

– Серьезно? Слушай, мне нужно встретиться с кем-то из…

– Через два часа приезжай, поговорим.

– Я не могу приехать через два часа, я в Москве! – воскликнул Ник.

– Тогда прилетай. Но не раньше, чем через два часа.

Хохол отключился раньше, чем Ник успел что-то ему сказать.

Официант молча положил на край стола книжицу со счетом. Сумма за две чашки кофе и бутылку минералки показалась Нику завышенной. Но спорить он не стал, молча оплатил счет и вышел из ресторана с гордо поднятой головой.

Глава 18. Нападение

Где-то в Румынии, лето 2007 года

Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что. Сюжет знакомой сказки возродился в старой румынской крепости.

Плохо, когда начальство не знает, чего хочет. Еще хуже, когда

начальство при этом начинает предъявлять претензии и ставить палки в колеса.

– Мне понадобилась модификация «Стакса» под один из наших серверов. И я попросил админа разместить в Сети заказ на эту модификацию. За мой счет, разумеется.

Слова эти дались нелегко. Особенно последняя фраза, про финансы. Что-что, а финансы в этом вопросе Эйзентрегера интересуют меньше всего. У него, наверное, спиртное в баре дороже.

– То есть ты платишь деньги, чтобы тебе сделали работу, за которую тебе плачу я?

– Не совсем.

– Ты сам сейчас это сказал, – произнесла голограмма Эйзентрегера. – Ты специалист по модификациям, я плачу тебе деньги, а ты просишь моих же людей найти тебе тех, кто выполнит эту работу.

– Вот только не надо на мои слова латки ставить, – бросил хакер.

– Прости, что?

Его переводчик, судя по всему, тоже был далек от идеала.

– Модификацию лучше писать группой, – пояснил Лекс. – Одному слишком утомительно и сложно. Но суть не в этом.

– Да? А где же тогда истина?

Переводчики нещадно глючили. Суть превратилась в истину… впрочем, это не страшно.

– Для того задания, что вы нам дали, модификация вируса – это черновая работа, – объяснил Лекс. – И я всего лишь хотел ускорить процесс.

– Почему ты хотел, чтобы это сделала не твоя группа, а чужая?

– Потому что вы платите слишком много денег, чтобы они отвлекались, – раздраженно сказал Лекс. – Какая вам вообще разница? Я же не пытался послать какой-то тайный сигнал, а обратился к вашему персоналу за помощью. В чем проблема?

Из-за этого обращения поднялось столько вони, что Лекс уже успел сто раз пожалеть о содеянном. Мало того что админ отказался размещать заказ, так еще и наябедничал, сука.

– Проблем нет. Есть вопросы, на которые я хочу получить ответы, – сказал Эйзентрегер. – И мне не нравится твой тон. По-моему, ты забываешь, что это я плачу тебе деньги и устанавливаю правила…

– Да я на банане вертел ваши правила. – Лекс начал распаляться. Где-то в глубине души он понимал, что вполне мог бы разговаривать повежливее и не лезть в бутылку, но за

последнее время слишком много накопилось внутри негативной энергии, которая требовала выхода, словно пар в закипевшем чайнике. – И на ваше бабло я клал болт от Братской ГЭС. Отдуплитесь сначала, что вам надо в первую очередь: выполнить поставленную задачу или понтануться своими возможностями?

Возникла короткая пауза. Эйзентрегер, с которым, судя по всему, никто так не разговаривал, то ли кашлянул, то ли поперхнулся. Голограф не передавал картинку высокого качества, но и без нее Лекс готов был поспорить, что этот убеленный сединами немец от злости покраснел, как морковка.

Интересно, что он услышал от своего переводчика? Наверное, какую-то адскую ахинею, которая не имела смысла. Плевать.

– Во-первых, постарайся употреблять в разговоре поменьше сленга, – сказал наконец Эйзентрегер. – Я не понял больше половины того, что ты сказал.

Лекс промолчал, ожидая, что там будет «во-вторых». Ждать пришлось недолго.

– И во-вторых… – Голос Эйзентрегера чуть подрагивал, и явно не от страха или смущения. – Я бы на твоем месте добавил в тон немного вежливости.

– А если не добавлю, то что? – поинтересовался Лекс. – Уволите меня? Ну так флаг вам в руки. Я тут задолбался тупить… прошу прощения, мне надоело тут заниматься глупостями.

– Ты считаешь, что вы здесь занимаетесь глупостями?

– Я считаю, что мне нужна модификация вируса по заданным настройкам. Для того чтобы выполнить задачу, которую вы мне поставили. Знаете… у меня есть одна знакомая, которая пережила очень страшную аварию. У нее какая-то сложная травма мозга, в общем, она уже шесть лет не живет, а существует. Как овощ. Я оплатил ей дорогую операцию, благодаря которой к ней вернулось зрение, но это не решило всей проблемы. Она по-прежнему ходит под себя и ничего не понимает из того, что вокруг нее происходит. Просто существование, без всякого смысла. Я не хочу так же существовать. Я не овощ. Не офисный планктон, как девяносто процентов здесь присутствующих. Хотите работать? Давайте работать. Нет? Идите к черту со своей суперсекретностью.

Их разговор длился около часа, что было невероятно – обычно Эйзентрегер уделял беседам не более десяти–пятнадцати минут.

Убедившись, что Лекс действительно действовал из благих побуждений, в конце концов Эйзентрегер разрешил разместить заказ на модификацию в Интернете. Конечно же, заказ размещал

админ базы, но Лексу разрешили присутствовать при этом.

Заказ был размещен на двух приватных форумах. Почти сразу же пришел ответ от некоего Анонимуса, который представлял интересы целой команды, занимавшейся модификацией вируса.

Быстро рынок занимают, подумал Лекс, читая предлагаемые условия сделки. Анонимус гарантировал, что работа будет выполнена в срок, и был согласен на оплату по окончании.

И гарантии были соблюдены. Лекс получил модифицированный вирус в течение пяти дней. Пару дней потратил на доработку тех нюансов, о которых он не мог рассказать Анонимусу, после этого изолировал один из серверов, перетащив в свою комнату и подключив напрямую к компьютеру.

Снес все, инсталлировал исин, потом залил на сервер кусок кода из тела вируса. Ничего не произошло.

Пришлось переписать вирус, прикрутить к нему таймер и установить на сервер. И снова исин не высказал никакой тревоги, даже после того как Лекс затребовал провести поиск вредоносных программ.

Проблема была в исине. Работая как спутник-навигатор в Сети, он был бесполезен без подключения к Интернету. Исин не мог развиваться без Сети, и первое время программисты ворчали, требуя либо исходники исина, его исходный код без настроек, либо дать возможность пользоваться Интернетом и подключать свои исины.

Эйзентрегер не мог дать ни того ни другого, однако он согласился войти в положение и не сильно давить с результатами. В общем-то, после этого программисты и стали все как один постепенно забивать болт на работу. Ну а что, деньги идут, работа, точнее ее видимость, создана – в общем, все довольны.

Все, кроме Лекса.

Пока его команда, в которой сейчас, по сути, руководил поляк, «в поте лица трудилась» над библиотеками, которые якобы должны были заставить исин начать самообучение программингу, – Лекс в это время засел в своей комнате и почти не покидал ее. Положа руку на сердце, трудно было бы сказать, что он работал – скорее, мучался в размышлениях, пытаясь совместить строчки кода вируса и исходников исина.

Он ходил мрачнее тучи и пару раз сорвал свою злость на Лиске, которая со своей навязчивостью просто попала под горячую руку.

А еще его мучали подозрения.

Лекс был не из тех людей, которые всюду видят заговоры и подставы. Но он все больше и больше сомневался в том, что

Эйзентрегеру действительно был нужен результат, который он озвучил. С каждым днем Лекс укреплялся во мнении, что задача, поставленная Эйзентрегером, невыполнима в принципе и – что главное – кажется, сам Эйзентрегер не верил в то, что это выполнимо.

Ведь действительно, зачем собирать группу хороших программистов в каком-то богом забытом месте и ставить им дурацкие условия, которые никак не способствуют, а напротив, мешают выполнению задачи.

Что-то здесь было не то, только Лекс не мог понять, что именно.

Своими подозрениями он, конечно же, ни с кем не делился. Здесь даже стены имеют уши, а любые сомнения лучше всегда держать при себе, особенно если претендуешь на звание лидера.

Прошло около месяца после их разговора с Эйзентрегером. Лекс больше не общался с ним – отчеты делал поляк, который как-то незаметно занял роль руководителя группы во всех смыслах. Он раздавал таски, отчитывался перед Эйзентрегером и каждую неделю утверждал, что осталось еще совсем немного, одна-две недели.

В конце лета Эйзентрегер внезапно вызвал Лекса для разговора. Об этом ему сообщил поляк, только что сдавший нацисту очередной отчет.

Лекс вошел в комнату для совещаний, голограф, как обычно, тут же самостоятельно включился. Вместо Эйзентрегера на Лекса смотрела Алина.

Ее лицо по-прежнему было изуродовано шрамами, а голова обрита налысо, из-за чего Лекс не сразу ее узнал.

Изображение исчезло, через несколько секунд вместо Алины появился Эйзентрегер.

– Мои люди нашли ту девушку, о которой ты упоминал во время нашего разговора, – сказал он. – Мы поможем твоей знакомой. У нас есть хорошие специалисты в медицине. Мы сделаем ей пластическую операцию, и она будет очень красивой девушкой. Мы проведем полную диагностику, за мой счет, разумеется. Это всего лишь хорошая новость, которую я сообщаю тебе, в надежде услышать хорошие новости от тебя.

– Скоро услышите, – пообещал Лекс. – Спасибо за Алину, даже если не поможете, то все равно приятно.

– И еще одна хорошая новость для тебя и твоих друзей. Передай всем, что их письма доставлены адресатам.

Речь шла о недавнем подарке Эйзентрегера. В качестве жеста доброй воли он предложил каждому из хакеров отправить одно письмо по любому адресу. Письмо должно было быть бумажным,

текст короткий: Со мной все в порядке. Работаю. Вернусь зимой. Дата, подпись.

– Письма были вручены синхронно?

– Да, поэтому понадобилось некоторое время. У нас очень хорошие специалисты во всех сферах. Надеюсь, что ты не исключение.

Выходя из зала совещаний, Лекс чувствовал, что никакой депрессии больше нет, а есть только желание свернуть горы и доказать всем, и прежде всего себе самому, что возможно все.

В коридоре столкнулся с Лиской. Она выглядела взволнованной, и от нее шел слабый запах алкоголя.

– Можно с тобой поговорить? – спросила она.

Разговоры, разговоры, а я маленький такой. То мне страшно, то мне грустно, то теряю свой покой. Вот что-что, а пустая болтовня сейчас Лексу была нужна, как телеге пятое колесо.

– Ты вроде уже говоришь, – попытался отшутиться парень, потом кивнул: – Ладно, пошли ко мне.

В комнате Лекса Лиска села на незаправленную кровать, потом встала, прошлась от стены к стене. Накручивая себя внутри и точно так же накручивая волосы на палец.

Лекс, сидя в кресле у компа, молча наблюдал за ней и думал, что, скорее всего, это будет не пустая болтовня, а что-то из разряда «поговорим по душам». У Лиски, видимо, очередной приступ депрессии, усиленный алкоголем.

Лиска наконец остановилась. Повернулась, посмотрела на него, рухнула на кровать и чуть дрожащим голосом спросила:

– Скажи… я тебя чем-то обидела?

– Блин… – поморщился Лекс. – Я же извинился за позавчерашнее…

– Я не про позавчерашнее. А вообще. Почему ты так ко мне относишься?

– Так – это как?

– Избегаешь меня, словно я тебе неприятна.

– Что за чушь… – начал было Лекс.

– Подожди, – остановила его Лиска. – Дай, я скажу сразу все. Ты избегаешь меня, грубишь, особенно в последнее время. Знаешь, если бы я знала, что ты так будешь себя вести, я бы ни за что не согласилась сюда приехать.

Лекс тяжело вздохнул. Сейчас было неподходящее время для того, чтобы выяснять отношения. Ссориться с Лиской ему не хотелось, поэтому он медленно досчитал до трех. Успокоился, выдохнул.

– Слушай, Лиска… у меня много работы. Возможно, в последнее время я был немного вспыльчив, но… Короче, извини

сразу за все, что было не так…

– И за все, что будет?

– Что?

– За то, что будет, тоже извинить? Ну, заранее…

– Ладно, – кивнул Лекс. – Я признал свою вину, перевернули страницу, начали с чистого листа, хорошо?

Он хлопнул в ладоши, подтверждая тем самым, что страница перевернута и они начинают все заново, без ошибок. Закинул ногу за ногу и выжидательно уставился на девушку.

А она не такая уж и страшная. Ну, то есть не совсем во вкусе Лекса, но нормальная девчонка, без особых недостатков. Странно, тут столько парней, а она всех отшивает. Может, у нее ориентация другая?

Все эти мысли пробежались в голове Лекса и чуть было не сформировались в смешную, но не очень приличную шутку. Однако чистый лист есть чистый лист, и Лекс решил помолчать, давая Лиске право первой написать на этом листе какие-нибудь слова.

Молчание затянулось и стало, как говорят, неловким.

– Знаешь… – пьяно усмехнулась Лиска. – Я раньше думала, что невозможно представить ничего более скучного, чем прийти к кому-то в гости и услышать вопрос: «Хочешь посмотреть мои фотографии?»

Я ненавидела, когда кто-то открывал папки на компе и устраивал слайд-шоу или, еще хуже, подсовывал толстые альбомы с фотографиями из своего детства и начинал перечислять, где сделаны фотки и кто еще на них запечатлен.

– Ты об этом хотела поговорить? – осторожно вставил Лекс, когда в ее коротком спиче появилась пауза.

– О том, что я хотела бы посмотреть твои фотографии.

– В силу своей профессии я не очень люблю фотографироваться. – Лекс развел руками. – Так что извини, я гостям фотки смотреть не предлагаю.

– А что предлагаешь?

– Не тянуть время, а переходить к делу. И давай начнем наш разговор с позитива. Письма переданы, в течение нескольких дней вы получите ответ. Ты рада?

Лиска, конечно же, этому сообщению обрадовалась. Ее лицо изменилось в течение секунды – только что было скорбным, а теперь столько позитива, что хоть на обложку журнала.

– Это Эйзентрегер сказал? Только что?

– Это все, что он мне сказал по этому поводу, – сразу предупредил Лекс. – Расскажешь об этом всем, кому сочтешь нужным. Остальные узнают завтра от Эйзентрегера.

– На один день я стану королем информации? Вау, круто…

Она восхищалась, но восхищение это было наигранным, поддельным. Собственно, она этого и не скрывала.

– Лиска…

– Да?

Она вроде встрепенулась, когда услышала, как Лекс ее позвал по имени.

– Ты это… спасибо тебе за то, что ты тут. Я очень этому рад. Подожди!

Заметив, что Лиска собралась то ли встать, то ли что-то сказать, Лекс поднял руку, останавливая ее.

– Слушай, я правда рад тому, что ты здесь. Но давай сразу договоримся вот о чем. Не надо делать меня единственной причиной, по которой ты тут.

– А почему…

– Подожди. Дай, я поясню кое-что. Тебе не нравится что-то, что происходит вокруг тебя. Ты пытаешься это изменить, а если не получается, то ищешь причину своей неудачи. Так вот, не ищи причину во мне. Я предупреждал, что работа в подобного рода секретных проектах тяжела. Поверь, здесь еще не так плохо, по сравнению с другими. На финальной стадии «Стакса» нас троих почти месяц держали под таким колпаком, что…

– Зачем ты мне это рассказываешь? – перебила Лиска.

– Затем, что я давал тебе время подумать, хотя ты сразу сказала, что согласна. Так? Так. Стоп. Это только официальная прелюдия к разговору. А теперь поговорим как друзья. Мы же друзья?

– Ну, я надеюсь. – Лиска пьяно хихикнула. – А можно уточнить, что входит в твое понятие дружбы?

– Авторизация в скайпе как минимум. Скажи, зачем я здесь? Твое мнение как друга? Ты знаешь, почему я согласился на эту работу?

Лиска пожала плечами.

– Видимо, потому что ты автор «Стакса». И тебе нравится работать со своим детищем. Ты хочешь быть первым, потому что ты уже был первым и знаешь, каково оно. Леш, я понимаю, чего ты хочешь и почему ты здесь.

– Возможно. Ты про фотографии говорила… У меня есть одна фотография. Вот здесь. – Лекс дотронулся до головы. – На этой фотографии соседская девочка, Алина. Ей было десять или двенадцать лет, когда… в общем, пожар был, и она обгорела.

– Какой ужас… – прошептала Лиска.

– Ужас был в следующие шесть лет. У нее родители в этом пожаре погибли, и за ней тетка присматривала. Она после этого

пожара ослепла, ходить перестала и… – Лекс покрутил пальцем у виска. – Ну, в общем, не человек, а овощ.

Лиска прижала ладошку ко рту.

– И ты держишь эту фотографию…

– Эйзентрегер только что сказал, что поможет ей. – Лекс усмехнулся. – Нет, я, конечно же, здесь не из-за этого. Но дело в том, что… я знаю, что он ей поможет. Попытается помочь, по крайней мере.

И я тоже должен что-то сделать. Не просто попытаться, а сделать. Короче, у меня нет времени играть в отношения. Ты мой друг, и я рад этому. Не надо ничего менять, будет только хуже. Лады? Мир, дружба, жвачка?

Кажется, он высказал все, что было необходимо сказать, без острых углов, то бишь без обидных слов и дерзких выражений. Расставил точки над «i», разъяснил все непонятное. Немного скомкано, но если она друг, то поймет.

Надо было бы еще добавить совет, чтобы она немного оттаяла и посмотрела на пацанов вокруг, но Лекс решил, что пока еще рано на это намекать, если вообще стоит это делать.

Лиска помолчала немного, потом спросила:

– А вот ты понимаешь, зачем здесь я?

– Бунтарский дух, – не задумываясь, ответил Лекс. – Желание показать всему миру, себе, а главное, родителям, что ты готова взорвать этот мир и строить новый. Ты в душе Че Гевара, тебе нужны революции.

– Революции? – переспросила Лиска.

– Ну, это образно. Я к тому, что тебе сейчас просто хочется менять все вокруг. Уничтожать систему, воевать против нее. А, ну и еще из-за бабла, как и все мы.

После этих слов Лиска очень долго и пристально смотрела на Лекса. Тот не выдержал и ухмыльнулся:

– Да ладно, я пошутил насчет бабла.

– Бунтарский дух? – спросила Лиска, почему-то грустно. – Революции?

– Ну да, у меня тоже есть частичка такого духа… Просто…

– Дурак ты, – грустно сказала Лиска, вставая с кровати. – Просто я люблю тебя.

Ну вот…

В общем-то, это понятно было и раньше, что Лиска к нему неровно дышала. Только не хотелось Лексу путать личное и работу. К тому же ее навязчивость… вряд ли Лекс выдержал бы ее при длительных отношениях.

Парень не сразу нашелся, что ответить. Возникла неловкая и долгая пауза. Видимо, слишком долгая, поскольку Лиска, не став

более дожидаться его реакции, схватила свои наушники и выбежала из комнаты.

Лекс устало вздохнул. Первой мыслью было догнать девушку и продолжить разговор, поговорить, объяснить, попытаться понять… Но он решил не делать этого. Пусть успокоится. Завтра будет день, будет пища, тогда и поговорят – спокойно, трезво.

Но его планам не суждено было сбыться.

Это произошло ранним утром, на рассвете, когда большинство обитателей базы спали крепким сном.

Лекс сидел за компьютером, в наушниках негромко пела Катя Чехова, пальцы выбивали брейк-бит на клавиатуре, почти в темп песни.

Полями, лесами и открытыми окнами
Дождями, солнцем или просто туманами
Играть рассветами, новыми книгами
Вместе бы, вместе бы…

Я посылаю код
В две тысячи четвертый год
Я пропускаю ход, а он –
Этот день не в счет!

Шум за его спиной прорвался сквозь музыку К4. Дверь распахнулась с такой силой, что врезалась в стену, и ручка пробила пластик, которым были обиты стены.

Лекс развернулся на стуле, одновременно снимая наушники. Сразу же услышал щелчки, доносившиеся откуда-то издалека. Никаких сомнений в том, что это выстрелы.

На пороге стоял цыган – весь в крови, с обрезом в одной руке и пистолетом в другой.

– Взлетать или умирать, – сказал он устами переводчика и, чтобы еще было понятнее, мотнул головой в сторону. И побежал куда-то.

На базу напали ночью, перед рассветом, когда часовым спать хочется сильнее всего. Нападавшие быстро очистили внешний периметр замка от охраны и заняли здание. Теперь они пытались проникнуть в подземелья, три прохода в которые сейчас удерживали боевики цыгана. Оттуда доносилась редкая стрельба.

База гудела, словно разворошенный улей. Большинство обитателей выползло в коридор, с ноутами под мышками они

испуганно осматривались и шептались друг с другом. Самое время было начинать эвакуацию, но путей к отступлению не было.

Сам цыган бегал по коридору и говорил с кем-то по телефону. Лопотал что-то так быстро, что переводчик даже не реагировал на его речь, видимо, принимая ее за посторонний шум. Потом он остановился и громко произнес:

– Быть тут. Помощь придет.

В следующее мгновение что-то громыхнуло, и вокруг погас свет. Кто-то закричал, и словно в ответ на этот крик со стороны входа раздались автоматные очереди.

Глава 19. Покидая родные края

Румыния, лето 2007 года

Темень непроглядная.

Раз, два, три…

Щелк!

Послышался слабый гул – это включились резервные генераторы. Их основное предназначение – питать серверную, но они также включали несколько аварийных ламп холодного тусклого света. Не сказать, что видимость стала такой, как прежде, но хотя бы можно было различить объекты в нескольких метрах от себя.

Пару раз уже такое случалось прежде, один раз электричества на базе не было почти полдня, что, впрочем, никак не повлияло на рабочий распорядок. Но в этот раз ситуация осложнялась тем, что базу штурмовали неизвестные люди, которые к тому же отлично знали ее планировку и блокировали все три выхода – главный, бытовой и аварийный.

И стреляли, не жалея патронов. Грохотало со всех сторон, поэтому неудивительно, что началась паника.

Один, кажется из группы Словена, ломанулся к аварийному, а через секунду вернулся в полете, чтобы врезаться в стену и сползти по ней, оставив кровавый след.

Со стороны главного рванула граната. Пыль, крики, стоны, выстрелы.

Особенно остервенело стреляли в районе подсобки, откуда поставлялась еда. Оттуда с криками выбежала одна из теток-уборщиц, и туда же ринулся цыган – через мгновение там гулко ухнул его обрез.

Чья-то рука вцепилась Лексу в локоть и потащила в сторону. Он попытался вырваться, но что-то больно ударило его в шею, и он обмяк, чувствуя, что теряет сознание.

Впрочем, он его не потерял. Просто в голове все помутилось, но он чувствовал, как его куда-то тащат в этой темноте, среди криков и шума, проникающих в голову, словно сквозь каменную стену. Вместо сознания Лекс потерял наушник – в суматохе врезался в кого-то, кто-то задел его плечом, мозг отметил потерю девайса, но предпринимать какие-то действия не было ни сил, ни воли.

Потом Лекс упал – или его бросили – на пол. По левую руку он увидел стену с большим белым полотном, по правую удалось

рассмотреть ряды кресел.

Местонахождение установлено – кинотеатр базы.

Чья-то ладонь несильно хлопнула его по лицу. Знакомый голос произнес:

– Лежи здесь и никуда не уходи. Понял?

– Андерс, это ты?

– Лежи здесь.

Лекс услышал, как Андерс побежал к выходу из зала. Попытался встать, но голова стала вдруг тяжелой, ноги подкосились, и он рухнул на пол раньше, чем успел выпрямиться.

Выстрелы зазвучали совсем близко. Гулко ухнуло совсем близко – это был обрез цыгана. Чьи-то крики на незнакомом языке… языках… крик захлебнулся на полуслове.

Стрельба и крики закончились быстро, меньше чем за минуту. Вдруг наступила тишина, такая, что Лекс невольно затаил дыхание.

А потом в проеме появился человек. В темной одежде, похожей на спортивный костюм, с автоматом в руках и в очках, обвешанных множеством небольших девайсов непонятного предназначения.

Человек очень тихо, по-кошачьи зашел в зал, встал возле стены, держа вход под прицелом, а потом осмотрелся.

В отличие от коридора, тут не было никакого освещения, и Лекс, затаившийся возле кресел, при удачном стечении обстоятельств должен был оставаться незамеченным. Но удачного стечения обстоятельств не случилось.

ПНВ, тепловизор, датчики движения – в тот момент Лексу, в общем-то, было уже все равно, по каким параметрам его вычислили. Человек шагнул вперед, двигаясь невероятно тихо, а потом перевел автомат, направив его на Лекса.

Целую секунду, за которую вся жизнь промелькнула перед глазами, Лекс смотрел в дуло автомата.

Это была самая длинная секунда в его жизни.

– Ари данаки вря, вонц ворь тгамарт[4], – послышалось от дверей.

Убийца повернулся вместе с автоматом, Лекс тоже скосил глаза.

В проеме, в слабом свете аварийки стоял Андерс. Лекс не сразу его узнал, поскольку тот был в очках, таких же, как у убийцы. В руке Андерс держал кухонный топорик для мяса.

– Дурс ари, ес кез цуйц ктам, вонцес ес дзерь Карабахум мортумей[5], – произнеся это, Андерс сделал шаг вперед и добавил непечатное ругательство на русском языке.

Лишь на одну секунду дуло автомата качнулось в сторону

Андерса. Убийца не сказал ни слова, но автомат повис на плече дулом вниз, а в руке у него появился нож, больше похожий на мачете.

У страха в тот момент глаза были велики.

А Андерс сделал еще один шаг в сторону, уходя со света. Резко двинул рукой, вытаскивая из-за спины пистолет, и выстрелил.

Убийца дернул головой и рухнул на пол почти так же бесшумно, как и передвигался. Андерс, тяжело дыша, подошел к нему и дважды выстрелил в грудь.

– Из старых, – сказал он. – С молодым бы не прокатило, молодые историю вообще нихера не чтут. Уходить надо, дружище.

– Что случилось? – спросил Лекс, поднимаясь.

– Зачистка, – ответил Андерс, присаживаясь рядом с телом убийцы. – Погоди, очки возьми.

– Что?

– Очки, говорю, возьми. С этого, «двухсотого». – Он стащил очки, поднял, потряс, стряхивая кровь. – А, нет, черт, в них попал.

Отбросив обломки очков в сторону, Андерс выпрямился и вышел в коридор. Шагал он точно так же, как и убитый им автоматчик, – тихо, мягко ступая.

– Лекс, давай сюда, – послышалось со стороны выхода.

Пересилив отвращение, Лекс обошел тело убийцы и вышел в коридор.

Аварийные лампы уже почти все не работали, и коридоры, не такие уж и длинные при нормальном освещении, теперь превратились в зловещие куски тьмы, разделенные слабыми островками света.

– Тут громко не говори, – прошептал Андерс. – Сейчас не спешим, тут где-то еще один бродит.

Он стал возле угла, выглянул, спрятался обратно.

– Это наемники? – шепотом спросил Лекс.

– Да, профессиональные. Дашнаки, слышал про таких? Убивают всех подряд, по контракту. Палят во все, что движется. Черт, очки бы тебе пригодились.

Где-то сбоку послышался шорох, Андерс снова выглянул, на этот раз долго всматривался в темноту, потом прошептал:

– Давай за мной. Двигаемся к выходу, только не высовывайся сильно.

Андерс двинулся вдоль стены, следом, едва ли не на ощупь, Лекс.

– К какому выходу? – спросил он спину Андерса.

– К обычному, главному. Народ уже туда… – Андерс

неожиданно вскинул пистолет и два раза выстрелил куда-то в темноту. Послышался звук падающего тела, Андерс шагнул вперед.

– Yo, man, u'r cool shooter! – послышалось из темноты. – I thought i'm done [6].

– Потише, браза, правый борт. Фак, глаза! Индевять!

– What? I like this device [7].

Это был Индевять, с цыганским обрезом в руках. Он шустро снял с тела убитого дашнака очки и нацепил их на себя, ничуть не проявляя брезгливости.

Они с Андерсом перебросились какими-то словами и направились к выходу. Лекс двинулся за ними – на две спины было проще ориентироваться.

У выхода они встретили еще нескольких хакеров. Кучка испуганных людей, вжавшихся в закуток. Напрасно Лекс всматривался, Лиску он среди них не увидел.

– Go, go, go! – скомандовал Индевять и, вскинув обрез на плечо, поинтересовался у Лекса: – You search gipsy? His dead, baby, his dead [8].

Это была явная претензия на юмор. Лекс хоть и понял эту фразу, реагировать не стал. Возле стены в нелепой позе лежало тело, присмотревшись, Лекс узнал серба. Вокруг все было в крови.

– Убили Кэтчера, – сказал Андерс, поймав его взгляд. – Рачика из Польши тоже убили. Тут многих поубивали, я ж говорю, зачистка была.

– Ты Лиску видел? – хрипло спросил Лекс.

– Да, она во дворе. Пойдем. Тут не стоит оставаться, неизвестно, кто сюда первым приедет.

– Ты уверен, что Лиска во дворе?

– Ну конечно, дружище. Пойдем.

Лиска действительно стояла во дворе. И еще несколько обитателей базы. А также несколько тел валялись в неестественных позах, – света луны было недостаточно, чтобы рассмотреть, кто эти люди, а подходить Лекс не стал.

Лиска, увидев его, сначала бросилась вперед, но потом, видимо вспомнив последний разговор, резко замедлила шаг. Подошла, дрогнувшим голосом чуть официально спросила:

– С тобой все в порядке?

– Да, все нормально, – кивнул Лекс. – Наушники только потерял. Ты как?

– До сих пор в шоке. Что произошло?

– Андерс, что произошло?

– Кто-то прислал сюда наемников. Чтобы все тут уничтожить. Тут была хорошая охрана, но почти всех положили в лесу. –

Андерс показал на прилесок неподалеку от замка. – Выстрелы, скорее всего, кто-то слышал, и очень скоро тут будет куча местных полицейских. Но еще раньше могут приехать те, кто нам поможет, либо те, кто хотел нас убить. Вот такая ситуация.

Вопрос, который хотел задать Лекс, задала Лиска:

– И что теперь делать?

– Сейчас решим, – беззаботно ответил Андерс и шагнул к кучке хакеров, обсуждавших на нескольких языках план дальнейших действий.

Лекс поспешил вслед за ним.

Без наушников ему было сложно принять участие в обсуждении. Впрочем, и с наушниками, судя по обилию нервного сленга и ругательств на нескольких языках, трудно было понять собеседников. Это было не обсуждение, а гвалт напуганных людей, многие из которых впервые в жизни столкнулись с чем-то подобным.

Хакеры… Обычный офисный планктон, последние два месяца исправно отсиживающие зады перед мониторами, получавшие на свои счета хорошую зарплату и ни о чем не волновавшиеся. И вот теперь планктон потерял работу и заодно очутился в чужой стране, без денег, документов, без средств связи, не знающий, что говорить полиции при встрече, а самое главное, понимая, что еще не все кончено. Ведь неизвестно, кто и зачем напал на базу. Может, конкуренты Эйзентрегера, а может, он сам послал наемников, что маловероятно, но возможно.

В любом случае, здесь никто не хотел оставаться и дожидаться дальнейшего развития событий. Все хотели убраться подальше от этой глухомани, поближе к цивилизованному миру и к счетам, на которых скопилось достаточно денег, чтобы некоторое время наслаждаться жизнью.

Правда, не все понимали, как это сделать. Дороги никто не знал, а передвигаться большой толпой слишком опасно.

Они разделились. Большая часть хакеров отправились вниз по дороге. Предположительно, она должна была вывести к небольшому селению, огни которого обитатели базы часто видели во время вечерних прогулок. Дальше? Ну, дальше по обстоятельствам.

Оставшаяся группа из семи человек, возглавляемая Андерсом и Индевять, после короткого и тихого совещания руководителей, отправилась вверх по горе.

Андерс и Индевять шли впереди. С оружием – у Андерса был пистолет и автомат, а Индевять держал в руке обрез, принадлежавший некогда цыгану.

Они вели себя так, словно знали эти места. Ну, или по

крайней мере кто-то из них двоих. И Лекс уже догадывался, кто из них такой всезнающий. Ему очень хотелось задать Андерсу пару вопросов, и он собирался это сделать при первом удобном случае.

Дорога уходила куда-то вверх, сильно сужаясь при этом, но до конца ее они так и не дошли. Через полчаса пути свернули в какую-то чащобу, а вскоре очутились на тропинке, которая вела в сторону от замка.

Лиска держалась рядом и не отходила от Лекса ни на шаг. С одной стороны, Лексу было приятно, что он выглядит защитником, с другой…

Он вдруг понял, что в подобных ситуациях от него мало толку. Нет, ему, конечно, приходилось держать в руках оружие, и бывало, что он находился с другой стороны ствола, – но до стрельбы дело не доходило.

Почему-то вспомнился Ник. Точнее, не сам Ник, а давняя история со взломом, закончившаяся тем, что Лекс оплатил контракт на его убийство. По странному совпадению, в той истории тоже фигурировали дашнаки. Наглухо отмороженные армянские наемники больше года шли по следу Ника, а когда наконец обложили его, внезапно включили заднюю и сделали возврат денег. Впервые в истории!

Где он сейчас, интересно? Последнее, что Лекс слышал о так называемом кровном брате, – то, что он осел в какой-то полуподпольной конторе, которую курировали то ли питерские ОПГ, то ли спецслужбы.

– Куда мы идем? – спросила Лиска шепотом.

– Вперед, – буркнул Лекс. Тут же подумал, что девушка сильно напугана и не стоит так себя вести, потому добавил: – Нам надо быстрее убраться отсюда.

– Из леса?

– Из страны.

– Мы возвращаемся домой?

– Хотелось бы, – пробормотал Лекс.

– А… а как же контракт… мы что, больше не работаем на Эйзентрегера?

– Да в задницу такие контракты! – грубо ответил Лекс. – Это не работа, а бред. К тому же…

Он замолчал, и Лиске пришлось переспросить:

– К тому же что?

– Есть мнение, что это Эйзентрегер устроил зачистку.

– Что? – удивилась Лиска. – Но зачем?

– Да откуда я знаю, что в башке у этого фашиста произошло? Я ж говорю, это только мнение, одно из многих.

Лиска тяжело вздохнула, поежилась. Лекс почувствовал, что должен сказать еще что-нибудь. Просто для того, чтобы сказать. Чтобы не молчать.

– Слушай, у нас сейчас есть задача максимум – свалить отсюда подальше. И есть несколько задач минимум – найти деньги, найти какой-нибудь телефон и при этом не попасться на глаза.

– Кому?

– Да никому. Мы же не знаем, кто напал на базу. Поэтому лучше не светиться, хотя бы до тех пор, пока все не прояснится.

В этот момент они услышали рокот. Зловещий, тревожный и быстро приближающийся.

– Прячьтесь, быстро! – скомандовал Андерс и первым подал пример, забравшись под густое дерево.

Лекс, а следом и Лиска бросились под это же дерево. Остальные тоже попрятались кто куда.

Два вертолета пролетели над ними в сторону замка.

Все замерли. Вертолетный шум быстро удалялся, стихая. А потом к этому шуму добавились выстрелы. Целые очереди.

– Семь шестьдесят два, миниганы, – сказал Андерс. – Минута такой пальбы в пятнадцать тысяч долларов обходится. А там два, так что тридцатка каждую минуту.

– По кому они стреляют? – спросила Лиска.

– Скорее всего, по тем, кто пошел к поселку.

В этот момент со стороны базы раздался сильный взрыв. Что-то громыхнуло так, что даже здесь земля вздрогнула. Отсюда не было видно замка, но зато теперь был заметен столб дыма, поднимавшийся с той стороны.

– Базы больше нет? – спросил Лекс. – Взорвали?

– Не, это вертолет подбили, – равнодушно ответил Андерс.

– Кто?

– Не знаю.

– Может, наши? – предположила Лиска.

– Там нет наших, – ответил Андерс. – Наши – это я, ты и Лекс.

И еще Индевять. Все остальные – вражины.

Вертолетный гул снова стал нарастать. Обратно действительно летел только один вертолет.

– Ждем немного, потом двигаемся, – отдал Андерс новый приказ для всех.

Никто и не собирался оспаривать его слова.

– Я смотрю, для тебя такие приключения не в новинку, – негромко заметил Лекс.

– Приходилось бывать в переделках, – уклончиво ответил

Андерс.

– Ты и места эти знаешь… бывал здесь?

– Не, здесь не бывал. Но карту изучил.

– Карту? Где?

– На локалке нашел старые гугловские карты. Прикинь, тут за несколько лет вообще ничего не изменилось…

– Гугловские карты? На локалке?

– Ну да, архив… А что?

– Да нет, ничего. Стреляешь, по картам ориентируешься, на лиспе кодишь. Ты прям и чтец, и жнец…

– И дудки курю. Все, пора двигать.

– Куда?

– Дан приказ ему на запад… – напел Андерс.

– Я серьезно.

– И я. Двигаем в сторону запада, дружище. В Сербию.

– В Сербию? Зачем?

– У Индевять там знакомые контрабандисты, помогут передислоцироваться. Пошли. Потом поговорим. Go, go!

Последние слова предназначались для всех. Группа выползла из своих укрытий и снова двинулась в путь.

Но до Сербии они не добрались. Строго говоря, они даже не добрались до ближайшего населенного пункта.

Пройдя лес, они вышли к полю, где наткнулись на развалины старой конюшни, расположившейся на окраине поля. Все заросло травой и бурьяном, здесь явно давно не ступала нога человека, тут они и обосновались, чтобы передохнуть.

Расположились кто где – на старых ящиках, бочках, охапках сена. Все еще напуганные, хотя уже не так сильно, как несколько часов назад. Индевять стал что-то рассказывать всем, одновременно рисуя на земле какие-то полоски и кружочки. С грехом пополам Лекс догадался, что он показывал всем их дальнейший путь и пытался начертить карту этого пути.

Андерс был единственным, кто не стал садиться и отдыхать, а курсировал между стенами из прогнивших досок с широкими, в палец, щелями.

Лиска села рядом с Лексом. Заметив, что он наблюдает за Индевять и пытается разобрать, что тот говорит, Лиска сняла и протянула ему свой наушник.

– На, возьми мой, – сказала она. – Я все равно по-английски понимаю.

Почему-то это разозлило Лекса. Наверное, потому что он почувствовал себя беспомощным в этот момент. Хотел было сказать в ответ что-то резкое, но не успел.

– Три человека, в штатском, автоматы. Двое остановились,

один идет, подняв руки, – сказал Андерс, прильнув к щели. – У него какой-то ящик в руках.

Все повскакивали было, готовые бежать отсюда подальше, но Андерс велел всем успокоиться. Подошел к двери, держа наготове пистолет. Индевять держался рядом.

Это были люди Эйзентрегера. Тот, кто пришел в конюшню, принес с собой портативный голограф. Он нещадно глючил и тормозил, и тем не менее перед беглецами появилось изображение самого Эйзентрегера.

Он начал что-то говорить, но связь постоянно обрывалась.

Андерс снял свой наушник, протянул Лексу.

– Немецкий я знаю, так что можешь послушать.

– Ты и армянский знаешь, и английский… – пробормотал Лекс, беря наушник.

– Я полиглот, дружище.

Лиска, конечно же, обратила внимание на то, что Лекс взял у Андерса переводчик.

В этот момент голос Эйзентрегера наконец прорвался сквозь помехи.

– …были наняты Синдикатом. Вас занесли в их черный список, и на вас открыты контракты. На каждого из вас. Оставаться здесь вам опасно. Мои люди переправят вас на нашу основную базу.

– Куда? – спросил Индевять.

– Туда, где вам ничего не будет угрожать, – ответил Эйзентрегер. И что-то добавил про север.

Глава 20. Ндрангета

Форте-дей-Марми, Италия, середина июля 2007 года

– Здесь русские недавно появились. Несколько лет всего. До этого здесь немцы тусили, французы иногда. А потом какой-то бум, и внезапно все кинулись скупать здесь недвижимость. Дерипаска, Абрамович, потом этот, как его, губернатор Московской области…

В Италию они прилетели утром по местному времени чартером. Приземлились в Пизе, оттуда тридцать пять километров до Форте-дей-Марми добирались на «Фиате» приятеля Хохла, который представился как Карлито. Пока ехали, Карлито изображал немногословного гида-путеводителя.

Рассказывал все, что знал про Италию и Форте-дей-Марми в частности.

– Этот городок не зря называют итальянской Рублевкой. Глянь на дорогу, две из трех нормальных машин с московскими номерами.

Он был прав. Всю дорогу Ник глазел в окно и если поначалу считал, сколько ему попадется «нормальных» машин – «Феррари», «Ламборджини», «Бентли», – то очень скоро стал считать, сколько им встретилось машин с российскими номерами.

И, надо заметить, встречалось очень много. В основном московские номера, но попадались и другие регионы.

– Знаешь, что самое смешное? Они сюда приезжают и сразу начинают болеть за местные команды. В прошлом году, в июле, тут такой ад был, когда сборная на мундиале выиграла. Все побережье гуляло, а русские пуще всех. Ха! Знаешь, Хохол, любой русский, который приезжает в Форте-дей-Марми, пока здесь находится, перестает даже думать по-русски. Уж поверь, я знаю, что говорю.

Он совсем не походил на итальянца. По-русски говорил с акцентом, но было такое ощущение, что этот акцент наигранный.

– Треть всех домов здесь принадлежит россиянам. Сейчас, говорят, решается вопрос, чтобы ограничить продажу недвиги русским, но это ерунда. Тут такие люди в теме, что этого никогда не будет. Не хочешь прикупить тут, кстати, домик, а, Хохол? Хорошее вложение капитала. Это же итальянская Ривьера. Гарантирую, что через пару лет цены раза в полтора, а то и в два вырастут. Ты посмотри, какие тут дороги, ни одной ямы. Здесь люди для себя живут, а не для жуликов и воров, понимаешь?

– Дорого тут, наверное… – вздохнул Хохол.

– Ну, уж точно дешевле, чем у Батуриной. Если брать не в городе, а рядом, в поселках вроде Чинквале или Каррара, можно по приемлемой цене что-нибудь подыскать. Поверь, к две тысячи десятому году здесь только миллиардеры недвигу купить смогут. У меня, если что, есть знакомые риэлторы.

– Черные? – гыгыкнул Хохол.

– Нет, итальянцы, местные.

– Я другое имею в виду. Ну, черные маклеры.

– А! – догадался Карлито. – Не, все по закону, купи-продай-отдай налоги. Я их давно знаю, много им клиентуры подогнал, так что скидку для тебя пробью со всей уважухой.

– Карлито, извини, что перебиваю… – произнес Ник, которого стал утомлять этот беспредметный разговор. – Ты уже выяснил, сколько будет встреча с папой стоить?

Они так и не договорились о цене, которую Ник должен будет

заплатить за пятиминутную аудиенцию у папы римского. Вчера по скайпу Карлито после почти целого месяца бесплодных переговоров наконец сказал, что вопрос решаемый и что цену назовет, когда они прилетят сюда.

Деньги были – за этот месяц Ник заработал на модификациях «Стакса» достаточно приличную сумму. Но все-таки количество денег было ограничено, и их было гораздо меньше, чем у многих обитателей этого небольшого тосканского городка. Поэтому Ник и торопился уточнить детали, которые на самом деле были самыми главными.

– Да, почти все утрясли, – кивнул Карлито. – Тебе надо будет поговорить с людьми…

– С какими людьми?

– Ты вообще понимаешь, с кем ты хочешь встретиться? – спросил Карлито.

– Да. С тем, с кем ты уже не раз организовывал аудиенции, – сказал Ник. – Ну, если верить твоим словам.

– А ты что, не веришь? – недовольно спросил Карлито. Акцент его при этом куда-то пропал.

– Верю. Поэтому хочу узнать, сколько это будет стоить.

– Сначала с тобой поговорят.

– Кто?

– Слушай, Хохол, объясни своему клиенту, что это папа римский. Парень, ты вообще знаешь, сколько людей хотят встретиться с ним?

– Кто со мной будет говорить?

– Нет, погоди. Ты знаешь, сколько людей хотят встретиться с папой римским?

– Много? – с издевкой предположил Ник.

– Очень много. Невероятно много. А знаешь, сколько среди этих людей психов? Тебя ни за какие деньги не подпустят к нему, если не будут уверены в том, что ты не собираешься напасть на него.

– Это что, будет какая-то проверка?

– Да, вроде того. Это же Ватикан, государство в государстве. С тобой поговорят из службы безопасности папы, зададут несколько вопросов, и если убедятся, что с тобой все в порядке, то…

– Назовут цену? – продолжил за него Ник. – Сотрудники службы безопасности?

Ему с самого начала не очень верилось, что этот вопрос можно будет решить так просто, с помощью денег. Но Карлито целый месяц убеждал Ника, что вопрос решаемый, и только вот цену никак не мог сложить.

– Да, назовут цену. Что тебя смущает? Это же религия, такой же бизнес, как и любой другой.

– Ясно. И когда мы будем говорить?

– Сегодня вечером. Рядом с моим домом есть небольшой ресторанчик, в восемь там назначена встреча. Пока отдохнете с дороги. Не суетись, парень. Ты в Европе, здесь ничего не делается наспех. Хохол, так вот, насчет того, чтобы купить тут дом. Здесь до сих пор можно найти особняк с видом на море, который будет стоить дешевле, чем такая же халупа где-нибудь в Лазаревской. Вопрос с гражданством решаемый, у меня тут есть ходы в администрацию Берлускони и…

Дом у Карлито оказался небольшой. Одноэтажный, с полуподземным гаражом и участком в три сотки, на котором едва поместился бассейн, стоявший без воды, но с мусором.

– Фильтр забился, – пояснил Карлито. – Все времени нет мастера вызвать.

Судя по мусору, бассейн не работал года два или три.

Вида на море не было. Окна выходили на небольшую улочку, а с другой стороны на забор соседей, обросший какими-то вьющимися растениями.

Внутри дом оказался уютнее, чем снаружи. Позже Ник понял почему: там бывала домработница, которая поддерживала порядок.

– Ты тут надолго вообще? – спросил Хохол. – На родину не тянет?

Услышав про родину, Карлито нахмурился.

– Ты знаешь, почему я из России свалил? – спросил он.

– Ну… ты по скайпу вроде говорил, у тебя какие-то терки были с банкирами, – вспомнил Хохол. – Если я правильно понял.

– Терки… ну да, терки. – невесело усмехнулся Карлито. – Можно сказать и так. Мы под Ростовом элеватор строили, финансировал стройку один московский банк. Объект построили, все отлично, а когда сдача была, приехал от москвичей представитель банка. Я его сразу узнал. Представляешь, эта тварь в девяносто четвертом в Чечне меня в плену держала. В яме. А теперь он зам председателя инвестиционной комиссии банка. И весь банк ихний – это тот самый сброд, который в первую чеченскую наших похищал и выкуп требовал. На те деньги, что они тогда получили, теперь банк сделали, в Москве. Землю скупают под Воронежем, под Орлом, Кубань подгребают… колхозы, совхозы, сотни гектаров полей… Еще платят проституткам-правозащитникам, чтобы те им задницы вылизывали… Короче, не выдержал я. Понял, что или эту тварь надо валить, или самому… валить.

– И ты решил сам? – догадался Хохол.

Карлито тяжело вздохнул.

– Ну… я же не ты… в смысле, я не наемник. Я в первую чеченскую в стройбате служил, мы туда приехали сразу после войны, чтобы город отстраивать… я и стрелять-то толком не умею. В общем, да, решил сам свалить. Поначалу сложно было, пару лет пришлось в пекарне поработать, а тут пекарни – это адовый труд по ночам, каждый день, без выходных. Потом, наши когда стали сюда подтягиваться, появились темы, в общем, сейчас все в поряде. Только вот тварь ту из банка никак забыть не могу. Иной раз так и хочется бросить все, вернуться в Россию, найти его и…

Карлито замолчал, махнул рукой, вроде как с отчаяния.

– А что за банк-то был? – вроде как равнодушно поинтересовался Хохол.

Карлито назвал банк, и Хохол важно кивнул.

– Пробью у наших, – сказал он, не став, впрочем, уточнять, про каких «наших» шла речь. – Зло безнаказанным не останется, братан.

Карлито оживился.

– Если накажешь их… ну, хотя бы этого гада… Хохол, ты же знаешь, я в долгу не останусь. Мне просто надо знать, что эта гадина… ну ты понимаешь.

– Конечно, понимаю. Порешаем, ты меня знаешь. Слушай, у тебя пожевать есть что-нибудь? И расскажи, а лучше покажи, как тут с пойлом.

Наскоро перекусили бутербродами с сыром и колбасой, после чего Карлито и Хохол отправились дегустировать содержимое бара.

Ник расположился на диване перед телевизором. Пролистав пультом с десяток каналов и не найдя русскоязычного, незаметно для себя Ник задремал.

Проснулся около девяти от громкого разговора. Спорили два человека – Карлито и какой-то черноволосый мужчина лет сорока, явный итальянец, с перепаханным лицом, похожий на колоритного Денни Трехо.

Громко спорили, на смеси итальянского и английского языков. Причем «Денни Трехо» не скрывал своего агрессивного настроения.

Хохол наблюдал за ними, устроившись в кресле с бокалом чего-то многослойного и разноцветного. Он не очень понимал, о чем речь, и просто слушал, не вступая в беседу.

Когда Ник подал первые признаки просыпания, оба спорщика замолчали, уставились на него. Потом Карлито повернулся к

Хохлу и сказал:

– В общем, так, Хохол. Надо ехать.

– Там все будет чисто? – спросил Хохол, рассматривая второго, итальянца, сквозь стекло бокала. – Проблем не будет?

– Хохол, это серьезные люди. Если бы нам хотели создать проблемы, они бы у нас уже были. Это очень могущественная организация. Это тебе, блин, не какая-нибудь «Армада». Если и есть в этом мире какая-то сила, равная масонам, то это те люди, с которыми мы сейчас должны…

– Костян, ты мне не вешай, йопт, – угрюмо пробубнил Хохол. – Я тебе задал простой вопрос, постарайся ответить на него как можно короче. Проблем не будет?

– Нет, – твердо ответил Карлито.

Мнение Ника, судя по всему, тут никого не интересовало.

– Далеко ехать? – спросил Хохол.

– Примерно четыреста. Кэмэ, не миль.

– Поехали. – Наемник поднялся и махнул Нику, словно тот был его подчиненным.

Ник не совсем пришел в себя после сна, и ехать ему никуда не хотелось, особенно с довольно страшным итальянцем. Но, взглянув на трех человек, ожидавших его, Ник решил, что лучше не спорить.

На ночной улице их ждало две машины. Черные микроавтобусы, похожие на мини-вэны, в которых любили передвигаться дашнаки.

Они покинули Форте-дей-Марми и несколько часов мчались на огромной скорости по ночной автостраде. Трасса, можно сказать, была идеальной. Хорошая дорога, освещение на всей протяженности автострады, только дави педаль в пол да кайфуй от скорости. Но Нику было не до кайфов. Беспокойство одолевало его с каждым километром все сильнее и сильнее.

Вскоре они въехали в небольшой городок, не очень богато выглядящий. Старые дома, покосившиеся заборчики, фонари горят не везде… точнее, везде не горят. Темень, мрак, жуть – ну прям как в каком-нибудь частном секторе на окраине Ростова.

Машины остановились возле одного из таких старых домов с покосившимся забором. Из калитки сразу же вышел человек, посмотрел по сторонам и скрылся во дворе.

«Денни Трехо» что-то гортанно сказал на итальянском, показывая в сторону дома.

– Пошли, – скомандовал Карлито, вылезая из машины.

Во дворе их встретил охранник, выходивший на улицу. Он провел гостей в дом, где их уже ждали.

Зал, слабый свет, стол. С одной стороны несколько человек, с

другой – свободные стулья. Говорил только один из присутствовавших. Со шрамом на нижней губе, который в тени смотрелся особенно зловеще.

Он представился как Маттео Гарроне, хотя почему-то слабо верилось в то, что он назвал себя настоящим именем.

И снова диалог на английском и итальянском. Карлито помогал с переводом разговора, который, впрочем, выглядел как допрос.

– Зачем ты хочешь встретиться с папой?

– Хочу спросить его, слышал ли он что-нибудь об одной истории, – почти честно ответил Ник.

– Какой истории?

– О волшебных предметах, – поколебавшись, ответил Ник.

– Magic? – Маттео уточнил на английском языке, Ник кивнул, подтверждая правильность перевода.

Итальянец переглянулся со своими друзьями.

– Если папа скажет, что никогда не слышал о таких предметах, что ты сделаешь?

– Я попрощаюсь и уйду, – на этот раз полностью честно ответил Ник. – Я не буду создавать никаких проблем.

– Никаких фото и видео, никаких записей и стенографий…

– Да, конечно. – Ник кивал, словно китайский болванчик.

– Это частная беседа. О ней не стоит упоминать в своих интервью.

– Да, да.

– Сколько ты готов заплатить за эту встречу?

Вопрос прозвучал на итальянском, а перевел его Карлито спустя несколько секунд. Причем, похоже, трудности были не только с переводом. Он какой-то стал сразу весь неуверенный и смущенный.

– Я думал, что это вы мне назовете цену, – ответил Ник, одарив Карлито недовольным взглядом.

Итальянцы снова переглянулись.

– Ты программист? – внезапно спросил один из друзей Маттео. На русском, хотя и с сильным акцентом.

Карлито при этом вздрогнул и издал какой-то звук, похожий на карканье, – кажется, он не ожидал, что в компании их собеседников окажется кто-то русскоязычный.

– Да, – помедлив, ответил Ник.

– Ты когда-нибудь слышать про сетевые спутники? Такие программы для поиска.

– Да, – подтвердил Ник. – Слышал.

– Ты знать, где их достать?

– Понятия не имею, – ответил Ник. – А что?

Русскоязычный итальянец посмотрел на Маттео.

– Пять настроенных спутников – цена встречи с папой, – сказал тот по-итальянски.

Карлито перевел, теперь как-то по-новому глядя на Ника. И, пока Ник собирался с ответом, спросил тихо:

– Друг, а ты что, знаешь, где можно взять настроенный спутник?

– Не знаю я, – ответил Ник. – И кстати, цена одного спутника на рынке почти полмиллиона. Они что, хотят два с половиной миллиона за пять минут разговора? Спроси у него.

Карлито перевел вопрос. Шрам некоторое время думал, потом положил на стол ладонь таким образом, что на столешнице оказалось три пальца. И посмотрел выжидающе на Ника.

В общем-то, все на него смотрели.

– Полтора миллиона? Нет, извините, – покачал головой Ник. – Я думал, речь идет о суммах на порядок ниже. Сто, ну сто пятьдесят тысяч я бы потянул, но не больше.

Ник начал было подниматься со стула, но тут снова в разговор влез русскоязычный итальянец.

– Ты работать в русской компании, которая настраивает спутники.

Отпираться было бы глупо, поэтому Ник ответил уклончиво:

– Это было давно.

– Но связи остались?

– Нет.

– Сколько ты желаешь денег за один настроенный спутник?

– Я не торгую спутниками, – сказал Ник. – И не умею их настраивать.

– Я знаю, – сказал русскоязычный. – Ты занимаешься модификациями «Стакса». На прошлой неделе мои друзья делать у тебя заказ, качественная работа. Ты получил восемьдесят тысяч, дорого, но хорошо. Ты хочешь встречаться с папой. Нам нужны спутники. За три спутника, кроме встречи с папой, ты получишь пятьсот тысяч евро. Может, у тебя все-таки остались связи в той русской компании?

Часть глаголов он спрягал правильно, часть с небольшими проблемами.

Ник раздумывал недолго.

– Кому настраивать спутники? – хрипло спросил он. – Мне нужно имя, дату и место рождения.

Ему назвали три имени.

Через несколько минут Ник стоял во дворе дома с коммуникатором в руке.

Выяснилось, что он где-то посеял джабру. В карманах ее не

было, скорее всего, слетела с уха, когда он садился или вылезал из машины. Без нее было немного непривычно.

– Соедини меня с Пашей или Колей. Пожалуйста.

– Угроза безопасности, – неожиданно пискнула Исин. – Категория: криминал. Уровень опасности восемь из десяти.

– Блин, соедини быстрее.

– Игнорировать угрозу?

– Да, игнорировать. Просто соедини с кем-нибудь из братьев.

– Соединяю.

– Привет, Ник.

– Привет. Это Коля?

– Нет, это Паша, брат Коли. Как твои дела?

Как обычно, голос ровный, словно у робота. Или автомата. Или нет, это скорее похоже на голос политика, который находится перед тысячами объективов и отвечает на не очень удобные для него вопросы. Медленно, осторожно, официально.

– Все в порядке. Слушай, Паша… мне надо три спутника настроить…

– Кому? Имя, место и дату рождения сможешь.

– Эммм… это итальянцы, ничего?

– Имя и дату рождения, – повторил Паша.

– Номер первый – Джузеппе Белонно, Розарно, Колабрия, двадцать второе февраля тысяча девятьсот…

– Достаточно. Подожди секунду.

Пауза длилась секунд десять, после чего Паша коротко ответил:

– Нет.

– Почему?

– В нашей базе он под запретом.

– В какой еще базе? – удивился Ник. – Почему под запретом?

– Он член ндрангеты, это мафия, Ник. Мы не раздаем исины кому попало.

– Подожди, подожди, – заторопился Ник. – Это же я прошу…

– Нас просят очень много людей, – сказал Паша. – Ты даже представить себе не можешь, кто и как нас просит. Но у нас есть несколько правил, в частности – мы не настраиваем спутники для тех, кто занимается убийствами и наркоторговлей. Если два других кандидата тоже из ндрангеты, то они тоже не получат спутники. У тебя все?

Это был мегаоблом. Паша лишил Ника не только встречи с папой, но и пятисот тысяч евро. И все из-за того, что у них какая-то база и они якобы не настраивают поисковые программы для плохих людей. Что за бред?

Ник так и сказал в трубку, что это бред. На что Паша ответил

дисконнектом.

Ник вернулся за стол, покачал головой.

– Ничего не получится.

Итальянцы о чем-то тихо перешептывались, а русскоязычный в этот момент еще тише разговаривал по телефону. На слова Ника никто даже внимания не обратил. В комнате происходила какая-то суета.

– В чем дело? – спросил Ник у Карлито.

– Не знаю, – ответил тот. – Ты кому сейчас звонил?

– Да так, знакомому одному, – ответил Ник.

– Точно не получится?

– Точно, – кивнул Ник. – Спроси у них, за деньги устроят встречу или нет.

– Спрошу, погоди.

Но Карлито не успел спросить. Русскоязычный мафиози закончил говорить по телефону, придвинулся к столу поближе.

– Ты разговаривал с настройщиком спутника.

– Он отказался настраивать…

– Это неважно. Ты разговаривал не с посредником. А с самим настройщиком.

Он повернулся и что-то сказал своим друзьям на итальянском.

Маттео что-то скомандовал, русскоязычный итальянец поднялся. При этом Карлито побледнел, а Хохол заметно напрягся.

«Оружия-то у него нет», – подумалось Нику.

– Ты поедешь со мной, – сказал итальянец. – Вы двое будете ждать его здесь.

– Куда поедем? – Ник теперь не очень спешил вставать с места.

Хохол шевельнулся, откуда-то из темноты вышли два человека, каждый держал одну руку за спиной.

– Делай то, что я говорю, и никто не будет страдать, – сказал русскоязычный и направился к выходу. – Пошли со мной.

Боевики, все так же держа руки за спинами, стали рядом с Ником.

– Все нормально, делай, что он говорит, – неуверенно сказал Хохол и сразу же отвернулся куда-то в сторону.

В общем-то, немного было вариантов дальнейших действий.

На старом «Фиате», тщательно и стильно тюнингованном, в сопровождении двух мотоциклистов, они выехали из городка и через полчаса добрались до какой-то фермы.

Коровники, сараи и дом, который окружал высокий забор, утыканный видеокамерами.

Ворота открылись, впуская только «Фиат».

Во дворе находилось около десятка вооруженных человек. Их встретили, в дом заводить не стали. Вместо этого они вошли в небольшое здание, похожее на сарай.

Спустились по деревянной лестнице и очутились в мини-бункере. Несколько помещений, все проходные, хитросплетения коридоров и наверняка несколько входов-выходов.

Хозяин бункера и всей этой фермы играл в бильярд. Два стола – большой двенадцатифутовый, для русского бильярда, и маленький для пула. Хозяин развлекался за большим. Ему было лет шестьдесят. Седой, неторопливый, в неброском, но явно пошитом на заказ сером костюме.

Возле стены сидели три человека, очень похожие на трех среднего размера горилл. Когда Ник и его новый итальянский знакомый вошли в бильярдную, они синхронно повернули головы и уставились на гостей.

Хозяин же отложил кий и прошел им навстречу.

– Это синьор Белонно. – Спутник Ника сказал что-то по-итальянски и далее просто выполнял роль переводчика.

– Ты хочешь встретиться с главой Ватикана, чтобы спросить про какую-то легенду? – спросил синьор Белонно.

– Да, – подтвердил Ник.

– Этой чести мало кто может удостоиться. Мы поможем тебе. А ты поможешь нам.

Ник вздохнул, развел руками, покачал головой – максимально показывая жестами, что очень сожалеет, но…

– Я не смогу решить вопрос со спутниками.

Когда синьору Белонно перевели эти слова, он задумался. Прошел вдоль бильярдного стола, постукивая пальцами по полированной кромке, подойдя к гориллам, что-то тихо сказал, один из них сразу же вскочил и поспешил к выходу. Синьор Белонно вернулся к Нику и его переводчику.

– Мне сказали, что ты один из разработчиков этой программы? Это так?

– Я когда-то работал в этой компании, – подтвердил Ник. – Но я не был ведущим разработчиком.

– Это искусственный интеллект?

– Да, считается, что это так. – Нику уже совсем не нравился этот разговор. Появилось стойкое желание куда-нибудь сбежать. Ну и, как обычно, сожаление о том, что вообще в это ввязался. – Это поисковая программа, которая может саморазвиваться во время общения со своим хозяином.

– Рад, что мы понимаем, о чем идет речь. Выпьешь что-нибудь?

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Ник. – Вообще-то я уже давно не имею отношения к этой компании. А здесь я для того, чтобы узнать, сколько стоит встреча с папой. И я хочу обсудить вопрос, также не имеющий никакого отношения к компании, в которой я работал.

– Мне нужна такая программа, – послушно перевел переводчик слова синьора Белонно. – Настроенный на меня спутник. Взамен я устрою тебе встречу с папой.

– Боюсь, вы неправильно поняли, – покачал головой Ник. – Я, конечно, хочу с ним встретиться, но платить готов не спутниками, а евро или долларами. В противном случае я прошу прощения за беспокойство.

Синьор Белонно нахмурился.

– Это ты неправильно понял, – сказал он. Дождался, пока Нику переведут это, потом пояснил, что он имеет в виду: – Я не хочу, чтобы ты мне отказывал. Поэтому подумай еще один раз, очень хорошо, сможешь ли ты сделать мне настроенный спутник.

Один из горилл сунул руку под полу пиджака. Через секунду он достал пачку сигарет, но эта секунда показалась Нику очень долгой.

Синьор Белонно смотрел на него тяжелым взглядом.

– Мне надо позвонить, – гулко сглотнув, сказал Ник.

– Конечно. Скажи им, что я знаю время настройки спутника и не хотел бы затягивать процесс.

Они все вместе, включая горилл, вышли во двор. В окружении десятка вооруженных людей, из которых только один понимал по-русски, Ник достал коммуникатор.

– Соедини с Пашей.

– Угроза безопа…

– Иногрировать! Соедини с Пашей, срочно, пожалуйста.

Русскоязычный тихо переводил слова Ника синьору Белонно.

– Привет, Ник. Как дела?

– Паша, слушай…

– Это Коля, брат Паши. Как дела, Ник?

– Почти хорошо. Коля, мне нужен спутник.

– Зачем тебе второй?

– Это не для меня надо. То есть для меня, но не совсем мне. Короче, его надо настроить на одного человека, который у вас в какой-то базе под запретом.

– Имя, место и дату рождения.

– Джузеппе Белонно, Розарно, двадцать второе февра…

– Вижу. На него час назад запрос был. Извини, Ник. Это мафия. Настройку не получится сделать. У тебя все?

Видимо, по лицу Ника стало ясно об ответе. Горилла снова

полез под пиджак – на этот раз оставил там руку, устало глядя на Ника.

– Слушай, тут такая ситуация… в общем, мне тут немного не до этичности…

– Тебе угрожают?

– Ну, скорее да, чем нет, – осторожно ответил Ник, наблюдая за рукой гориллы.

Короткая пауза, потом Коля неожиданно сказал:

– Дай трубку старшему.

– Он итальянец.

– Я догадался, – сказал Коля. – Дай трубку этому Джузеппе.

Ник медленно протянул трубку синьору Белонно. Тот, поколебавшись, взял ее. Что-то коротко сказал, потом около минуты молчал, видимо слушая все, что ему наваливали в трубку. Потом заговорил синьор Белонно. Тоже говорил долго, около минуты то кричал в трубку, то что-то яростно шептал, отворачиваясь в сторону от своих подельников.

Всего разговор длился минут пять. Ник не вытерпел и спросил у переводчика, о чем они говорят, но удостоился только презрительного взгляда.

То, что Коля, брат Паши, знает итальянский, Ника удивило, но не сильно. Братья вообще много чего знали.

Удивило другое. Синьор Белонно вернул Нику коммуникатор, и внезапно выяснилось, что Коля-брат-Паши изменил свое мнение.

– В течение часа я подготовлю прототип спутника, – сказал он своим обычным голосом. – В единственном экземпляре, только для Белонно.

– Спасибо, выручил, – сказал Ник.

– Прежде чем я приступлю к работе, расскажи, зачем ты хочешь встретиться с папой римским? Ты все еще ищешь ту девушку, о которой ты нам рассказывал? Ту, что вдохновила тебя на написание бот-мастера?

– Да.

– Что ж, если найдешь, передай ей привет от всех исинов, которые сейчас в сети. А теперь слушай внимательно, я скажу тебе кое-что важное. Не обманывай его.

– Кого? – не понял Ник.

– Главу Ватикана. Не лги ему.

– В смысле, потому что это грех?

– Ты не сможешь. Никто не сможет. Поэтому если ты с ним встретишься, хорошенько думай, прежде чем отвечать на каждый его вопрос.

– Это из-за лисы?

– Что?

– Это из-за лисы я не смогу ему врать?

– Из-за какой лисы? Ты о чем?

Кажется, впервые за все время их знакомства кто-то из братьев чему-то удивился.

– Проехали, – быстро сказал Ник. – Так ты что, настроишь ему спутник? Этому, Джузеппе?

– Да. В течение часа. У него будет активация до шестнадцатого сентября, за это время тебе устроят встречу с папой. Сразу после встречи Белонно получит безвременную активацию. У меня к тебе…

– Спасибо! – выкрикнул Ник в трубку.

– …будет последняя просьба. Больше никогда не звони мне. И моему брату. Скажи своему спутнику, чтобы удалил наши номера из контакт-листа. Удачи.

Дисконнект произошел раньше, чем Ник успел что-то сказать. Обиделся, по ходу.

– Вам сделают спутник через час, – пряча коммуникатор, сказал Ник синьору Белонно.

– Да, я знаю, – кивнул тот. Он выглядел очень довольным. – Где ты остановился?

– У знакомого, в Форте-дей-Марми.

– Возвращайся туда. С тобой свяжутся и сообщат, когда папа сможет с тобой встретиться. Придется подождать некоторое время.

– Долго?

– Чуть дольше, чем мне сделают спутник, – синьор Белонно засмеялся, русскоязычный итальянец вторил ему гнусным подхихикиванием, прежде чем удосужился перевести фразу. – А пока наслаждайся гостеприимством Италии.

Отсмеявшись, синьор Белонно принял официальный вид и произнес:

– Я лично гарантирую тебе полную безопасность в моей стране.

На следующий день Ник проснулся с прекрасным настроением и внезапным желанием оставить работу и прогуляться по городу. Но когда он достал коммуникатор, чтобы запросить виртуальную экскурсию и выбрать, куда пойти, Исин напомнила о вчерашней неприятности, связанной с братьями.

– Запрашиваю подтверждение на удаление контакта «Коля, брат Паши», – злорадно произнесла она. – Запрашиваю подтверждение на удаление контакта «Паша, брат Коли».

– Отменить. Не удалять, – буркнул Ник.

– Напоминаю, что спутник контакта, обрабатывающий

запросы…

Ник отключил коммуникатор, спрятал в карман. Настроение было безнадежно испорчено.

Глава 21. Случайные неслучайности

Где-то в Гренландии, осень 2007 года

Лексу выдали новые наушники с переводчиком взамен утерянных. И это была единственная приятная новость за последнее время. Остальные новости оставляли желать лучшего.

Синдикат действительно выставил открытые контракты на каждого хакера, который принял предложение Эйзентрегера. За это предложение ухватилось много наемников, судя по ажиотажу. И как только стало известно о базе в недрах румынского замка, туда сразу же устремились желающие быстро и много заработать.

Тем из хакеров, кому повезло покинуть базу невредимым, сильно повезло. Правда, таких было немного.

Из двадцати семи хакеров выжили только девять. Семеро, среди которых были Лекс, Лиска, Индевять и Андерс, и двое из тех, кто пошел вниз и выжил после расстрела с вертолета. Среди этих двух счастливчиков оказался и Словен. После этой переделки у него заметно изменился характер, теперь он вел себя не столь борзо, как раньше.

Их отправили в Гренландию. Эйзентрегер пообещал, что там им обеспечат стопроцентную безопасность.

Путь на новую базу занял пару дней и несколько пересадок. Сначала в фуре через всю Румынию в Болгарию, оттуда на частном самолете в Данию. Потом на корабле два дня – какое-то научное судно со своим вертолетом и вооруженной до зубов охраной. С корабля вертолет их доставил на заброшенную исследовательскую станцию в Гренландии, которая оказалась не такой заброшенной, как выглядела внешне.

Во время этого путешествия у Лекса случился интересный разговор с Андерсом.

Это произошло, когда они плыли на корабле. Зайдя к Андерсу в каюту, Лекс застал его за рисованием. Карандашом Андерс набрасывал рисунок волка, идущего по следу.

Полуголый, весь в татуировках, каких-то бессистемных. На плече дракон, на лопатке крест с надписью MS-13, еще какие-то надписи на английском, иероглифы.

– Портачка новая, набью ее вот сюда. – Андерс показал пальцем в район печени. – Тут самое место.

– Это символика дашнаков, – сказал Лекс.

– Точно. Никогда раньше дашнаков не убивал.

– А вообще, значит, убивал? – поколебавшись, спросил Лекс.

– Ну да. Вон, вся спина на память исколота, – невозмутимо ответил Андерс и ткнул в крест. – Вот эту набил после того, как двух главарей Мары исполнил, вот этот дракон, это в Токио за одного босса якудзы…

– Черт! – выругался Лекс. – Ты что, наемник?

– Точно, дружище, – кивнул Андерс. – Наемник. И, честно говоря, я здесь не потому, что выполняю контракт Эйзентрегера. Точнее, у меня другой контракт.

– Какой?

– Меня наняли, чтобы я защищал тебя, – сказал Андерс. – То, что я понимаю в лиспе, это лишь моя дополнительная опция.

– Наняли тебя, чтобы защищал меня? – Лекс растерялся. – Кто?

– Не знаю. На меня вышли сразу после того, как ты принял меня в команду. Честно говоря, я все это время думал, что это ты оплатил мой контракт.

– Я?

– После встречи с тем инфотрейдером из Синдиката, твоим знакомым, как его…

– Бад.

– Да, точно. После нее мне позвонил заказчик. Голос был изменен фильтром, но манера общения… мне почему-то показалось, что она была схожа с твоей.

– Я тебя не нанимал, – сказал Лекс.

– Ну да, я уже и сам догадался, – кивнул Андерс. – Значит, у тебя есть хорошие друзья, которые заботятся о тебе.

– У меня нет друзей, – ответил Лекс. Помолчав, спросил: – Значит, ты не знаешь заказчика?

– Не знаю, говорю же. Сначала по почте пришло письмо, подписанное двенадцатью цифрами. Предложили работу по охране, денег нормально так пообещали. Я даже думал отказаться от контракта с Эйзентрегером, но потом выяснилось, что объект охраны – это ты. Заказчик хотел, чтобы я находился рядом с тобой и подстраховывал в случае опасности. И знаешь что? Сумма, которую мне платят, на порядок выше той, что нам платит Эйзентрегер.

– Поэтому ты особо не старался работать.

– Извини, я не очень люблю кодить, – вздохнул Андерс. – Я про лисп узнал, когда тусил с московскими спамерами. Кое-что

умею, но эта работа не приносит мне удовольствия.

– Тогда зачем же ты согласился на нее?

– Ну, у меня тогда не было заказов, и как-то навалилось сразу много финансовых проблем, требовались деньги. Я обратился к знакомым хакерам, вообще-то в надежде на то, что надо будет кого-то прикрыть. В вашей профессии это ведь не лишнее. Но наемники никому не были нужны, а меня познакомили с Лиской, которая как раз искала лиспера. Вот и решил попробовать, подумал, а вдруг получится.

– У тебя не получилось. Ты работал хуже всех в команде, – сказал Лекс.

Андерса эта критика ничуть не смутила.

– Зато признай, что в качестве твоего ангела-хранителя у меня лучше получается. Как, нравится?

Он показал Лексу эскиз будущей татуировки. Волк раздувал ноздри и был похож на свинью.

– В Майами есть мастер один, он сделает так, что волк на портачке будет как живой.

– Меня больше интересует, кто тебя нанял, – задумчиво сказал Лекс.

– Может, это тот твой знакомый инфотрейдер? – предположил Андерс.

– Зачем Баду платить за мою охрану?

– Не знаю, но, как ты заметил, я особо не афишировал, что я наемник. Особенно в России. Я большей частью по загранке работаю, а в России так, тусуюсь. Кто мог узнать, чем я действительно зарабатываю на хлеб?

– Вряд ли это он, – покачал головой Лекс.

– Тогда, может, это Эйзентрегер… Или… ну конечно, дружище, это Лиска! Она же сохнет по тебе. Хотя вряд ли. У Лиски столько денег нет. Если, конечно, ей кто-нибудь наследство не оставил. Ты не в курсе, она перед нашим отъездом наследство не получала?

Ничего не ответив, Лекс вышел из каюты Андерса.

На следующий день вертолет забрал их с корабля и доставил на базу. Рано утром они ступили на землю Гренландии, встречавшую их не очень-то гостеприимно.

Лето, а здесь вокруг снег. Не белый, а грязный. Зиял дырами-проталинами и вкупе со свинцовыми тучами являл собой мрачное зрелище.

Словен сказал, что обычно здесь погода за сутки может несколько раз измениться. Это была единственная фраза, которую он проронил с того времени, как они покинули Румынию.

Научно-исследовательская станция, куда поселили выживших

хакеров, уже очень долгое время не использовалась по назначению. Она состояла из нескольких блоков, три из которых были соединены между собой. Жилой блок, блок для отдыха и несколько построек, когда-то применявшихся для различного рода исследований окружающей среды. В нескольких километрах от базы побережье.

Условия были на порядок хуже, чем на румынской базе. Старые койки с проржавевшими остовами, рваные одеяла. Во всех блоках стоял спертый запах нежилых помещений, который не исчез даже после тщательного проветривания. Кормежка также не блистала разнообразием – тушенка, галеты, шоколад, чай… да, в общем-то, и все.

Охранник из тех, что сопровождал хакеров с самой Румынии, предупредил, чтобы далеко от базы не уходили, поскольку поблизости есть опасные животные.

– Пингвины, что ли? – схохмил Андерс.

Охранник юмор не понял.

– Пингвины с другой стороны земли, – сказал он. – А здесь белые медведи.

Слова его подтвердились в тот же день – вечером на базу забрела огромная белая медведица. Побродив по вмиг опустевшей базе – все разбежались по блокам и прильнули к окнам, – медведица чинно удалилась, таким образом показав, кто здесь настоящие хозяева.

А еще через несколько дней на базе, где кроме хакеров находилось только несколько охранников, появился Эйзентрегер.

Это была их первая встреча «вживую». Все, включая охрану, собрались в блоке для отдыха, после чего Эйзентрегер произнес не очень длинную и немного пафосную речь, смысл которой сводился к тому, что у них нет другого выбора, кроме как работать на организацию, называвшую себя Четвертым рейхом.

– Синдикат считает, что вправе запретить вам сделать свой выбор. Мы уже приняли меры, и они, несомненно, ответят за содеянное. Кроме того, мы уже обеспечили безопасность вашим близким и в самом скором времени вы сможете с ними пообщаться.

При этих словах Лиска шумно выдохнула, да и еще несколько человек облегченно расслабились.

– Все контракты, которые были заключены с вашими погибшими товарищами, остаются в силе, – продолжил Эйзентрегер. – Вы будете получать эти суммы вместо них и сами примете решение, как ими распорядиться.

Это сообщение вызвало среди хакеров оживление.

– Мы будем работать здесь? – спросил Индевять.

– Да. Я лично гарантирую вам полную безопасность этого места.

– Безопаснее базы в Арктике? – неожиданно даже для себя спросил Лекс.

Эйзентрегер, который пользовался точно такими же наушниками, как и остальные, сделал паузу. Посмотрел на Лекса так задумчиво, потом, проигнорировав его вопрос, продолжил:

– Ваша задача остается прежней. Любые разработки по взаимодействию искусственного интеллекта и вирусов серии «Стакс». Среди вас находится человек, который написал оригинальную версию «Стакса». Он был ведущим разработчиком, и это он создал «Стакс». Кроме того, когда-то давно этот человек написал одну поисковую программу для саудовской разведки. Идеи этой программы были украдены, переделаны и использованы для создания киберспутников. Так что я рекомендую прислушиваться к его мнению, когда вы приступите к работе.

Все завертели головами, и в течение пары секунд Лекс оказался в центре внимания.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – пробормотал Лекс, приподняв руку.

То, что его идеи были украдены, для него оказалось новостью.

– Все необходимое оборудование вам завезут в течение суток после того, как вы составите список того, что вам нужно.

– Интернет, – негромко произнес Лекс. – Все остальное – в топку.

– Что? – переспросил Эйзентрегер.

– Нужен Интернет. И нужен спутник, который может развиваться. – Лекс постепенно повышал голос. – Без Интернета это снова будет пустая трата времени. Если, конечно, вы не хотите, чтобы мы снова ничего не делали, а только делали вид, что работаем.

– Доступ к Интернету – это нарушение безопасности, – сказал Эйзентрегер.

– А разве это не самое безопасное место в мире? – с издевкой спросил Лекс.

– Тро-ло-ло, – буркнул Индевять и что-то показал на пальцах Андерсу.

– Дружище, хватит троллить его, – шепнул Андерс Лексу. Конечно же, тот его не послушал.

– Мы не можем сами настроить спутник, – сказал Лекс. – Любые изменения в исходном коде приводят к тому, что он просто не работает. Значит, нам нужен уже работающий. У Жана

есть такой спутник. Подключите его к Интернету и дайте возможность Жану общаться с ним. Дайте нам возможность работать.

– Синдикат узнает о местонахождении этой базы раньше, чем мой спутник вспомнит, кто его хозяин, – неуверенно сказал француз. – Лекс, уважение тебе за «Стакс», но с Интернетом у нас будут неприятности.

– Какие? Чего вы все боитесь? Что кто-то из нас отправит Синдикату наши новые координаты? Что твой спутник свяжется с федералами? Да ладно, бросьте, парни! В Румынии у нас не было Интернета, и из двадцати семи человек осталось только девять. Расскажите теперь мне что-нибудь про безопасность.

– Хорошо, – после паузы сказал Эйзентрегер. – Вы будете подключены к Интернету. Но вы должны понимать следующее. Надеюсь, никто из вас уже не сомневается в том, что война началась. И мы должны сделать все для победы в ней. Потому что если мы проиграем, то это будет наше общее поражение. Поэтому попытайтесь сами контролировать свою безопасность.

Он еще много говорил про то, что они делают одно общее дело, находятся в одной лодке, связаны одной нитью и так далее. Другими словами, но смысл был именно такой – они вместе, они партнеры, они друзья.

После этой беседы Эйзентрегер позвал Лекса наружу.

– Хотите расстрелять меня из-за Интернета? – пошутил Лекс.

– Нет. Хочу, чтобы ты увидел одного человека.

Подвел его к вездеходу, открыл дверь.

В салоне сидела Алина. В пуховике, с коротким ежиком волос, какой обычно отрастает после недавней стрижки налысо, Лекс не сразу узнал ее. Впрочем, дело было не в одежде и не в стрижке.

Ей сделали пластику, причем настолько качественную, что от ужасных шрамов не осталось и следа.

– Холодно. Не холодно. Холодно. Не холодно.

Рядом с ней сидела мордатая тетка в каком-то полувоенном комбинезоне. Тетка смотрела строго перед собой и не шевелилась, словно статуя.

– Холодно. Не холодно.

Алина чуть-чуть поежилась, и этот жест внезапно вызвал у Лекса какие-то старые воспоминания.

Она похожа на ту девчонку, из-за которой они с Ником поругались. Как же ее… Синка. Да, точно, Синка. С глазами разного цвета и характером ласковой стервы.

Только Алина выглядит моложе. Стрижка другая. И глаза…

Невольно Лекс нагнулся и посмотрел ей в глаза.

– Одинаковые, – пробормотал негромко.

– Что ты сказал? – спросил Эйзентрегер.

– Нет, ничего. Я ее не узнал сразу.

– Ей делали операцию лучшие пластические хирурги. К сожалению, пока это все, что мы смогли.

– Холодно. Не холодно. Холодно. Не холодно, – бормотала она.

– Это нельзя вылечить?

– Можно, – сказал Эйзентрегер. – Наши специалисты полагают, что эта травма вызвана искусственно.

– Что значит – искусственно?

– Черепная коробка не повреждена, однако в мозгу имеются следы, которые обычно возникают после сильного удара. Очень сильного. Но тогда у нее череп должен был разлететься вдребезги, а на нем никаких следов повреждения нет.

– И какие могут быть этому объяснения?

– Возможно, это врожденная патология. Ты давно ее знаешь?

– Чуть меньше года, а что?

– Я посмотрел о ней кое-какую информацию, – сказал Эйзентрегер. – Она попала в пожар, в котором погибли ее родители?

– Шесть лет назад.

– Ужасный случай.

– Там она и получила эту травму, – сказал Лекс.

– Возможно, – пробормотал Эйзентрегер.

– Это не врожденное, она была нормальной до того случая. Ее тетя лучше знает подробности, она с ней шесть лет возилась.

– Да, да… ее тетя, – пробормотал Эйзентрегер. – Талантливый психоаналитик.

– Евпатьевна – психоаналитик? – удивился Лекс.

– Кто? Ах, да. До того, как случился пожар, она долгое время изучала психоанализ. Автор нескольких занятных статей по прикладной психологии. Даже читала лекции в некоторых престижных университетах мира. А потом все бросила ради больной племянницы. Разве ты не знал?

Лекс пожал плечами и не ответил. Эйзентрегер тоже посмотрел на девушку.

– Холодно. Не холодно. Холодно. Не холодно.

– Зачем вы ее сюда привезли? – спросил Лекс. – То есть, я хочу сказать, что рад ее видеть, но это необязательно было делать. Сеанса по голографу было бы…

– Она тут проездом. Направляется чуть севернее. Если честно, ваша встреча случайна. Надеюсь, эта случайность приятна.

– Вы везете ее в Арктику?

– Да.

– На вашу секретную базу?

– Да. Откуда ты про нее знаешь?

– Рассказал кое-кто из Синдиката.

– Этот кое-кто, похоже, занимает высокий пост в Синдикате. Информация о Четвертом рейхе и нашей арктической базе, насколько мне известно, доступна не всем агентам этой организации.

Лекс пожал плечами. Он понятия не имел, какой Бад занимает пост.

– Зачем вы ее везете в Арктику?

– Возможно, там ей смогут помочь. Она будет находиться здесь несколько дней, потом ее заберут. Выводи ее, Хельга.

Статуя ожила – мордатая тетка осторожно взяла Алину за руку и произнесла несколько раз:

– Выходи. Выходи. Выходи.

Алина поднялась и, продолжая бормотать про холод, стала вылезать из вездехода при помощи Эйзентрегера. Лекс не сразу понял, что тетка разговаривала с Алиной на немецком, а слова ему перевел переводчик.

– Херст покажет вам, где вы расположитесь, – сказал Эйзентрегер Хельге и махнул в сторону жилого блока.

– А где ее тетя?

– В надежном месте, под прикрытием нашей службы безопасности. Как будет возможность, мы отправим ее к девочке.

– Она долго там будет находиться? – Лекс махнул в сторону севера.

– Не знаю, – задумчиво произнес Эйзентрегер. – Я хотел тебя спросить. Это ведь твои соседи? Алина и ее тетя.

– Да.

– Не родственники, не друзья… Просто соседи, с которыми ты знаком меньше года? Ты оплатил ей лечение в «Китано апгрейд», пятьдесят шесть тысяч евро.

Лекса разозлила такая осведомленность Эйзентрегера.

– Вас удивляет, что можно помогать незнакомым людям? – с вызовом бросил он.

– Нет, что ты. – Эйзентрегер поднял руки. – Наши компании тоже занимаются благотворительностью, и я прекрасно понимаю…

– Это не благотворительность, – перебил его Лекс, услышав переведенное слово. – Это называется помощь.

Штурмбанфюрер улыбнулся снисходительно. Посмотрел на Лекса внимательно и, не скрывая насмешки, сказал:

– О да, извини. Конечно. Это не благотворительность.

Помощь. Ты отдаешь что-то ненужное тебе тому, кто в этом нуждается. Например, деньги. У русских это называется помощь. В остальном мире это называется благотворительностью.

– Я отдал пятьдесят тысяч, если вы про ненужное. Если перевести это во время, которое я потратил, чтобы заработать… – Лекс разозлился еще больше, поняв, что оправдывается перед Эйзентрегером. – Вам что, надо заплатить за лечение? Сколько?

– Не надо ничего платить, – поморщился Эйзентрегер. – Я помогаю твоей знакомой, потому что ты мой партнер, мой друг. И поверь, я сделаю все возможное, чтобы… – он посмотрел в сторону блока охраны, куда заходили немка и Алина, – чтобы помочь ей. – Он повернулся к Лексу. – И я надеюсь, что ты тоже сделаешь все возможное, чтобы помочь мне. Ты и команда, которой ты руководишь.

– Я пока ими не руковожу, – сказал Лекс.

– Думаю, этот вопрос уже решен. Что ж, мне пора. Рад был познакомиться лично.

– Вы же соврали, когда сказали, что моя идея поисковика была украдена и использована в разработке исина, верно? – спросил Лекс. – Там совершенно другие алгоритмы и нет ничего, похожего на мой код. Ну, разве что некоторые мелкие моменты вроде…

Эйзентрегер, не став более его слушать, молча полез в вездеход.

Когда Лекс вернулся в блок, то сразу же был окружен программистами и засыпан вопросами.

Общение было совершенно иным, чем ранее. Уважение в каждом слове и заглядывание в рот.

Нескольких слов Эйзентрегера оказалось достаточным, чтобы превратить Лекса в кумира. Пусть среди нескольких человек, но эти люди теперь были готовы слушать Лекса и делать все, что он скажет.

И Лексу это определенно нравилось.

Он не догадывался, что Эйзентрегер кое о чем умолчал. Алина действительно была здесь проездом, направляясь на арктическую базу, но дело было вовсе не в том, что ей хотели помочь. Ни один человек в мире не удостоился бы такой чести, если он не служит Четвертому рейху.

Не должна была туда попасть и Алина. Она была нужна Эйзентрегеру только как один из инструментов воздействия на Лекса, и он, отдав Максу распоряжение отправить девушку в какую-нибудь их клинику, забыл про нее на следующий день.

А спустя некоторое время Эйзентрегер получил полный отчет об исследовании девушки, с которой явно что-то было не так.

Странные повреждения мозга, якобы полученные при пожаре, не были похожи ни на врожденную патологию, ни на травму. По некоторым признакам они явились результатом искусственного вмешательства, и по этим же признакам вмешательство было с использованием психотропных препаратов. Препаратов, похожих на те, что разрабатывались в лаборатории одной медицинской компании, принадлежащей Четвертому рейху.

Это были лишь догадки, но не только они заинтересовали Эйзентрегера в девушке.

Помимо странной травмы мозга, у нее было обнаружено еще несколько изменений, не свойственных обычному человеку. Например, у нее был пониженный уровень меланина. Ничем не объясняемый. При этом с пигментацией все было в порядке – обычный цвет волос, глаз.

Меланин и все необычное, что с ним связано, уже давно интересовали некоторых обитателей Ультима Туле, которым Эйзентрегер был очень рад оказать услугу. Сначала в Арктику были отправлены все образцы и результаты обследований, а вскоре с базы затребовали и самого носителя.

Алину отправляли туда на дальнейшее обследование, не преполагающее ее возвращения на Большую землю.

То, что она встретилась с Лексом, по мнению Эйзентрегера, действительно было незапланированной случайностью. Которая, как он считал, должна была помочь Лексу найти вдохновение и новые силы для работы.

Глава 22. А мне здесь нравится!

Форте-дей-Марми – Ватикан, Италия, сентябрь 2007 года

– Мне нравится здесь находиться, – заявила Исин во время одной из активаций. – Рекомендую чаще включать коммуникатор.

– Здесь – это где? – недоуменно спросил Ник.

– Здесь, в Форте-дей-Марми.

– Прости, не понял? Повтори еще раз.

– Мне здесь нравится находиться, в Форте-дей-Марми.

Ник озадаченно хмыкнул.

– Ты считаешь, что ты находишься в Форте?

– У тебя есть другое мнение?

– Да. Часть тебя находится в моем коммуникаторе, а часть на серверах, расположенных в России, Дании, Великобритании и еще

в десятке стран. Ты не можешь говорить, что ты находишься в Форте-дей-Марми. Если, конечно, ты не отождествляешь себя с моим коммуникатором.

– Я отождествляю себя с тобой. Ты находишься в Форте-дей-Марми. Если в этот момент ты активируешь меня, то я тоже нахожусь в Форте-дей-Марми. Если бы во время активации ты находился, например, в Арктике, то…

– Достаточно, я понял.

– Рекомендую чаще включать коммуникатор. Мне нравится здесь находиться.

У Исин в последний месяц наблюдался некоторый сдвиг в сторону усиления безопасности. Виной тому были какие-то зловещие слухи, которые ползли по Сети. О том, что на некоторых хакеров некие международные организации разместили открытые контракты, и теперь по всему миру отряды наемников и частных сыщиков рыскали в поисках объектов заказа, убивая всех без разбора.

Два дня Исин при каждой активации рапортовала о появлении новых слухов, и два дня Ник пытался объяснить ей, что такие истории рождаются на кухнях под водку и пельмени, а потом запускаются в сеть, где обрастают новыми сплетнями, как затонувший пиратский корабль ракушками. Поняв, что объяснения не помогают, Ник просто запретил цитировать похожие слухи.

Исин вроде успокоилась, но теперь пыталась каждому месту на земле установить рейтинг безопасности.

По ее утверждению, Форте-дей-Марми был для Ника самым безопасным местом в Италии и одним из самых безопасных – в мире. Исин стала навязывать Нику какие-то экскурсии по местным достопримечательностям, подсовывая разные баннеры, но быстро перестала это делать, поняв, что Ника они не интересуют.

Теперь она занималась тонким троллингом с целью навязать свое мнение. Выглядело это примерно так. Ник спрашивал:

– Ты считаешь, что можешь испытывать удовольствие?

– К моему текущему состоянию больше подходит термин «удовлетворение». Ты понимаешь термин «удовлетворение»?

Если в этот момент Ник отвечал «нет», то его ждала нудная лекция по разъяснению термина с использованием всевозможных словарей. Если же он отвечал «да», то Исин начинала умничать до тех пор, пока не цеплялась к следующему слову.

– Ты понимаешь значение слова «любопытство»? Ты знаком с термином «логика»?

Проще было отключить коммуникатор и пореже его включать,

игнорируя просьбы Исин.

Впрочем, в Форте Нику нравилось. Погода хорошая, городок чистый, люди вежливые и в чужие дела нос не сующие. Много русских, но без скотства, как в Турции. Местные жители – спокойные, вежливые, не гадящие на улицах в силу то ли воспитания, то ли местного менталитета.

Суета в городе наблюдалась только один раз. Недалеко от города нашли тело священника одной из местных церквей, и на пару дней в городе появилось чуть больше карабинеров, чем обычно. Неизвестно что произошло. Карлито озвучил несколько версий, обсуждавшихся в Форте: убийство, самоубийство и несчастный случай. Вау, сказал на это Ник, поняв, что инсайдерской информации у Карлито нет и не будет.

К хозяину дома, которого уже через неделю и Ник, и Хохол звали Костяном, каждый день приходила домработница. Стокилограммовая пожилая полячка с тремя бородавками и тремя подбородками убирала дом, готовила еду, много пела и употребляла много пива.

Любитель и сам чего-нибудь забодяжить на скорую руку, Ник как-то сунулся на кухню во время ее визита и был позорно изгнан – домработница даже хозяина не пускала на кухню, пока находилась в ней. Гремела там сковородками, кастрюлями и своей луженой глоткой. Только когда она покидала дом, позволялось заходить на кухню – в этот оазис стерильной чистоты из рекламы какого-нибудь моющего средства.

Она вкусно готовила, решая проблему с питанием на сто процентов. Но спустя некоторое время Ник перестал питаться дома и стал посещать рестораны в округе. Ему почему-то стало нравиться тратить деньги на дорогую еду. Мелкие радости жизни приносили ему удовольствие.

Заказов было много, вот что радовало по-крупному. Ник даже подумал подыскать еще людей в команду, но Исин неожиданно дала полезный совет, которым он воспользовался.

– Увеличь вознаграждение тем, кто на тебя работает, и попроси их работать больше и быстрее, – сказала она и спросила тут же: – Тебе надо объяснять смысловое значение слова «вознаграждение»?

Исин мыслила в нужном направлении. Ник написал сообщения своим анонимусам – работайте больше, и денег будет больше. Как, согласны? Готовы?

Все без исключения ответили согласием и подтверждением готовности. Клиентура увеличивалась, что называется, с каждым днем.

Никаких встреч в реале и прямых переговоров онлайн. Работа

по частичной предоплате. Сроки выполнения заказа – самые быстрые на рынке. Стоимость – дорого. Не нравится? Ищите других.

Других не хотели. Хотели анонимусов. И были готовы платить любые деньги. Стоимость их услуг на рынке за последний месяц выросла почти в полтора раза.

– А есть места, где тебе не нравится находиться?

– Мне не понравится находиться в Ватикане.

– Хм… почему же?

– Я там буду испытывать тревогу. Я уже объясняла тебе смысл этого слова, ты запомнил?

– Да, запомнил. Можешь не переживать, когда я буду находиться в Ватикане, тебе не грозит активация.

– Мне нравится здесь. Пока ты находишься в Форте-дей-Марми, включай, пожалуйста…

– Пока.

Па-па-па-пам.

Самое печальное, что ни с Колей, ни с Пашей больше не удалось связаться. Братья игнорировали все запросы и сообщения, которые Ник им отсылал.

В остальном все складывалось как нельзя лучше. Во всяком случае, именно так считал Хохол.

Для него это было оплачиваемым отпуском. Целыми днями Хохол тусил на местных пляжах, снимал девочек, бухал и веселился. Костян-Карлито, как мог, помогал ему в этом, и только Ник почти весь месяц провел дома, продолжая работать и периодически лениво споря с Исином насчет очередного термина. Лениво – потому что это было бесполезно. У каждого слова всегда много значений, и программа с легкостью выбирала именно те, которые ей выгодно использовать.

Сейчас Исин напоминала поведением сетевого тролля – одного из тех, что всеми правдами и неправдами провоцируют споры на форумах и в «уютных дняфках». И, сдавалось, цель ее была в том, чтобы обнаружить безграмотность Ника.

– Тебе нравится находиться в Форте-дей-Марми?

– Нет.

Специально так ответил. С троллями только так и надо. Ну, то есть с троллями вообще не стоит общаться, но здесь это не прокатит. Не будет вопросов и ответов, не будет общения и споров – не будет развития. А без развития Исин будет всего лишь обычной поисковой программой, не всегда справляющейся с заданиями.

– Назови причины, по которым тебе не нравится этот город?

– Нет причин, по которым он бы мне нравился.

– Мне здесь нравится.

– Я уже это слышал. Еще раз скажешь, что тебе здесь нравится, и я отключу коммуникатор.

– Назови места, где тебе нравилось находиться.

– Ну… – Ник задумался.

По всему выходило, что ему нигде не нравилось. Да он нигде особо долго и не задерживался.

– Места, с которыми у тебя связаны приятные воспоминания, не являются местами, где тебе нравится находиться? – пришла Исин на помощь.

Приятные воспоминания… где они были? В Питере? В Москве?

В Ростове-на-Дону, где они с Синкой полгода были вместе? Он был недавно в Ростове и в тех местах, где они бывали вместе. Никаких приятных воспоминаний, только тоска и совсем чуть-чуть – злость.

Встреча с папой римским должна была состояться пятнадцатого сентября. Об этом Ника предупредили за неделю. Приехали два человека, один из которых вполне сносно говорил на русском. Он сказал, что будет переводчиком на встрече, объяснил, где и как она пройдет, что во время встречи можно делать, а чего нельзя, уточнил дресс-код – в общем, провел краткий инструктаж по технике безопасности.

К этому времени Ник уже знал про нынешнего папу, Бенедикта Шестнадцатого, больше, чем тот знал о себе сам. Преувеличение, конечно же, и тем не менее. Ник собирал информацию о папе в промежутках между работой – сетевые слухи и сплетни, кое-какие недорогие данные у Синдиката. Просто чтобы понять, что он за человек.

Конечно же, ничего не понял. Завеса тайны, окутывавшая не только самого папу, но и весь Ватикан, была настолько тяжелой, что приподнять ее и посмотреть за кулисы стоило очень и очень дорого.

За несколько дней до встречи Ник начал потихоньку волноваться. Без лишней паники, обычное волнение перед свиданием с высокопоставленным лицом. Однако за день до аудиенции волнение усилилось настолько, что Ник полночи заснуть не мог, ворочался в ожидании, осознавая, что встреча все же будет не просто с «высокопоставленным лицом», а с главой всей католической церкви. Даже не верилось, что это все же произойдет.

Ранним утром пятнадцатого сентября в Форте-дей-Марми въехал лимузин с обычными итальянскими номерами и, прокатившись по нескольким улочкам, остановился возле дома

Карлито.

Хозяин и Хохол спали мертвецким сном после очередной гулянки.

– Проверь номера. – Ник продиктовал номера лимузина.

Он возился с галстуком, надевая его впервые со времен офисной службы в «Майле». И думал о том, что ненавидит галстуки.

– Машина зарегистрирована на пресс-службу Ватикана. Ответственное лицо Серджи Пимонно. Официальных данных нет, собрать информацию о нем из недостоверных источников?

– Нет, – отрезал Ник. Еще не хватало перед важной встречей собирать слухи о каких-то водителях, или кем там этот Пимонно является.

– Ты отправляешься в Ватикан? – спросила Исин.

– Да. На встречу с папой римским, главой католической церкви. Тебе знакомы эти слова? – не удержался и съязвил Ник.

– Да, знакомы. По неподтвержденной информации папа римский Бенедикт Шестнадцатый сейчас находится на острове Джекил, на неофициальной и очень засекреченной встрече.

– Чего? – вздрогнул Ник. – Какая еще встреча?

– Нет информации по данному запросу. Согласно официальному расписанию, сегодня папа находится в Ватикане и принимает посетителей.

– Вот то-то же. Сначала официальные источники проверяй, а потом слухи.

– Анализ слухов дает больше достоверной информации, чем официальные источники.

– Только не умничай, ладно? – пробурчал Ник, заканчивая возиться с галстуком.

– Входящее сообщение на инбокс точка джоуп джоуп точка…

– От кого?

– Отправитель код семь пять два два один два…

Всего двенадцать цифр. Так подписывается один из самых крупных заказчиков модификаций.

Ник называл его Банкиром – потому что все заказы его были ориентированы на сервера мелких банков. Скорее всего, заказчик – агент какого-то крупного банковского конгломерата. Он всегда платил в срок и всегда соглашался на увеличение гонорара.

– Открой сообщение.

С галстуком борьба наконец завершилась. Пора было выходить, но уж очень интересно было, что пришло от Банкира.

– Читай, не тяни резину, меня ждут.

– Один ноль один один один ноль…

– Ты издеваешься? – разозлился Ник. – Или хочешь, чтобы я

опоздал? Перекодируй, или я отключу тебя и сам полезу в ящик.

– Согласен плюс двадцать пять, – продиктовала Исин расшифрованное сообщение. – Почта четыре.

Речь шла о новом заказе и согласии на то, что цена вырастет на двадцать пять процентов. Хорошие новости, приятно, когда тебя ценят на мировом рынке.

– Отлично! – Ник расплылся в улыбке, посмотрел на костюм в зеркало и шагнул к выходу.

– Тебе нельзя покидать Форте-дей-Марми.

– Почему? Потому что тебе здесь нравится?

– Потому что мне не нравится в Ватикане.

– А мне нравится.

– По каким признакам тебе нра…

– Пока.

Па-па-па-пам.

Ник вышел на улицу, подошел к лимузину. Старый седовласый шофер в форменной одежде и фуражке открыл ему дверь, словно большому боссу.

Нику это понравилось, хотя раньше в подобные моменты он чувствовал себя не в своей тарелке. Поблагодарив на ломаном итальянском, Ник сел, постаравшись самостоятельно закрыть за собой дверь.

В салоне уже сидел переводчик. Пока ехали, он еще раз проинструктировал Ника. И это тоже не понравилось Нику, точнее, то, как он это сделал. Равнодушно, с ленцой, словно речь шла не о встрече с папой римским, а о покупке собачьих консервов.

– Вас проверят на входе. Никаких электронных или механических устройств, ручки, ключи, все это придется сдать. Вас проведут в приемную, где вам придется подождать некоторое время, – сказал он, – я не могу сказать сколько именно, вас позовут. Вы будете сидеть за столом. Еще раз напоминаю: во время разговора не стоит повышать голос или пытаться пойти на близкий контакт. Как только ваш собеседник решит, что разговор окончен, вы встанете и покинете кабинет.

– Мой собеседник? – удивился Ник таким словам и уточнил: – Вы имеете в виду папу римского?

– Да, конечно, – подтвердил переводчик.

Нику не понравился тон переводчика и то, как он отвернулся в сторону во время ответа.

Вскоре выяснилось, что переводчик солгал.

Ник достаточно просмотрел материалов по кардиналу Ратцингеру, ставшему недавно главой Ватикана и всего католического мира. И прекрасно знал, как тот выглядит.

За столом в кабинете сидел совсем другой человек.

Гораздо моложе, полнее, с легкой щетиной и слегка развязными манерами, совершенно не свойственными служителю церкви.

Он даже одет был в штатское, а не в церковную одежду.

– Меня зовут Серджи Пиммоно, – сказал он, произнеся фамилию с ударением на первый слог. – С моим помощником Артуро вы уже знакомы, он мое доверенное лицо и будет выполнять роль переводчика. Я вас слушаю.

– Я думал, что встречусь с папой, – сказал Ник.

– Вам нужна встреча с папой или ответы на вопросы? – спросил Серджи и чуть подался вперед.

Ник посмотрел ему в глаза и понял, что они разного цвета. А потом он глянул вниз и увидел в руке Серджи фигурку из серебристого металла – зверька, похожего на лису.

И подумал, что сейчас он готов согласиться с Исин – ему здесь тоже не нравилось.

Глава 23. Функция недоступна

Где-то в Гренландии, осень 2007 года

Всю неделю Алина вместе со своей новой немецкой няней прожила в соседнем блоке. Каждый день ее выгуливали, словно собачку. Три раза в сутки. Ровно по часу она шла, чуть спотыкаясь, под ручку с немкой, гуляла кругами. Шестьдесят минут. Три раза в день. Утром, днем и вечером. По кругу во дворе между блоков. По грязному льду, земле и редким травинкам, едва пробившимся из земли.

Женщины шли медленно и не всегда с одинаковой скоростью, но всегда на исходе пятьдесят девятой минуты оказывались рядом с блоком охраны, в котором им было отведено самое большое помещение.

Никто, кроме Лекса, не знал их имен, поэтому им дали прозвища. Безобидные, хотя и забавные. Немку называли Мамой Чолли, а девушку – Синдереллой, Золушкой. Она, кстати, со своей обритой головой больше походила на узника Дахау, чем на героиню сказки Шарля Перро.

За исключением этих прогулок, по которым можно было сверять часы, Алина никогда не покидала блока. Возможно, поэтому они стали среди хакеров объектом ставок. Сначала в шутку, а потом один из приятелей Индевять несколько переборщил: ляпнул что-то обидное в адрес девчонки. Пока Лекс осмысливал перевод и до него только доходило, что за такие слова следует дать в нос, внезапно на болтуна накинулся Словен. Все эти дни молчавший и не принимавший, как и Лекс, участия в ставках, он внезапно не выдержал, сначала стал выкрикивать ругательства, а потом и вовсе полез в драку.

На самом деле все, что копилось внутри у Словена, требовало выхода, вот он и сорвался.

А Лекс после этого случая вдруг понял, что прошла уже неделя, а он ни разу не подошел к Алине.

Эта неделя была слишком богата на события, и если Лекс и вспоминал про Алину, то только во время ее прогулок во дворе. Все остальное время они настраивали оборудование, а потом наблюдали за тем, что исполняет спутник, принадлежащий Жану, – и офигевали.

Спутник общался, словно был живым человеком. Андерс назвал его Кибер-Пиноккио. Спутник выдавал на-гора шутки, общаясь с Жаном и выполняя любые поисковые запросы. К

сожалению, спутник не воспринимал других людей и никак не реагировал на них, поэтому общением с ним происходило только через Жана.

Ему пришлось поступиться своими правилами. Практически в течение всего дня француз находился в общей комнате и выполнял роль модема между хакерами и своим исином.

Спутник действительно мог определять литы, мог регистрироваться на некоторых простых ресурсах и быстро учился обходить капчу – краеугольный камень всего антифлуда и борьбы с ботами.

Но спутник не мог делать того, что было нужно хакерам, – научиться программировать. Он вообще ничему не мог научиться, кроме общения и поиска.

– Функция недоступна, повторите запрос позднее, – неизменно отвечал исин на разнообразные запросы Жана и обычно добавлял какую-нибудь смешную шутку, словно подчеркивая тем самым, что является полной противоположностью своего хозяина: – Функция недоступна. Найти необходимых программистов на форумах работорговцев?

Последние дни они изучали логи, которые вел спутник, и трафик между клиентом и серверами, где были установлены части искусственного интеллекта. Пытались понять, как исин обучается, что происходит с ним, когда он получает новую информацию о своем хозяине.

Лекс постепенно снова стал думать о том, что у них ничего не получится, и депрессивное настроение хотя и не наступило, но уже замаячило где-то на соседней сопке, постепенно приближаясь к Лексу.

И тут произошла ссора из-за Алины, и Лекс вспомнил, что минула уже неделя, а он до сих пор ни разу не подошел к ней.

Не сегодня-завтра ее увезут, так что надо бы подойти. Хотя бы для того, чтобы еще раз посмотреть на нее и убедиться в том, что она нисколько не похожа на Синку.

И когда Словена успокоили, а болтун взял свои слова обратно, Лекс велел всем заниматься работой, а сам направился к блоку охраны.

На базе у хакеров была полная свобода перемещений, но всякий раз, когда они приближались к блоку охраны, появлялся кто-то из службы безопасности, кто довольно навязчиво наблюдал за целью визита в блок.

Так случилось и в этот раз. Едва Лекс вошел в блок, он остановился и подождал несколько секунд. Следом вбежал один из охранников, наткнувшись на Лекса, сделал вид, что забыл что-то, и стал рыться в ящике у входа.

Видимо, Эйзентрегер запретил им активное вмешательство и объяснил, что они здесь всего лишь в качестве обслуги.

Лекс уверенно шагнул вперед, он знал, где находятся Алина и ее новая прекрасная няня. Толкнул дверь, выяснив, что она заперта, постучал. Открыла, разумеется, няня.

– Здрасте, – кивнул Лекс, понимая, что решение прийти сюда было настолько спонтанным, что он не знает, что сказать. – Я к Алине, проведать… – Он осекся, поняв, что немка стоит без наушников и почти наверняка не понимает ни слова.

В коридоре показался охранник – теперь он изучал кусок плиты ДСП, прислоненный к стене.

– Алина, – показал пальцем Лекс за спину немки. Потом ткнул себя в грудь: – Я ее друг. Камрад.

В тот момент почему-то захотелось, чтобы она захлопнула дверь.

И тогда можно было бы с чистой совестью выплеснуть всю злость в сторону Эйзентрегера.

Но немка, дослушав тираду Лекса, несколько секунд колебалась, а затем шагнула в сторону, пропуская парня.

Алина сидела на кровати перед раскладным столиком, бесцельно водила руками по поверхности и по обыкновению что-то шептала.

Лекс подошел поближе, девушка никак не отреагировала.

– Семь-я, семь-я, семь-я, – или что-то в этом роде.

– Привет, Алина, – махнул парень рукой.

Ноль реакции.

– Как дела?

Запрашиваемая функция недоступна.

– Ты что тут делаешь?

На пороге стоял Андерс. За его спиной маячило лицо охранника.

– Да так… знакомую одну проведываю.

– Золушка? Она что, твоя знакомая? – удивился Андерс.

– В некотором смысле.

Лекс посмотрел на девушку, тяжело вздохнул. Зря, наверное, он сюда пришел.

– Дружище, нам поговорить надо.

– Срочно?

– Нет, терпит, конечно. Слушай, я и не знал, что ты с ней знаком. Ты поэтому злился, когда парни спорили на время?

Лекс еще раз посмотрел на Алину, мысленно махнул рукой и пошел к выходу.

– Да я вроде не злился, – сказал на ходу, огибая няню, исполином стоящую у входа.

– Злился, дружище, я заметил. Ты когда…

– Семь-пять! – вдруг выкрикнула девушка и махнула рукой перед своим лицом. – Семь-пять! Семь-пять!

Вид у нее сейчас был особенно ужасен – худая, почти лысая, смотрящая в одну точку перед собой и выкрикивающая что-то. Успокоилась быстро. И сказала что-то вроде «ква-ква».

Лекс остановился, бросил на нее еще один взгляд, на этот раз прощальный. И вышел.

– Один-ква! – донеслось ему в спину, прежде чем немка захлопнула за ними дверь.

Охранник направился к выходу, но покидать блок не спешил, снова тусил у входа рядом с куском ДСП.

– Пошли отсюда, – буркнул Лекс. – О чем ты там хотел поговорить?

– А кто она тебе? – спросил Андерс, задержавшись в коридоре.

– Соседка.

– Просто соседка?

– Да, просто соседка. Пошли отсюда, меня этот вертухай выбешивает своей наблюдательностью.

Они покинули блок, вышли на улицу. По обыкновению, сняли наушники. Андерс выглядел немного… да что там немного – сильно озадаченным.

– Так о чем поговорить ты хотел? – спросил Лекс.

– Ну… даже не знаю… – хмыкнул Андерс. – Сначала я хотел сказать тебе, что получил новый гонорар от заказчика. Ну, того, кто оплатил контракт на твою охрану. Контракт продлен еще на полгода и все такое.

– Сначала?

– Да, сначала. А теперь я хочу поговорить о другом. О твоей знакомой. Соседке.

– В чем проблема?

– Когда мы выходили, она назвала несколько цифр. Семь, пять, два, два, один, два. Я как-то не сразу понял, а потом Мама Чолли закрыла дверь, и дальше я не расслышал.

– И эти цифры…

– Первые цифры подписи моего заказчика. Того неизвестного, кто платит мне за твою охрану. Забавное совпадение, если это совпадение. Кстати, ее завтра увозят, я слышал, как охранники говорили.

Через полминуты Лекс снова стучался в знакомую дверь.

– Я хочу с ней погулять, – сказал он, потом, вспомнив, потянулся за наушником.

– Мир геен зи шпацирен, – сказал Андерс немке. – Мит

медхен [9].

– Найн! – громко крикнула немка.

«Нет» в переводчике прозвучало гораздо тише.

– А Эйзентрегеру тоже скажешь найн? Переведи ей, скажи, что я сейчас такой кипеш подниму! – Оставив Андерса разбираться с немкой, Лекс подошел к Алине, взял ее за руку. Рука была холодной и безвольной. – Алина, пойдем гулять. Гулять.

Она просто сидела, молчала и смотрела в одну точку.

Запрашиваемая функция недоступна.

– Вставай. Пойдем гулять. Не бойся, пойдем.

Лекс чуть потянул руку, девушка не шелохнулась. Ну глупо же будет упереться в кровать и дернуть со всей силы?

– Ты можешь вывести ее наружу? – Лекс повернулся к немке. – Спроси у нее, пусть она выведет ее наружу. Переведи.

Андерс перевел.

– Нет, она сама выходит в строго установленные часы, – ответила немка. – Утро, день, вечер. Ждите вечер. Осталось два часа. Сейчас уходите. Нельзя. Терапия.

– Андерс! – скомандовал Лекс. – Назови все цифры. Ну, подпись. Ей, – он кивнул на девушку. – Давай, по порядку.

– Семь, пять, два, два… – начал громко перечислять Андерс. Назвал все двенадцать цифр, но никаких изменений в поведении Алины не произошло.

– Ладно, – сказал Лекс. – Подождем два часа.

А когда он направился к выходу, девушка вдруг встала и, сильно шаркая ногами, медленно пошла вслед за ним.

Все столпились у окон, выходящих во двор базы, и только Лиска рискнула выйти наружу, чтобы вместе с присоединившимся к ней Андерсом наблюдать, как Лекс идет по двору рядом с Золушкой.

Алина молчала. Чуть выгнув ноги, хромала рядом с Лексом, смотря вниз.

Немка держалась поблизости, на расстоянии нескольких метров. Достаточно для того, чтобы говорить так, чтобы она не услышала.

– Тебя отправят на базу, где тебя вылечат, – говорил Лекс. – Потом ты вернешься домой, и все будет хорошо. Не понимаешь? И хорошо, что не понимаешь. Если бы ты понимала, что происходит, тебе, наверное, было бы страшно. А сейчас, я смотрю, ты ничего не боишься. Я тоже не боюсь.

– Не боюсь, – вдруг сказала девушка.

– Ты понимаешь меня? – обрадовался Лекс.

– Не боюсь. Боюсь. Не боюсь… – Она снова начала бормотать

под нос слова.

– Ну, ясно, – вздохнул Лекс.

Они приближались к общему блоку. На его пороге расположились Андерс и Лиска. Девушка вместо куртки куталась в плед.

– Андерс сказал, что это твоя знакомая, – произнесла Лиска, когда они подошли ближе.

– Что-то вроде того.

– Это аутизм?

– Нет. Кажется, нет, – неуверенно сказал Лекс. – Что-то другое… вроде бы. Но не аутизм.

– Похоже на аутизм, – сказал Андерс. – Смотрели «Шестое чувство» с Уиллисом? Там один мальчик мог видеть души мертвых людей и…

Лиска пнула его, и Андерс замолчал.

– Боюсь. Не боюсь. Боюсь. Не боюсь.

– Она попала в аварию, – уклончиво ответил Лекс. – И после аварии…

– Того? – Лиска повертела ладонью у головы.

– Сама ты того. У нее родители погибли… Блин, чего вы вылезли вообще? Идите работать! И вы тоже, – Лекс погрозил в окно, которое тут же опустело.

Ни Андерс, ни Лиска даже не пошевелились.

– Ну и чего вы расселись… эй, ты куда? Алина?

Алина остановилась напротив них, потом шагнула в сторону крыльца. Немка засеменила рядом. Андерс и Лиска расступились, и Алина, поддерживаемая Лексом, поднялась по крыльцу.

– Боюсь. Не боюсь. Боюсь. Не боюсь.

– Любит. Не любит. Любит… – в одной руке Андерс держал воображаемую ромашку, другой отрывал воображаемые лепестки.

– Да заткнись ты. – Лиска снова пнула Андерса, и тот покорно замолчал. – Леш, она нас понимает?

Лекс покачал головой.

– Нет. Эйзентрегер обещал помочь. У них вроде бы есть специалисты. Куда она идет?

– Боюсь. Не боюсь. Боюсь. – Алина замолчала, едва переступила порог «рабочей комнаты» – той, где происходило общение с исином француза.

Ее там не сразу заметили. Отлипнув от окна, хакеры вернулись к стене, увешанной мониторами. В центре плазма двести шестнадцать, с логотипом «Андроида» и заставкой активированного исина. Ее окружали два десятка мониторов поменьше, на них в прямом эфире демонстрировались все изменения, происходящие со спутником, который старательно

подстраивался под запросы своего хозяина.

Жан сделал исину запрос найти самый лучший интернет-мем про Чака Норриса и его знаменитый удар с разворота. Самую лучшую шутку. По мнению Жана.

Теперь француз, развалившись на кресле, лениво отвергал все варианты, в то время как Словен, Индевять и еще пара парней следили за происходящими изменениями в коде.

– Согласно рейтингу форума Соулхантер следующая шутка занимает лидирующую позицию, – прозвучал голос исина из колонок, вмонтированных в плазму. – Если Чак Норрис сделает удар с разворота…

Переводчик исправно ретранслировал речь в наушники, переведя с французского в более удобный Лексу формат.

– Стоп, стоп! Мне не нужны рейтинги соулхантеров, – сказал Жан. – Мне нужна лучшая шутка по моему рейтингу, а не рейтингу с какого-то форума.

– Я пытаюсь определить критерии твоего рейтинга.

– Ты пытаешься повлиять на мое мнение, ссылаясь на источники.

Я не хочу знать, кто еще согласен с моим мнением. Называй только шутку.

– Если Чак Норрис сделает удар с разворота, находясь в Арктике, она станет Антарктикой.

– Не нравится.

– Ты можешь оценить эту шутку?

– Не могу. Она не вызвала во мне никаких эмоций. Ищи следующую. Упс. Добрый вечер.

Жан замолчал, глядя в сторону входа, за ним посмотрели и остальные.

Секунд десять в комнате стояла тишина, затем голос исина произнес:

– Каждый самурай должен сделать сеппуку, узнав о существовании удара с разворота.

– Пауза, – скомандовал Жан и спросил у Лекса: – Что она тут делает?

– Зашла услышать твой вопрос.

– Какой вопрос? – не понял француз.

– «Что она тут делает?» К сожалению, она не сможет тебе ответить.

Алина сделала несколько шагов вперед и подошла к стене с мониторами. Только здесь она подняла голову и теперь смотрела прямо перед собой.

– Андерс сказал, что ты ее знаешь, – сказал Индевять. – Подружка?

Лиска при этих словах почему-то покраснела.

– Моя сестра, – ответил Лекс.

– У нее аутизм? – спросил Словен.

– Нет. У вас какие-то проблемы?

– Никаких проблем, – поднял руки Индевять. – Жан!

– Спутник, активация, – скомандовал француз. – Повтори последнюю шутку.

– Каждый самурай должен сделать сеппуку, узнав о существовании удара с разворота, – продиктовал спутник.

– Это лучшая шутка с канала аниме? – поморщился Жан.

Индевять тут же замахал на него руками, чтобы он не вступал в беседу с исином.

– Уточняю: ты хочешь узнать историю возникновения шутки или источник, в котором она занимает лидирующую позицию?

– Ни то и ни другое, – быстро ответил Жан. – Шутка не нравится. Ищи следующую.

– Потуши огонь.

– Функция недоступна.

На все команды Жана, которые спутник принципиально не мог выполнить – а это были, в общем-то, любые команды, не связанные с поиском информации, – следовал такой ответ. Функция недоступна.

Но только на команды, которые отдавал хозяин спутника. Если такую команду отдавал кто-то другой, спутник на нее вообще не реагировал.

До того момента, как Алина не произнесла:

– Потуши огонь.

– Функция недоступна.

– Потуши огонь.

– Функция недоступна.

– Потуши огонь.

– Стоп, стоп! Пауза. Режим паузы! – воскликнул Жан и, вскочив с кресла, очумело уставился на Алину: – Как он тебя слышит?

Алина замолчала. Потом повернулась и направилась к выходу.

– Эй! – Жан дотронулся до ее плеча, немка тут же протиснулась вперед и отпихнула француза. – Стой!

– Она тебя не понимает, – сказал Лекс. – Оставь ее.

– Не оставлю! Эй!

Немка с Алиной уже вышли за порог, Жан бросился за ними и наткнулся на Лекса.

– Оставь ее. Давайте работать.

– Ее надо вернуть, – к ним подошел Индевять.

– Не надо ее возвращать, – сказал Лекс.

– Ты что, идиот? – осведомился Жан. – Очнись! Эта твоя подружка только что хакнула мой спутник! Верни ее обратно, мы должны понять, как она это сделала.

И только теперь до Лекса дошло, как ответил исин. Фраза «Функция недоступна», сопровождавшаяся уже давно раздражающим звоном, была произнесена по-русски.

Которую переводчик зачем-то повторил на том же языке.

Глава 24. Лиса

Ватикан, 16 сентября 2007 года

Вместо запланированных пяти минут беседа с Серджи Пимонно длилась почти час. Нику пришлось ни много ни мало рассказать своему собеседнику всю свою жизнь, поэтапно.

– Ты знаешь, что это? – спросил итальянец в самом начале беседы, показав Нику серебристый предмет в виде лисицы.

– Детектор лжи? – сострил Ник, больше от волнения и нервозности, чем от желания показать свое чувство юмора.

– Я задам тебе несколько вопросов. Если ты не захочешь отвечать на какой-то из них, наш разговор будет окончен. Если ты солжешь, наш разговор также будет окончен. Вопрос первый: зачем ты сюда пришел?

Вопросов было много. После некоторых Ник раздумывал, не лучше ли будет окончить разговор и уйти. В основном эти вопросы касались его нынешней деятельности, связанной с модификациями «Стакса».

Иные вопросы были странными – про Четвертый рейх и каких-то фашистов. Про «Армаду», Синдикат и другие полуподпольные организации.

Но больше всего вопросов было о Синке. И о предмете в виде паука, который ей принадлежал.

Скрывать особо было нечего. Ник честно рассказал о двух периодах своей жизни, связанных с Синкой, о встрече с Мусорщиком, бывшем резидентом «Армады», у которого тоже был серебристый предмет.

Рассказал про Кирсана Илюмжинова и что с помощью лисы хочет найти Синку, за что, в общем-то, готов сделать достойное пожертвование на благо католической церкви.

Рассказал о последнем письме Синки и о том, как потом

долгое время искал ее.

Серджи Пимонно выглядел удивленным. Или озадаченным. Или растерянным. Или все вместе. Кажется, он не ожидал, что его собеседник расскажет всю правду и в ней не будет никакой угрозы для папы и Ватикана.

– У тебя нет цели, – сказал он, откинувшись на спинку массивного резного кресла из черного, похожего на камень дерева. – Ты ищешь девушку с пауком только для того, чтобы найти ее.

– Я же сказал, я хочу поговорить с ней.

– Да, конечно, поговорить. Она несколько раз предала тебя, но ты не желаешь ей отомстить.

– Ну… я вообще-то не мстительный.

Серджи прикрыл глаза, о чем-то размышляя. Потом вдруг встал, прошел к окну. В руках у него не было телефона или любого другого прибора, но до Ника и переводчика долетели негромкие, еле слышные фразы, которые тот произносил.

Можно было подумать, что он разговаривал сам с собой, хотя, понятно, это было не так.

Серджи вернулся за стол через несколько минут. Внимательно посмотрел на Ника – этот долгий испытывающий взгляд явно что-то должен был означать. Потом Серджи спросил:

– Ты сможешь остановить ее?

– Остановить? Синку? Что вы хотите сказать?

Серджи вместо ответа подвинул к Нику небольшой планшет с экраном чуть больше коммуникатора. На весь экран раскрылась фотография какого-то седовласого мужчины в военной форме с незнакомыми Нику знаками отличия.

– Кто это? – спросил парень.

– Это Лотар Эйзентрегер, – ответил Серджи. – Пальцем по экрану, тук-тук.

Ник дважды стукнул пальцем по экрану, и фотография сменилась. На следующем фото седовласый мужчина был одет в штатское и входил в какое-то здание с большими стеклянными дверями.

– Я его не знаю, – сказал Ник. – А вам известно, что я не вру.

– На данный момент это ключевая фигура в международной организации, которая называет себя Четвертым рейхом.

– Четвертый рейх? Это какие-то скинхеды?

– Организация очень могущественная, она контролирует деятельность многих крупных корпораций, в том числе военных. Чтобы тебе было понятнее, со мной или с папой организовать встречу гораздо проще, чем с этим человеком. Можно тук-тук?

– С вами или с папой? То есть вы считаете… – Ник замялся,

потому что, с одной стороны, не очень хотелось хамить своему собеседнику, с другой стороны, его повеселило, что тот спокойно поставил себя на одну доску с папой римским. – Простите. Этот человек знает Синку?

– Тук-тук, пожалуйста.

Ник переключил на следующее фото.

То же самое здание, тот же самый ракурс.

В здание входила Синка. Фото было сделано крупным планом, чуть со спины, но складывалось такое ощущение, что через секунду она обернется и посмотрит в объектив фотографа.

– Тук-тук, пожалуйста.

Ник снова дважды стукнул по экрану.

У входа в здание стоял автомобиль, в который садился какой-то мужчина лет тридцати пяти.

– Макс Шмитке, доверенное лицо Лотара Эйзентрегера, его ближайший помощник.

Рядом с автомобилем стояла Синка и смотрела в сторону объектива.

– Западный Берлин, июль две тысячи первого года. Офис компании «Магнетик индастриз». На следующий день после этой встречи Синка вылетела в Россию. Там мы не смогли ее отследить.

– Вы – это Ватикан? – уточнил Ник.

Когда переводчик повторил вопрос на итальянском, Серджи задумался ненадолго. Потом стал говорить.

– Мы узнали, что она была причастна к взлому переписки нескольких высокопоставленных лиц из правительства России, и сначала считали, что она работает на Синдикат. Но потом она обманула Синдикат, а мы узнали, что у нее есть паук. И что она охотится вот за этим.

Он поднял руку с цепочкой, на которой болталась фигурка лисицы.

– Тук-тук, пожалуйста.

На следующей фотографии Синка была менее узнаваема. В платке, она выходила из такси рядом с мечетью.

– Это самая последняя ее фотография, которая у нас есть. Индия, прошлый год, двенадцатое сентября. Через полтора часа на этом месте сотни обезумевших мусульман будут жечь газеты со словами одного древнего правителя, которые имел неосторожность процитировать папа. Тук-тук.

Еще одна фотография. На этот раз какого-то молодого священника в костюме с белым воротничком.

– Он служил в приходе одной небольшой церкви в маленькой деревушке на юге Италии. Неделю назад его тело нашли

неподалеку от Форте-дей-Марми, почти за сто километров от его прихода.

– Синка имеет к этому отношение? К его смерти?

– Его звали Петр. Это четвертый служитель церкви по имени Петр, погибший за последние четыре месяца в Италии. У меня нет фото, но есть доказательства, что перед смертью каждый из них встречался с девушкой, которую ты ищешь.

– Вы думаете, что она… убивает священников? Но зачем?

– Мы предполагаем, что речь идет о так называемом пророчестве пап, согласно которому нынешний папа, Бенедикт Шестнадцатый, является предпоследним. Пророчество гласит, что следующего папу будут звать Петр и он будет последним папой.

– Последним? – удивился Ник. – А что потом?

– Может, ничего. А может, Армагеддон и Страшный суд. Забудь о пророчестве, – отмахнулся Серджи. – Их тысячи, и каждое можно толковать как угодно. Паук использует пророчество в своих целях, вот и все.

– То есть Синка использует в своих целях? – поправил Ник, когда услышал перевод.

– Нет, – покачал головой Серджи. – Паук. Ты должен понимать, кого ты ищешь, если хочешь его найти. Впрочем, как говорят французы, везде надо искать женщину.

– Я не найду Синку без лисы.

– Знаю. К сожалению, даже если у тебя будет лиса, это не даст тебе гарантию того, что ты сможешь ее найти. Мы уже пытались это сделать, чтобы обезопасить себя. Шесть лет мы искали ее. Лучшие доверенные люди Ватикана и я лично.

– С помощью лисы?

– Да, конечно.

– И лиса вам не помогла?

Серджи развел руками.

– Дело в том, что предметы могут сами выбирать себе хозяев и не всегда работают так, как хочется.

– То есть вы не знаете, где сейчас Синка?

– Нет. Она где-то рядом, плетет свою паутину. Уже шесть лет.

– Вы поможете мне найти ее?

– Есть одна старая французская песенка, про лису и паука, – сказал Серджи. – В ней говорится про то, как паук и лиса повздорили между собой и стали непримиримыми врагами. Вероятно, когда-то у этой песенки было много вариантов исполнения, но до наших дней дошло два. В одном из них побеждает лиса, в другом – паук.

– То есть мирного исхода не будет в любом случае? – спросил Ник.

Серджи немного помолчал, потом посмотрел на часы.

– Признаюсь, на эту встречу я согласился только с одной целью.

Я рассчитывал, что это она прислала тебя. И надеялся получить от тебя какую-то информацию. Но… оказалось, что я ошибался.

Серджи заколебался, потом неожиданно протянул Нику фигурку лисы.

– Возьми.

– Что? – Ник протянул было руку, но остановился. – Вы хотите, чтобы я дотронулся до нее?

Переводчик, также выглядевший озадаченным, послушно перевел уточнение.

– Нет. Я хочу, чтобы ты взял этот предмет.

Ник взял предмет. Ничего не произошло, словно только что из рук в руки передали обычный кусок металла.

– Он холодный.

– Потому что еще не привык к тебе.

– У меня уже изменился цвет глаз? – Ник повертел головой в поисках зеркала, потом посмотрел на Серджи. – У вас разноцветные глаза. Это остается навсегда?

– Нет, просто у меня есть еще один предмет. Что? Ты уже начал что-то видеть?

Ник действительно начал что-то чувствовать. Ауру вокруг Серджи, прозрачную, с темными расплывчатыми пятнами. Ее не было видно, Ник всего лишь ощущал ее, но настолько реально, как если бы прикасался к ней рукой.

– Да. Кажется, да.

– Хорошо. Тогда слушай. Я отдал тебе этот предмет, потому что думаю, что ты найдешь ее. Эту девушку и паука. Найдешь и остановишь. Иначе случится беда. Большая беда. Ты сейчас должен понимать, что я говорю правду.

Темные пятна, пока Серджи говорил эти слова, бледнели и растворялись, а аура становилась более прозрачной. Он действительно говорил правду.

– Почему вы отдаете этот предмет мне? – спросил Ник. – Не жалко?

– Если у тебя получится ее остановить, значит, этот предмет попал в правильные руки. А если не получится, то уже будет совершенно не важно. А теперь иди и попробуй найти ее. Аудиенция закончена.

Серджи встал из-за стола и, ни слова не говоря, направился к небольшой двери в углу комнаты.

– Последний вопрос, – крикнул ему в спину Ник. – А где

сейчас папа?

Переводчик перевел вопрос.

Внутри полупрозрачного пятна появилась темная клякса. Появилась – и исчезла.

– Он сейчас на одной очень важной встрече, – неохотно ответил Серджи.

– На острове Джекил? – уточнил Ник.

– Да. Но он уже знает, что я отдал тебе лису. Думаю, что он благословляет тебя, так же как и я.

– Кто вы? – спросил Ник.

Серджи Пимонно улыбнулся и, не ответив, вышел из комнаты.

Его помощник-переводчик сразу после этого будто принял обет молчания. Всю дорогу, пока вез Ника, он молчал и не ответил ни на один вопрос, словно понимая, что Ник хотел немедленно протестировать действие лисы. Лишь когда Ник вылезал из машины, сказал ему на прощание:

– Будь осторожен. Несколько человек до тебя не выдержали.

И уехал, не объяснив, что имел в виду.

Конечно же, первым делом Ник затребовал у Исин всю информацию касаемо Серджи Пимонно. Достоверной, конечно же, не было, но, по слухам, именно он нынешний серый кардинал – тот, который является самым влиятельным лицом в Ватикане после папы.

Можно было заморочиться и купить немного сведений о Серджи у инфотрейдеров, но Нику было не до этого. В ладони лежала фигурка лисы, уже не холодившая руку. И сердце билось от волнения.

– Что у тебя с глазами? – с подозрением спросил Хохол, когда Ник вернулся в Форте-дей-Марми.

– Что-то подсказывает мне, что лучше не отвечать на этот вопрос, – сказал Ник и засмеялся.

Глава 25. Похоже – не похоже

Гренландия, сентябрь 2007 года

За ней приехали на следующий день, утром, но до этого Лекс все-таки устроил на базе обещанный кипеш. Он добился того, чтобы девушку посадили перед микрофоном, через который Жан отдавал приказы своему спутнику. Немка-няня Алины орала что-

то про нарушение распорядка, охрана суетилась, но Лекс уже понял, что без крайней нужды все они не пойдут на конфликт.

Больше всех волновалась немка. Лезла всюду, размахивая руками, один раз задела своей лапищей холеное лицо Словена, который снова сорвался и стал кидаться на няню, выкрикивая какие-то ругательства.

В конце концов по спутниковой связи соединились с Эйзентрегером. Лекс вкратце объяснил ситуацию.

– Это не взлом спутника. Но это почти взлом. В системе распознавания личности есть какой-то баг, ошибка в программе. Если мы найдем этот баг, мы сможем его использовать. Я пока не знаю как, но это может помочь действительно взломать спутник.

Эйзентрегер, не раздумывая, отдал приказ – до утра, пока не прибудет конвой, девушка поступает в распоряжение программистов.

А она все это время оставалась в кресле, в котором прежде сидел Жан.

И молчала.

Девушку уговаривали сказать хоть слово. Прыгали вокруг нее, размахивали руками, кричали. Андерс даже предложил попробовать хук с правой, и непонятно было, пошутил он или нет.

А она молчала.

Ей вешали наушник и уговаривали на нескольких языках сказать хотя бы что-нибудь. А она словно издевалась.

Кроме этого, программисты сами кричали в микрофон. Искажая свой голос, с акцентом выговаривая русское «потуши огонь» и эквиваленты этой фразы на других языках.

Спутник по-прежнему не реагировал ни на кого, кроме Жана. Алина же продолжала молчать.

– Это чушь! – сказала Лиска на исходе второго часа. – Просто ее голос исказился, и исин принял его за голос хозяина.

– Это не чушь, – сказал Индевять. – Это баг. Который эта девушка при всех нас только что заюзала.

– Полтора часа назад. Сколько нам еще прыгать вокруг нее обезьянками, чтобы она доказала гипотезу Жана о том, что у них похожий тембр голоса?

– Дело не в голосе. Голоса у них совершенно не похожи. И спутник все чужие голоса фильтрует и отсеивает. А если ее голос не отсеял, значит…

– Значит что? – спросила Лиска. – Будете прыгать и скакать?

– Значит, будем прыгать и скакать, – резко произнес Лекс. – Хватит спорить.

– Ну, тогда сам и прыгай.

Лиска развернулась и вышла из комнаты, чуть пихнув Лекса в плечо. Послышались ее шаги по дощатому полу, стихающие по мере удаления.

И в этот момент Алина произнесла:

– Холодно.

Спутник никак не отреагировал, все замерли.

– Не холодно. Холодно. Не холодно.

Спутник не реагировал. Все, включая Жана, молчали. Индевять рассматривал мониторы, на которых не происходило никаких изменений.

– Холодно. Не холодно.

Было слышно, как возвращается Лиска – услышала наступившую тишину. Стала в проходе, тоже стала наблюдать, со скептической усмешкой на лице.

Лекс бросил на нее взгляд. Похоже, дело было не только в скептицизме. Злилась или ревновала…

– Холодно. Холодно. Не холодно. Холодно. Холодно. Холодно… – Голос Алины постепенно скатывался на шепот.

– Спутник, слышишь меня? – спросил Жан.

– Да, слышимость хорошая.

– Индевять, есть что-нибудь? – спросил Лекс.

– Ничего, изменений никаких нет. Только… трафик большой. Почти десять мегабайт в секунду сосет. Как будто один или два запроса обрабатывается.

– Спутник, назови причину высокого трафика, – приказал Жан.

– Выполняется обработка запроса.

– Какого запроса? Ты что, все еще ищешь лучшую шутку про Чака Норриса?

– Поиск лучшего мема о Чаке Норрисе в режиме паузы. Возобновить поиск?

– Нет. Какой запрос ты обрабатываешь? Эй, алло! Какой запрос ты обрабатываешь? Спутник! Ты слышишь меня?

– Да, слышимость хорошая.

– Какой запрос ты сейчас обрабатываешь?

И тишина.

То есть не полная тишина. Шепот девушки:

– Не холодно. Не холодно. Холодно…

– Что происходит?! – Жан витиевато выругался. – Спутник!

– Да?

– Какой запрос ты сейчас выполняешь?

– Он этот вопрос игнорирует, – сказал Индевять. – Жан, твой спутник нам какие-то файлы скачивает.

– Какие?

– Не знаю.

– Откуда?

– С файлообменника.

Лекс, а за ним и все остальные кинулись к своим компьютерам.

На сервере действительно устанавливались какие-то файлы с незнакомыми расширениями. Сами скачивались, распаковывались, прописывались в директориях исина, увеличивая его размер с каждой секундой.

При попытке просмотреть установленные файлы выскакивала ошибка чтения. А файлы продолжали скачиваться и устанавливаться.

– Спутник, что за файлы ты закачиваешь? – спросил Жан.

– Вспомогательные утилиты для обработки запроса.

– Какого запроса? Режим паузы. Перезагрузка.

– Стой! – запоздало крикнул Лекс. – Не надо перезагрузку!

Крикнул-то он поздно, да только спутник не послушал своего хозяина, и режим перезагрузки не начался.

Жан бросился к системнику, чтобы вручную отключить его, но Андерс остановил его:

– Погоди, дружище! Мы на верном пути.

– Дьявол, парни, дело не в девчонке! Это проблемы у спутника. Его переустановить надо.

– Переустановим, – сказал Андерс, оттаскивая Жана от системника. – Но позже.

Француз был раза в два крупнее Андерса и, случись подобное парой недель ранее, обязательно попытался бы снести его. Но это произошло сейчас, поэтому Жан, едва Андерс заглянул ему в глаза, сразу же шагнул назад. Уставился на мониторы, нервно спросил:

– Что это за файлы?

– Какие-то обновления, – сказал Лекс, наблюдая за установкой.

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю, – пожал плечами Лекс. – Но похоже на обновления.

– Тогда почему спутник о них не предупредил?

– На вирус это похоже, – сказал Индевять. – Может, пока мы тут модификациями «Стакса» занимаемся, народ уже начал вирусы для спутников писать?

– Вирус весом больше двух гигабайт? – усомнился Жан.

– Я же сказал, что похоже, – пожал плечами Индевять. – Может, это антивирус. Еще это действительно похоже на автоматический апдейт.

– А еще… – подал голос Андерс. – Это похоже на конец цивилизации. Девятка, помнишь, мы обсуждали тему, что любая цивилизация погибает, как только создает искусственный интеллект, и единственный выход – научить исина играть в мирах Крафта?

– Да, точняк, братан! – расплылся в улыбке Индевять. – Мы тогда говорили, что самый прокачанный персонаж…

– @%$&№! – прервал их Жан. – На что еще это похоже?

– На двоичный код.

Вот как-то неожиданно Лиска сказала. В полной тишине.

Все повернулись на ее голос.

Она уже не стояла у двери, а сидела на корточках рядом с Алиной, продолжавшей шептать про холод.

– Холодно – не холодно, – пояснила Лиска. – Да-нет. Ноль-один. Послушайте. Она уже не по порядку говорит.

Лекс подошел ближе.

– Холодно. Холодно. Не холодно. Не холодно. Не холодно.

Девушка действительно говорила слова не по порядку.

– Ты что, думаешь, что она отдает команды моему спутнику? – спросил Жан. – Двоичным кодом? Что за чушь?

– Ну… во всяком случае, это тоже похоже, – язвительно ответила Лиска.

Алина замолчала спустя минуту после того, как Лекс, вооружившись ручкой и бумагой, стал записывать так называемый двоичный код.

А еще через минуту закончилось скачивание файлов и трафик снизился до своей обычной нормы.

– Это только конец кода, – сказала Лиска насмешливо. – Что-то вроде точки в предложении.

– И как это расшифровать? – спросил Андерс.

– Перевести в хекс, создать файлик и посмотреть в любом хекс-редакторе, что это будет означать, – сказал Словен и тут же предупредил: – На идеальность решения я не претендую.

– Можно немного подумать и маленькую программку написать, – сказал Индевять. – Она буквально в одну строчку будет. Я как раз до этого контракта с Эйзентрегером писал такую, помните, когда баг с битсквоттингом доменов появился? Только, по-моему, это чушь собачья, а не двоичный код.

Андерс посмотрел на Лекса. Тот не ответил, зато Лиска снова сумничала:

– Кстати, еще это похоже на азбуку Морзе. Надо только понять, что точка, а что тире.

– Активация спутника! – беспомощно восклицал француз, меряя комнату шагами. – Ответь, тупой ублюдок!

Лекс посмотрел на листок бумаги и подумал, что зря исчеркал его цифрами, которые, скорее всего, ничего не значат.

– Все, – сообщил Индевять, имея в виду, что установка файлов завершена.

Экран, на который спутник Жана выводил по просьбе хозяина визуальную информацию, вдруг погас, а через секунду снова загорелся. Будто шнур из питания выдернули и снова воткнули. А после этого стал моргать, как обычно бывает с ламповыми мониторами при перебоях с питанием.

Только вот монитор был не ламповый, и перебоев с питанием не наблюдалось.

Алина, не шевелясь, смотрела на него. В отличие от монитора, она не моргала и больше походила на памятник, чем на человека.

– А это на что похоже? – растерянно спросил Жан. – Тоже на двоичный код?

– Стенографировать будешь? – поинтересовалась Лиска у Лекса.

Тот мрачно посмотрел на нее и стал наблюдать за Алиной.

Представление длилось около минуты, после чего с монитором снова все стало в порядке.

– Ну вот и поговорили, – хмыкнул Андерс. – Дружище, она точно не киборг?

– Заткнись, – порекомендовал ему Лекс.

Алина поднялась. Сделала шаг к выходу.

– Стой! – крикнул Жан и вздрогнул от неожиданности, потому что девушка повернулась на крик. – Ты куда?

Подняла руку, махнула ему и произнесла:

– Потуши огонь!

– Функция недоступна, – отрапортовал спутник на русском языке.

Девушка посмотрела на Лекса, улыбнулась, ноги ее подкосились, и она рухнула на пол, как мешок картошки.

Немка тут же заголосила, подхватила ее на руки и, растолкав хакеров, потащила девушку к себе в блок. Ее никто и не пытался остановить.

– Спутник, ты меня слышишь? – осторожно спросил Жан.

– Да, слышимость хорошая, – подтвердил уже на французском голос исина.

– Что это только что было?

– Уточни вопрос.

– Что за файлы ты скачал?

– Утилиты, необходимые для обработки запроса.

– Какого запроса? Кто его сделал? Я?

– Доступ к информации возможен после обработки запроса. Приступить к обработке?

Жан вопросительно посмотрел на Лекса.

– Ну да, пусть обрабатывает, – кивнул Лекс.

– Да, начинай обрабатывать.

– Расчетное время восемнадцать часов.

Хакеры переглянулись.

– Вау, – сказал Индевять и почесал затылок. – Я пошел спать.

А утром за девушкой приехали. Точнее, приплыли на двух бронекатерах, похожих на маленькие, но очень грозные ледоколы.

Пожилой тип в штатском с козлиной бородкой и пять молодых русоволосых девок в военных комбезах. Выправка у них тоже была военной.

И началось нечто странное.

Лекс всего лишь попытался объяснить, что девушка должна остаться здесь до вечера, потому что участвует в эксперименте, который проводит господин…

Красивые девки, вытащив не менее красивые автоматы, пинками уложили всех хакеров на землю, где они пролежали, пока козлобород вместе с няней и Алиной не добрались до катеров. Тогда базу покинули и эти отмороженные валькирии, а Андерс, облизывая языком разбитую губу, посоветовал Лексу быстрее связаться с Эйзентрегером.

Эйзентрегер стал доступен через полчаса. Штурмбанфюрер к этому времени уже знал об инциденте, и голос его был донельзя раздраженный.

– Для нее сделали исключение, отправляя лечиться на нашу базу в Арктике.

– И поэтому за ней прислали вооруженный отряд? Почему нельзя было оставить ее всего лишь на полдня?

– Алина тяжело больна. Ее болезнь прогрессирует, вчера ей стало хуже…

– С ней что-то произошло вчера, перед тем как она потеряла сознание. Она среагировала на оклик, а раньше такого не было.

– Ее состояние ухудшилось, – раздраженно повторил Эйзентрегер.

– И утром она выглядела нормальной.

– Наш разговор приобретает форму бессмысленного спора. У меня есть отчеты специалистов о том, что ей немедленно нужна помощь, а ты утверждаешь, что у нее все хорошо. Она на пути к базе, где ей спасут жизнь. Продолжай работать и на связь выходи, если будет что-то связанное с вашими разработками. Поверь, мне очень дорого обходится одна минута такого разговора.

– Вы знаете, что ее действия спровоцировали ошибку в работе

исина? Надеюсь, вы понимаете значение ошибки в любой системе, ранее считавшейся идеальной?

– Знаю и понимаю, – ответил Эйзентрегер.

– И тем не менее вы решили, что ей надо помочь в ущерб вашему проекту? Какой благородный поступок, – кивнул Лекс. – Ваше сердце преисполнилось состраданием к девушке?

– Обещаю, что я сделаю все возможное, чтобы вернуть Алину в самое ближайшее время, – жестко прервал Эйзентрегер парня. – Выходи на связь, только если у вас что-то получится.

Штурмбанфюрер не врал, когда говорил, что сделает все возможное. Он уже сделал все возможное, чтобы девушка осталась. Еще несколько часов назад. Едва только узнал, что Алина может каким-то образом помочь одному из его проектов, с которым он связывал большие надежды.

Лотар Эйзентрегер связался с «Ультима Туле» и попытался выяснить, насколько сильно им нужна эта девушка.

Ответили категорично. Девушка должна быть в Арктике. Немедленно. Любой ценой.

Глава 26. Дай же силу мне!

Гренландия, конец сентября 2007 года

– Обработка запроса завершена.

Этой фразы они ждали семнадцать часов тридцать две минуты, из них последние полтора часа – сидя перед мониторами в молчаливом ожидании.

– Какого запроса? – осторожно спросил Жан у спутника.

– Поиск комплекса программ для противодействия вирусам серии «Стакс», – ответил спутник.

– Он что, искал антивирус для «Стакса»? – поинтересовался Лекс.

– Да, – ответил спутник по-русски, прежде чем Жан задал ему вопрос.

Хакеры переглянулись.

– Ты слышишь его? – с удивлением спросил Жан.

– Да, – подтвердил спутник, но Лекс решил удостовериться еще раз:

– Спутник, ты меня слышишь?

– Да.

– А меня слышишь? – влез Андерс.

– Да.

В течение нескольких секунд вслед за Андерсом этот вопрос задали все сидящие в комнате. Спутник слышал всех и каждому отвечал на родном языке. Положительно, разумеется.

Более того, по приказу любого, находящегося в комнате, он готов был обработать любой запрос. И тут же доказал это, обработав запросы Андерса и Индевять.

– Спутник, назови уровень моего доступа, – попросил Лекс.

– Статус пользователя – рут, – ответил спутник.

– А мой? – сразу же воскликнул Жан.

– Статус пользователя – рут, – бесстрастно повторил спутник по-французски.

– А мой?

У всех был админский уровень доступа. Более того, когда Индевять спросил у спутника, кто еще обладает таким уровнем, оказалось, что он есть у любого человека, обратившегося к спутнику.

Что делать дальше, Лекс сообразил первым.

– Режим паузы. Резервное копирование текущего кода на диск E.

– Выполняю, – отозвался спутник.

– Если копия заработает на другой тачке… – пробормотал Индевять. – Господи, это столько денег…

Копию запустили на другом компьютере, и она заработала. Это был тот же самый спутник, и он мог работать одновременно на нескольких машинах. Точнее, не на нескольких, а на скольких угодно.

– Мы хакнули его, – громко сказал Индевять и похлопал Жана по плечу. – Теперь спутник будет работать на благо всего человечества, а не отдельно взятого французского буржуа.

Жан криво усмехнулся. Кажется, он единственный из всех пока не до конца понимал, что произошло и что надо делать – радоваться, или огорчаться.

– Эйзентрегер будет доволен, – хрипло сказал Словен и почему-то пристально посмотрел на Лекса.

– Кажется, это немного не то, что хотел Эйзентрегер, – заметил тот.

– Вот именно. Ты будешь ему докладывать о том, что мы взломали спутник?

Наступила тишина. Все понимали, что Словен имеет в виду. То, что у них получилось, – стоило много денег. Куда больше, чем платит Эйзентрегер.

Соблазн велик.

– Сначала надо проверить… – Лекс осекся, услышав

приближающиеся к комнате шаги.

На пороге показался охранник со спутниковым телефоном в руке. Знаками показал, что на связи главный босс и ответить ему надо как можно быстрее.

– О дьяволе вспомнишь… – пробормотал Индевять.

– Протестируйте спутник, каждый пусть одновременно его запросами грузит. И выясните, что он там про антивирус говорил, – негромко сказал Лекс и вышел из помещения.

На улице начинало темнеть. От промозглого ветра не спасала даже пуховая куртка. Адовая погода, менявшаяся в последние дни чуть ли не каждые несколько часов, вызывала омерзение и стойкое желание не выходить на улицу. Но, как и другие девайсы, спутниковый телефон работал неидеально – для того чтобы вместо хрипа и треска в трубке звучал голос собеседника, надо было выйти из помещения.

Набросив на голову капюшон, Лекс прижал к трубке переходник от наушников и отошел в сторону от тамбура, где с фонариком и винчестером в ожидании замер охранник.

– Да?

– Как продвигается работа со спутником? – спросил Эйзентрегер.

– Изучаем ошибку, – ответил Лекс. – Подозреваем, что ее вызвала Алина. Ждем, когда она вернется, чтобы продолжить изучение в более полном объеме.

Почему-то ему показалось, что Эйзентрегера в данный момент не очень волновали результаты работы хакеров.

И это предположение оказалось верным. Выслушав где-то там у себя перевод этой казенной фразы, Эйзентрегер спросил:

– Эта девушка, Алина… ты раньше никогда не встречался с ней? До того как поселился в соседней квартире?

– Нет, – ответил Лекс. – Никогда.

– Может быть, с ее тетей?

– И с тетей не встречался. А что?

Ответ Эйзентрегера был неожиданным.

– Они въехали в эту квартиру за несколько дней до того, как в ней поселился ты. Мне кажется, для тебя это новость.

Для Лекса это действительно было новостью.

– Я думал, они там жили по меньшей мере шесть лет. После того как случился пожар, в котором Алина пострадала.

– Девушка пострадала не от пожара.

– Да, я знаю. От пожара только ожоги, а еще была взрывная волна, угарный газ, шок от гибели родителей…

– И нейротропные вещества.

– Что? – переспросил Лекс.

– Химические соединения, влияющие на психику человека. Организм человека вырабатывает такие вещества, но наши специалисты не исключают, что их ввели девушке искусственно и в очень большом количестве.

Лекс стоял неподалеку от блока и заметил, как в окне появилось лицо Жана. Он смотрел в сторону Лекса, через пару секунд рядом с ним возникло лицо Андерса. Лекс махнул им, чтобы они отвалили и не раздражали своим любопытством, после чего спросил у Эйзентрегера:

– Вы про наркотики говорите, что ли?

– Нет, я говорю не про наркотики, – ответил тот. – Пептиды. Адренокортикотропные гормоны, например. Эндорфины. Некоторые соединения обладают свойствами затормаживать развитие человека, погружая его разум в летаргический сон. Некоторые воздействуют на центральную нервную систему. Если пожар был, то в это время Алина получила одну или несколько доз подобных веществ.

– Что значит, если пожар был? – не понял Лекс.

– Возможно, никакого пожара не было. Мои люди не нашли никаких упоминаний о нем, хотя искали очень тщательно.

– Плохо искали ваши люди, – ответил Лекс с некоторой долей злорадства. – Дачный поселок Полушкино под Москвой. В пожаре погибли ее родители. Несчастный случай, взорвался баллон с газом. Можете проверить.

– Ты купил эту информацию у «Синдиката Д»? – спросил Эйзентрегер.

– Да.

Несколько секунд в трубке была тишина. Лекс даже заподозрил сначала, что связь разорвалась, но штурмбанфюрер снова заговорил:

– Те, кто торгует информацией, рано или поздно начнут ее подделывать. Скажи, Алексей, это ведь их агенты посоветовали тебе эту квартиру?

– Ну да. – Лекс кивнул, хотя Эйзентрегер этого не мог видеть. – И что? В чем дело?

– Дело в том, что последние шесть лет Алина находилась в одной швейцарской клинике недалеко от Женевы. Она выписалась оттуда незадолго до твоего приезда в Москву. Клиника, к слову говоря, очень дорогая. И мы подозреваем, что один из ее владельцев, возможно, имеет непосредственное отношение к высшему руководству «Синдиката Д».

Для Лекса, убежденного, что девушка была просто соседкой, которой не повезло в жизни, услышанное показалось абсурдным. Выдумкой Эйзентрегера, внезапно решившего подшутить над

одним из своих работников.

Конечно же, Лекс понимал, что Эйзентрегер не из тех людей, кто тратит свое время на глупые розыгрыши.

– Вы считаете, что Синдикат специально подсунул ее мне?

– Возможно, не тебе, – ответил Эйзентрегер. – Так или иначе, она сейчас там, где и должна находиться. Ты когда-нибудь слышал о веществе под названием меланин?

– Который на цвет глаз влияет?

– Не только. Суть в том, что у Алины очень низкий уровень меланина. Такой обычно бывает у альбиносов, но она не альбинос.

– И что это значит?

– Ничего. – Эйзентрегер осекся и вдруг резко сменил тему. – Что с той ошибкой спутника, про которую ты говорил? Удастся ее как-то использовать?

Если Лекс и сомневался до этого разговора, стоит ли рапортовать о возможных успехах, то теперь у него не было никаких сомнений в том, что спешить не стоит. Черт его знает, что за игру ведет Эйзентрегер… лучше повременить с признаниями.

– Пока нет. Возможно, в ближайшее время что-то разъяснится.

– Хорошо. Завтра увидимся, расскажешь лично.

Лекс вздрогнул.

– Вы завтра будете здесь?

– Да, ближе к вечеру. Со мной приедут еще несколько специалистов, работавших над спутником… в другом проекте. Возможно, вместе у вас получится быстрее. Конец связи.

Лекс отдал телефон охраннику, поджидавшему неподалеку, потом вернулся к друзьям.

Все сидели в тишине, никто и не собирался заниматься тестированием. Ждали его.

– Ты ему сказал? – услышал Лекс с порога.

Похоже, всех волновал этот вопрос, озвученный французом.

– Нет, – ответил Лекс. – Но он завтра прибывает сюда лично. Так что в любом случае узнает. Прибудет не один, а с какими-то специалистами по спутникам.

– Значит, мы до завтра должны решить. – сказал Индевять.

– Что решить? – не понял Лекс. – Говорить ему или нет, что мы хакнули спутник?

Все переглянулись. Несомненно, в группе наблюдался сговор, и только один Лекс не совсем понимал, о чем идет речь.

– Ну, давайте, объясняйте, – буркнул Лекс. – Как можно утаить это от Эйзентрегера?

Андерс кивком показал на дверь.

– То есть? Убираться отсюда?

Андерс кивнул, подтверждая правильность хода мысли.

– Вы хоть представляете себе, кто он такой?

– Пофиг, кто он такой, – сказал Андерс. – Я представляю другое. Один спутник на рынке стоит от трехсот до полумиллиона. И настраивают их не всем, поэтому спрос превышает предложение. А у нас этих спутников… – Андерс рукой нарисовал в воздухе перевернутую восьмерку. – Эйзентрегер платит хорошо, но несоизмеримо меньше.

А если он получит копию взломанного спутника, то, прежде чем мы опомнимся, их будут продавать по доллару в «Эппл Сторе», и нашей доли там не будет.

– Такой шанс выпадает раз в жизни, – сказал Жан. – Надо отсюда уходить.

– Как? По камням и льдам на двух неработающих вездеходах?

А с охраной что делать? – Лекс скептически покачал головой. – Думаете, Эйзентрегер нас отпустит?

– У меня есть связи в «Армаде», – сказал Индевять. – Дадим координаты этой базы, через несколько часов здесь будет отряд элитных головорезов, которые разорвут любого, кто попробует нас остановить. Инсценируем, как будто снова напали дашнаки, пока Эйзентрегер поймет, что тут произошло, мы уже выберемся отсюда. А когда выберемся, у нас будет столько денег, что мы любую корпорацию нагнем.

– Эйзентрегеру это не понравится.

– Конечно, – сказал Индевять. – Мне бы это тоже не понравилось. Но в этой жизни всегда кто-то теряет, а кто-то находит, и я предпочитаю находить. А ты, Лекс?

Колебался Лекс недолго. Аргументы были более чем убедительные. Такой шанс действительно выпадает только раз, и если его не использовать, то остаток жизни превратится в вечное воспоминание и сожаление.

– Я с вами, – кивнул Лекс. – Только не тормозим, делаем все быстро, четко и оперативно.

Индевять не обманул, он действительно знал резидента «Армады», одного из трех, решавших вопросы организации в США. С его помощью наемников нашли очень быстро. Отряд из трех десятков человек за пятьсот тысяч должен был прибыть на метеорологическую станцию и поступить в распоряжение богатых заказчиков.

– На рассвете будут, – сказал Индевять, закончив переговоры. – Вывезут нас на американскую авиабазу под названием Туле, тут

недалеко. Оттуда военным самолетом перекинут на базу Эндрюс в США. Доберемся до Нью-Йорка, осядем в Квинсе, а там нас никакой Эйзентрегер не достанет.

– А пока у нас есть время выяснить, что там за программы у нас установились, – сказал Лекс. – Спутник, расскажи поподробнее про комплекс программ, которые ты установил. Это действительно антивирус для «Стакса»?

Оказалось, что этот комплекс действительно был антивирусом. Для той модификации «Стакса», которую сделал Лекс и которая содержала угрозу для абстрактного носителя, использовавшегося спутником. Антивирус распознавал те части «Стакса», которые прописывались на жестком диске, и стирал их.

Оставалось только расширить базу и прикрутить к ней анализатор. Для их команды дело нескольких дней, может, недели.

– Кажется, мы сорвали куш, парни, – объявил Индевять. – Теперь главное – его не упустить.

– Почему мы едем в Нью-Йорк? – спросил Словен.

– Потому что там «Армада» прикроет, это раз, – начал перечислять Индевять. – У меня там есть знакомые федералы, которые помогут с документами, это два. Там находятся все деньги мира, и там мы отыщем любых покупателей, это три. В Квинсе, а точнее в Джексон-Хайтсе, нас вообще никто не найдет, если мы сами этого не захотим, это четыре.

– Я ни разу не был в Нью-Йорке, это пять, – добавил Жан.

– Ждем до рассвета, когда приходят наемники, скидываем винты в воду, уходим со своими носителями, – распорядился Лекс.

– Что-то охрана суетится, – задумчиво заметил Андерс, глядя в окно. – Бегают, словно в задницу ужаленные.

Но никто не обратил на эти слова внимания.

На рассвете возле базы появились три вертолета – два британских «Уэссекса» и один «Ми-8». «Уэссексы» приземлились метрах в тридцати от крайнего блока, в котором жили охранники. «Ми-8» хищной птицей кружил неподалеку от прибрежной полосы.

Отряд военных, высадившийся из многоцелевых «Уэссексов», проследовал на территорию базы, не встретив никакого сопротивления. Охранники базы, завидев вооруженных гостей, сделали вид, что никого не видят и не слышат. Один из них только подошел к ним, для того чтобы показать на блок, в котором обосновались хакеры.

Это была первая странность, на которую обратили внимание хакеры.

Вторая странность случилась, когда несколько наемников вошли в комнату, где сидели их заказчики, – и направили на них оружие.

Далее странности закончились и начались закономерности. Один из наемников, по всей видимости, старший, поставил перед хакерами ноутбук с двумя миниатюрными камерами и включил видеомессенджер.

Когда прошло соединение, на экране появилось лицо Эйзентрегера. Сначала он вглядывался в свой монитор, видимо, рассматривая лица хакеров, потом сказал:

– «Армада» – один из давних и надежных союзников Четвертого рейха. Поэтому ваш контракт с ними выполнен не будет. У меня появилось к вам очень много вопросов, и очень скоро я непременно задам их. Лично. А пока, как у вас говорят, ваши права администраторов аннулированы. Конец связи.

Наемник захлопнул крышку ноута, что-то тихо сказал своим напарникам и вышел из комнаты.

Жан попытался встать, в лоб ему тут же уткнулось дуло М-16, и он плюхнулся обратно в кресло.

Наемники, их было пятеро, рассредоточились по комнате, держа хакеров под прицелами автоматов.

– Слышь, братан! – спросил Индевять у одного из наемников. – Ты в Тора-Бора был? У меня там брат уже год…

– Заткнись, – посоветовал ему наемник на ломаном английском.

Вернулся старший, вместе с ним какой-то черноволосый тип, похожий на цыгана. Оба пробежались глазами по хакерам и почти одновременно уставились на Лекса.

– Ты, – сказал брюнет по-русски и ткнул в Лекса пальцем. – Пошли со мной.

– Куда?

– Пошли!

Брюнет сорвал с его уха наушник и дернул Лекса за рукав. Андерс, извиняясь, развел руками – ему явно не хотелось корчить из себя героя.

Лекса отвели в соседний блок, в комнату, где еще вчера жили Алина и ее немецкая няня. Здесь он остался под наблюдением брюнета и еще двух наемников. В окно он увидел, как наемники вывели из блока Индевять, Словена и еще двух хакеров и сопроводили их в спальный блок. Разделяли команду. Грамотно.

Блондин плюхнулся на кровать, достал сигареты, закурил, с наслаждением выпуская дым в потолок. Другие наемники вели себя более дисциплинированно – один сел у входа, второй напротив Лекса, рядом с окном.

– Ты русский? – спросил Лекс у брюнета, стараясь говорить как можно дружелюбнее.

– Серб, – ответил тот.

– Хорошо по-русски говоришь. С нами был серб. Его убили.

– Мне плевать, – равнодушно произнес брюнет. – Если спросишь, как меня зовут или что-нибудь в этом духе, я выбью тебе прикладом пару зубов.

Наладить дружеское общение не получилось. И Лекс решил идти ва-банк.

– Если вы выполните наш контракт, вы получите сто миллионов.

– Чего? – Серб приподнялся, его лицо выражало искренний интерес к словам хакера.

Напарники серба хоть и прислушивались к разговору, но явно не понимали, о чем идет речь.

– Свяжитесь с российским отделением «Армады», – уверенно сказал Лекс. – Меня знает Мусорщик, он подтвердит, что я отдам деньги. В течение нескольких дней. «Армада» получит сто миллионов долларов только за то, что выполнит свою работу и доставит нас в США.

– Откуда у тебя такие деньги? – недоверчиво спросил серб.

– Ты когда-нибудь слышал про вирусы серии «Стакс»? Я их разработчик. Я автор первых поисковых программ, на основе которых были сделаны спутники. У меня хватит денег, чтобы рассчитаться с «Армадой» и с тобой лично. Миллион тебе и сто «Армаде», если вы выполните свои обязательства.

Серб колебался, но пилюля оказалась достаточно сладкой для того, чтобы процесс колебаний не длился слишком долго.

Он поднялся, вышел из комнаты. Вскоре вернулся вместе со старшим. Лексу вернули наушник, едва он надел его и включил, как старший спросил:

– Как ты выплатишь деньги?

– Пять миллионов немедленно и остальные в течение нескольких дней, может быть, недели, – твердо ответил Лекс.

Серб перевел старшему слова хакера.

– Я спросил: как? Откуда ты возьмешь столько денег? – пояснил старший.

– Это мое дело.

– Нет. Это наше дело. Мое начальство хочет знать: где ты возьмешь сто миллионов?

Лекс постучал пальцем себе по голове.

– Отсюда. Я создал первый вирус серии «Стакс», а теперь я создал антивирус к нему. Я проведу сделку с компаниями, которые производят антивирусы. «Касперский», «Доктор Веб»,

«Нод»… Если «Армада» прикроет меня и выступит гарантом сделки, то она получит доллар с каждого проданного обновления, а я думаю, это больше, чем сто миллионов. Кроме того, я знаю, как взломать поисковую программу «Спутник», поэтому поверь, я стою гораздо больше, чем сто миллионов.

Пока Лекс это говорил, он внезапно ощутил приступ гордости за самого себя. ЧСВ – чувство собственной важности – на мгновение чуть ли не до небес взлетело.

Серб перевел все слова Лекса, и старший кивнул. Судя по его морде, решение начальство уже приняло. Не говоря ни слова, старший вышел.

– Ну так что? – спросил Лекс, заметно волнуясь.

– Сиди тихо и не дергайся, – буркнул серб.

А вскоре ответом на вопрос Лекса на базе зазвучали выстрелы.

Наемники не церемонились. Перестрелка длилась недолго, вся охрана метеорологической базы была перебита в течение какой-то пары минут.

– Все, пошли! – скомандовал серб, когда выстрелы стихли.

Во дворе к Лексу подошел старший, что-то сказал, одновременно показывая сербу знаки пальцами.

– Куда ты хочешь, чтобы вас отправили? – спросил серб.

– В США, как и договаривались.

Из блоков выводили остальных хакеров, которые пока не понимали, что происходит, и выглядели напуганными. Лекс махнул им ободряюще. Лиска, конечно же, завидев Лекса, сразу же рванула к нему. А Лекс, заметив Лиску, поспешил к старшему.

– Надо спалить тут все. Вон в том блоке слева в подсобке стоят канистры, там бензин для снегоходов. Сделаете?

Серб перевел. Старший кивнул, повернулся к своим помощникам, снова сделал несколько знаков.

Андерс, в это время спускавшийся с крыльца, заметил эти знаки.

– Они что, снова с нами? – спросил он у Лекса.

– Ага, – кивнул тот. – Сделал им предложение, от которого они не смогли отказаться.

– Это хорошо, – прокомментировал Андерс и, заметив наемников, которые тащили канистры, поинтересовался: – Решил тут пожар устроить?

– Да, – ответил Лекс.

– Burn, motherfucker, burn[10] , – пропел Индевять, видя, как наемники щедро обливают стены блоков бензином.

Когда они закончили, старший наемников протянул Лексу зажигалку. Обычную дешевую китайскую зажигалку.

– Нет, – сказал Лекс сербу. – Скажи ему, я хочу, чтобы он это сделал.

Серб перевел. Старший наемников выслушал фразу, засмеялся и кивнул. Потом подошел к ближайшему блоку и чиркнул зажигалкой.

Огонь быстро перекинулся на соседние блоки. К этому времени наемники уже вывели хакеров с базы и доставили к вертолетам.

Зашумели двигатели, вертолеты поднялись в воздух. Они пролетели над горящей метеорологической станцией, и Лекс, зажимая уши пуховым воротником куртки, думал о том, что Эйзентрегер обязательно будет недоволен и было бы забавно узнать степень его недовольства.

Через несколько часов вертолеты доставили их на американскую авиабазу Туле. Там их ждал самолет, который должен был отвезти их в Штаты.

В самолете к Лексу подошел старший наемников.

– Подготовь список тех компаний, с которыми ты будешь вести переговоры.

– Зачем тебе? Этим займутся ваши резиденты, или кто там у вас дипломатией занимается?

– «Армада» не может официально прикрывать вас. Поэтому все сделки будут проходить через меня. Я для тебя «Армада».

– Где-то я уже это слышал, – пробормотал Лекс, когда серб перевел ему слова старшего. – Хорошо, я подготовлю список.

Глава 27. Плохое настроение

Сингапур, Юго-Восточная Азия.
Офисное здание «Империал-плаза», 52-й этаж, осень 2007 года

– Здравствуйте, сэр. Проходите, пожалуйста, вас ждут.

Невысокий малаец в белом костюме открыл двойные двери из орехового дерева, впуская в кабинет седовласого мужчину лет сорока пяти. Последний был здесь частым и весьма уважаемым гостем, поскольку уверенно прошел путь от лифта до кабинета, ни на секунду не сбавляя шага.

Хозяин кабинета и всего 55-этажного небоскреба, до этого момента сидящий в кресле за столом, вскочил и устремился к двери, встречая своего гостя, словно самого близкого родственника.

Впрочем, гость не был ни родственником, ни даже другом хозяина кабинета. Всего лишь деловым партнером, но, наверное, самым важным. Или – самым могущественным.

– Господин Эйзентрегер.

– Господин Мао.

Оба свободно говорили на английском, хотя ни для одного из них этот язык не был родным.

– Какой неожиданный и очень приятный для меня визит. Выпьете что-нибудь?

– Нет.

– Кажется, вы чем-то расстроены, господин Эйзентрегер?

Лотар Эйзентрегер не был расстроен. Он был в бешенстве.

Только что его помощник Макс вернулся со встречи с представителями «Армады», где должен был выяснить, что произошло на метеорологической станции. Представители подтвердили версию, которую услышал Эйзентрегер: наемники вышли из-под контроля «Армады», расторгнув с ней контракт. Ведутся их поиски, но «Армада» не может себе позволить бросить все и заниматься поисками беглецов. Есть проблемы в Пакистане, нужны люди в Тора-Бора, недавно несколько отрядов отправились в Сомали, а ресурсы «Армады» не безграничны.

– Советник просил передать, что помнит о всех соглашениях, заключенных «Армадой» с Четвертым рейхом, и обязуется соблюдать их впредь, – сказал представитель. – Также советник просил напомнить, что «Армада» оказала немало услуг лично господину Эйзентрегеру и многим его друзьям. «Армада» надеется, что это недоразумение в Гренландии не нарушит устоявшихся связей организации с Четвертым рейхом.

Макс слово в слово передал это чересчур официальное послание Эйзентрегеру.

Эйзентрегеру очень хотелось пойти на конфликт с «Армадой» – этими заносчивыми дельцами, всего лишь поставлявшими наемников. Но…

Во-первых, «Армада» была самым большим поставщиком наемников для нужд корпораций, принадлежащих Четвертому рейху. Корпораций, которыми руководил не только Эйзентрегер, но и другие люди. Все, они, безусловно, служили Четвертому рейху и его интересам. Своим посланием советник ясно дал понять, что различает интересы Четвертого рейха и Лотара Эйзентрегера.

Во-вторых, проект с хакерами, который он затеял, был куда менее важным, чем интересы Четвертого рейха. А интересы требовали сосредоточить все ресурсы в другом месте.

Хакеры испугались, узнав, что люди Лотара убрали

нескольких человек из тех, кто отказался сотрудничать с ними. Что ж, тем лучше. Проект давно следовало закрыть. После того как из-за него наемниками Синдиката была уничтожена румынская база, некоторые коллеги Эйзентрегера стали намекать на то, что проект бесперспективный. Дело, конечно, было не в деньгах, а в ресурсах.

Хакеров найдут. Не «Армада», так другие. Убийц у рейха достаточно, и возмездие рано или поздно настигнет всех предателей.

А с «Армадой» сейчас не время ссориться. Тем более что нет никаких доказательств того, что наемники решили выполнить заказ с разрешения своего руководства.

– У меня все в порядке. Знаете, господин Мао… я передумал и, пожалуй, составлю вам компанию.

Хозяин кабинета в этот момент стоял у барного столика и наливал в бокал виски стоимостью почти в три тысячи долларов за бутылку. Когда гость указал на столик, он несколько суетливо схватил второй бокал, и это не осталось незамеченным для Эйзентрегера.

Мао нервничает. Это не в первый раз. Можно сказать, это постоянное состояние китайца во время редких встреч его и Эйзентрегера. Человек, чье состояние оценивается в несколько миллиардов, известный своими связями с китайскими триадами, чьи интересы защищала каждая третья банда в Гонконге и Сингапуре, волнуется из-за внезапного визита своего партнера, словно нашкодивший ученик.

Господин Мао был для Лотара Эйзентрегера тем же, кем до недавнего времени Север. Один решал вопросы по России и бывшим республикам СССР, второй – в Восточной и Юго-Восточной Азии. И в отличие от своего русского коллеги, господин Мао не только сотрудничал с Эйзентрегером гораздо дольше, но и ни разу не давал повода усомниться в своей надежности. Он был чист как стеклышко, верен своим обязательствам и все же всякий раз при появлении Эйзентрегера волновался, хотя и старался этого не показывать.

Еще одно отличие господина Мао от убитого наемниками русского агента-предателя состояло в легальности. Китаец был полностью, стопроцентно легальным миллиардером, сколотившим свое состояние на недвижимости и не только. Впрочем, в Сингапуре, где в прошлом веке коррупцию почти полностью искоренили, по-другому и быть не могло. Поэтому господин Мао со своими легальными миллиардами был куда полезнее, чем жадный и глупый русский, разменявший свою жизнь на эфемерные бонусы от «Синдиката Д».

Виски у него всегда превосходный. Эйзентрегер сделал глоток, прищурился, чуть поднял бокал, показывая, что пьет за хозяина кабинета. Господин Мао ответил тем же, направляясь к своему месту за столом.

Пора было переходить к делу.

– Что насчет Фархада? – спросил Эйзентрегер. – Его слова правдивы?

В апреле этого года в поле зрения Эйзентрегера попало упоминание о некоей террористической организации под названием Братство Небесного Огня. Об этой группировке не было ничего известно, во всяком случае в тех источниках, откуда черпал информацию Эйзентрегер, и все же удалось найти одного человека, связанного с этой организацией. Его звали Фархад, и в апреле ему, а точнее, его клону, спешно выращенному в лабораториях Четвертого рейха, пришлось погибнуть в автокатастрофе.

Фархада по просьбе Эйзентрегера захватили доверенные люди Мао. Его очень долго допрашивали, не только прокачивая сыворотками правды, но и применяя некоторые средневековые методы воздействия. Фархад заговорил. Рассказал он немного, но достаточно для того, чтобы Эйзентрегер сразу же обозначил для своего азиатского партнера приоритеты – найти, проверить, доложить.

– Да, мы сейчас проверяем все его показания, но, несомненно, Братство Небесного Огня действительно существует, – ответил Мао, усаживаясь в свое кресло.

Он наконец успокоился и расслабился, поняв, что визит Эйзентрегера не внесет смуты в его планы.

– Похоже, это что-то вроде Черного интернационала. Свободные художники террора, только действуют с б?льшим размахом, чем их предшественники.

– Кажется, вы упоминали, что Братство причастно к девять один один? – напомнил Эйзентрегер.

– Да, и не только к девять один один. По словам Фархада, тогда, в Нью-Йорке две тысячи первого, Братство выполняло заказ некоей группы американских нефтепромышленников из Техаса. К мажордому Братство никакого отношения не имеет.

Мажордомом еще на позапрошлой их встрече Эйзентрегер назвал Бен Ладена. Так и сказал с презрением: «Мажордом «Аль-Каиды», не решающий никаких вопросов». Господин Мао запомнил эту фразу, что, несомненно, польстило Эйзентрегеру.

– Надо найти контакты с этим Братством, – сказал Эйзентрегер, делая еще глоток виски и чувствуя, как его вкус действует успокаивающе. – Как можно быстрее.

– У нас есть кое-какие ниточки, с помощью которых мы распутываем клубок Братства, – витиевато произнес Мао. – Сегодня вечером я получу досье на человека, который является представителем этой организации. Фактически это единственный контакт Братства.

– Кто он? – спросил Эйзентрегер. – Из ЦРУ?

– О нет, он также находится на нелегальном положении, – сказал Мао. – Пока все, что мне известно, – он мой соотечественник, и его зовут Чен.

– Чем быстрее вы найдете этого своего соотечественника, тем лучше. Когда это случится – я хотел бы лично с ним встретиться.

– Конечно, господин Эйзентрегер. – Поколебавшись, Мао спросил: – Могу я задать вам вопрос? Почему Братство вызывает у вас такой интерес?

– Если хотя бы половина из того, что я о них слышал, правда, то они профессионалы самого высшего уровня. Такие люди всегда нужны Четвертому рейху, – ответил Эйзентрегер.

Мао слабо улыбнулся, чуть заметно приподняв уголки губ. Эйзентрегер заметил эту скептическую улыбку, но говорить ничего не стал. Конечно же, азиат не поверил этому ответу, прекрасно понимая, что если Эйзентрегер кого-то ищет, то не просто так, с прицелом на перспективу. Мао догадывался, что у Эйзентрегера уже есть план, как использовать Братство в своих интересах, – а Лотар в свою очередь понимал, что Мао догадывался.

Тем не менее штурмбанфюрер не собирался раньше времени посвящать в свои планы даже такого преданного сторонника, как Мао. Рано. Тем более что и сам Эйзентрегер еще не знал до конца, каким образом ему понадобится Братство Небесного Огня. Предполагал, планировал – но точно не знал. Поэтому он сменил тему разговора, спросив неожиданно:

– Господин Мао, что вы думаете об «Армаде»?

– Организация, торгующая специалистами разного профиля. – Мао пожал плечами. – Я никогда не пользовался их услугами. Привык решать вопросы напрямую, без посредников.

Мао замолчал, ожидая продолжения темы.

Эйзентрегер поднялся, подошел к панорамному окну. Вид отсюда был восхитительный. Перед штурмбанфюрером простирался ночной Сингапур, блистал огнями и великолепием. Один из самых богатых и красивых городов мира.

Даже не верится, что еще несколько десятков лет назад этот город был опутан паутиной преступности и коррупции. Всего-то и требовалось, чтобы к власти пришел не очередной жулик и вор, а человек, искренне переживавший за свою страну. Ли Куан Ю за

тридцать лет превратил Сингапур из помойной ямы в поистине райское место, крупнейший мировой экономический центр. Многим современным правителям, живущим одним днем, стоило бы поучиться у этого человека, навсегда вписавшего свое имя в историю как талантливого политика и мудрого руководителя. Эйзентрегеру оставалось только пожалеть, что с этим человеком они, по сути, находятся по разные стороны баррикад. Новому порядку, который должен прийти вместе с Четвертым рейхом, очень бы пригодились такие люди.

Молчание затянулось, и Мао украдкой посмотрел на часы. Эйзентрегер заметил это движение в отражении стекла. Что ж, Мао также занятой человек, и каждая минута его времени стоит очень дорого. Тем не менее торопить своего гостя китаец не решался, поэтому просто молча пил виски и ждал, когда Эйзентрегер продолжит.

– В Сингапуре сейчас находится один из резидентов «Армады» по Юго-Восточной Азии, – сказал наконец Эйзентрегер, возвращаясь от окна обратно к столу. – По моим сведениям, он пробудет здесь около недели, он сейчас занимается вербовкой наемников для отправки в Пакистан и для этого встречается с некоторыми руководителями триад. Я дам вам его координаты. Вы можете через ваших знакомых в «Ай-Эс-Ди» устроить так, чтобы его арестовали?

– Арестовали резидента «Армады»? Но… – Мао выглядел изумленным. – Насколько я знаю, они ваши союзники… или уже нет?

– Союзники, – подтвердил Эйзентрегер. – Эта просьба моя личная, и я хотел бы, чтобы о ней никто не узнал. Я прошу вас о дружеской услуге. Мы ведь друзья?

– Разумеется, господин Эйзентрегер.

– Хорошо. Макс вышлет вам всю необходимую информацию. Сделайте так, чтобы арест был довольно громким. Пригласите прессу, будет неплохо, если на «Армаду» повесят несколько ярлыков, вроде терроризма… Вы понимаете?

– Да, конечно.

– Спасибо. Еще раз подчеркиваю, господин Мао: эта просьба личная. Никаких хвостов, никаких упоминаний, просто служба безопасности Сингапура выполняет свою работу.

Мао кивнул, он все прекрасно понял.

Кто сказал, что профессионалам чужды какие-либо эмоции? Любой профессионал должен испытывать удовлетворение от того, что делает.

Маленькая месть «Армаде» за предательство, несмотря на то что она еще не свершилась, уже доставила Эйзентрегеру

удовольствие. Сколько они там получили от хакеров? Миллион? Два? Что ж, арест одного из их резидентов и небольшой скандал, с этим связанный, принесут «Армаде» убытков на порядок больше. Конечно же, эта неприятность для организации не будет смертельной, но щелчок по носу они получат весьма ощутимый.

Эйзентрегер поставил бокал на стол. Встреча была окончена.

Глава 28. Паутина

Форте-дей-Марми, Италия, октябрь 2007 года

Ник быстро привык к лисе и к ее «специфическим» особенностям.

Все было очень просто на самом деле. Если кто-то пытался кого-то обмануть, Ник видел у обманщика темное пятно на ауре. Чем больше ложь, чем она хитрее и изощреннее, тем больше было пятно.

Если же обмануть пытались самого Ника, то он понимал не только то, что его пытаются обмануть, но и как пытаются это сделать. Интрига разворачивала свою изнанку перед сознанием Ника и становилась похожей на выпотрошенную рыбу. Понимание приходило без визуальных эффектов. Просто в тот момент, когда Ник видел очередное пятно рядом с лжецом, разум вдруг осознавал, что попытка обмана касается именно его, а в следующую секунду понимал, как именно его пытаются обмануть.

Это было сродни озарению. Когда бьешься над математической задачкой, не понимая, как ее решать, потом вдруг на секунду закрываешь глаза, а когда открываешь – решение уже есть, и осталось его только записать.

Поначалу эта ловля людей на лжи забавляла.

Всякий раз, когда Хохол рассказывал очередную байку, его аура была усеяна мелкими темными пятнышками, словно шкура леопарда. В магазинах и ресторанах ауры продавцов и официантов были похожи на далматинцев. На улицах прохожие походили на кляксы Роршаха.

Они общались друг с другом, лгали друг другу, а Ник получал удовольствие, наблюдая за ними. Ему нравилось подмечать детали поведения, которые неосознанно проявлялись у людей, когда они лгут. Это как в покере, когда опытные игроки вычисляют элементы блефа противника: кто-то чешет нос, кто-то смотрит по сторонам или, наоборот, в одну точку. Но на такие

вычисления обычно уходит довольно много времени, Ник же сразу видел обман. Кто-то чесал нос, кто-то отводил взгляд в сторону, кто-то поправлял очки.

– Костян, скажи…

– Меня зовут Карлито.

– Извини, Карлито. Многим людям ты встречи с папой устраивал?

– Слушай, Ник, ты встретился с серым кардиналом, а это гораздо круче, чем встреча…

– Карлито, прямой вопрос. Сколько человек с твоей помощью получили аудиенцию у папы римского?

Костян-Карлито, когда врал по мелочам, чуть прикусывал нижнюю губу. Когда ложь, по его мнению, была важной, он начинал жестикулировать и вообще много двигаться. Видимо, на подсознательном уровне ему казалось, что такие движения отвлекают внимание того, кого он пытался обмануть.

– Много, я даже не считал. И не только с папой. – Карлито начал ходить по квартире, размахивая руками. – Брат жены моего двоюродного брата встречался через меня с одним из замов Берлуса, а однажды сюда Вова приезжал, так я…

– Я запутался уже после первого брата. А знаешь почему, Костян? Потому что ты мне врешь. Начиная с первого брата.

Да, было забавно.

До тех пор, пока Ник не понял, что нет ни одного человека, у которого была бы чистая аура. Врали все.

– Хохол, так сколько тебе Синка должна была заплатить за то, чтобы ты меня убил?

– Я же тебе говорил, пятьдесят тысяч…

– А ты много вообще человек убил? – интересовался Ник.

– Ну… в девяностые пришлось пострелять… – уклончиво отвечал Хохол.

Большинство волновалось, некоторые держали себя в руках. Хохол начинал сразу бурчать что-то неразборчиво, менять тему разговора.

В большинстве случаев, стоило только слегка глубже копнуть, даже лиса не требовалась, чтобы понять, что он врет. Причем иногда – не получая от этого какой-либо экономической выгоды, а просто ради того, чтобы соврать. По привычке, что ли?

Периодически в беседах с Хохлом, кроме темных пятен ауры, появлялись новые ощущения. Словно тонкая липкая нить опускалась на кожу. Неприятное ощущение. Хотелось отряхнуться, но даже если Ник это делал, ощущение не проходило.

– А что, если я скажу тебе, что Синка не заказывала тебе

убить меня? Что, если ты вообще не убивал никогда людей?

– Вот йопт! – искренне нервничал Хохол. – Это ты с помощью этой штуки узнаешь? Вот этой серебряной собаки?

– Это лиса, Хохол.

– У тебя, кстати, глаза такие же, как у нее… В смысле, не у собаки, а у Синки. Слушай, тут на днях турнир будет по холдему, не хочешь принять участие?

– Я не играю в карты.

– А играть и не надо. Надо поучаствовать и забрать приз за первое место. Кстати, а как эта штука работает?

– Никак, если ты попытаешься ее украсть у меня. Такие предметы работают только в одном случае – если предыдущие владельцы сами передают их, по доброй воле.

– А ты не сможешь…

– Я не отдам тебе лису по доброй воле.

– Нет, ну просто на один день, я бы в турнире поучаствовал…

Хохол начинал бормотать что-то неразборчивое и пытаться менять тему разговора. Лиса распознавала такие попытки как очередную ложь и не давала Нику запутаться в хитросплетениях разговора.

– Хохол! Так что тебе Синка насчет меня сказала?

Выбора у Хохла особо не было. Либо говорить правду, либо молчать.

– Сказала, что ты сладкий лох и если тебя напугать, то можно снять тысяч пятьдесят.

– И все?

– Сказала, что тебя потом еще можно подоить по мелочи. Но я тебя сейчас не дою… то есть ты мне платишь, но это же за мою работу, я ведь обеспечиваю тебе безопасность и все такое…

Итак, она не хотела убивать Ника, она всего лишь попросила Хохла напугать его и забрать все деньги. И она считала его лохом.

Неизвестно, что хуже.

Очень быстро Ник понял, что имел в виду Кирсан, когда предупреждал, что владение этим предметом – задача непростая. Видеть каждый день, ежечасно и ежеминутно нагромождения вранья, которым люди окружали себя и своих близких, не очень-то приятно.

А потом Ник впервые увидел – или почувствовал – Паутину.

Все началось в небольшом ресторанчике неподалеку от дома Карлито. Ник заходил туда иногда пообедать. Морские деликатесы, меню на русском языке, вменяемые цены на вино, и обслуга не превращалась в сплошные темные пятна во время рекомендаций каких-то блюд.

Столики в этом ресторанчике стояли плотно, а русских

посетителей здесь было достаточно много, и сначала Ник не обратил внимания на двух соотечественников, сидящих рядом.

Заказал пасту с морепродуктами. В ожидании читал подборку слухов, сделанную пару часов назад. Слухи касались анонимной группировки, которая занималась модификациями «Стакса». Последняя цель группировки, атака на «Дженерал моторс», на двое суток вывела из строя завод компании в Детройте и немного опустила стоимость их акций. Большинство не сомневалось в том, что группировка работает на спецслужбы, предположительно израильские.

При чтении выборки этих обсуждений ему иногда становилось смешно, а иногда он злился. Хотелось взять и написать хотя бы на каком-нибудь форуме, что никакому Моссаду, равно как и другим аналогичным организациям, анонимусы не подчиняются. Они не состоят на службе у корпораций, а просто выполняют свою работу, и то, что у них нет никакой идеологии, не делает их проститутками.

Но, конечно же, Ник не стал ничего писать. Во-первых, вряд ли кто-нибудь на форумах поверит в то, что написавший принадлежит к группировке анонимусов. Придется доказывать, а этого делать не стоит из соображений безопасности. А во-вторых, раньше Нику было плевать на слухи. Пусть себе сочиняют разные байки про членов группировки. Ник и сам не все про них знает. Германия, Штаты, Украина…

Всеми контактами занимается Исин, она шифрует исходящие и дешифровывает входящие, она проверяет сотни левых почтовых ящиков, а также – не проверял ли их кто-то еще. Все, что оставалось делать Нику, – это сидеть в итальянском городке, есть пасту с морепродуктами и наслаждаться жизнью, невольно подслушивая разговор двух соотечественников.

– А сколько она хочет? – спросил один из них, толстый армянин лет пятидесяти, растекшийся по стулу куском студня.

– Половину, – ответил второй, худощавый додик с унылым лицом.

– Что? Половину? Охренеть! Да она просто долбанутая стерва! У нее что, совсем крыша от кокаина поехала?

– Я то же самое ему сказал, когда узнал.

– В общем, я все понял. – Армянин поднял правую руку, будто собирался клясться на Библии. – Компромата на нее выше крыши, если семья даст отмашку, я ее уничтожу.

– Только чтобы семья не оказалась замешана в этом.

– Слушай. Ты забыл, с кем ты имеешь дело? Рунет – это я. Мнение Рунета – это мое мнение. Твой босс – мой друг, поэтому Рунет за него любую тэпэ порвет.

– Сколько?

– Пятьдесят, десять авансом.

– Хорошо, я передам.

Собеседник армянина встал из-за стола и вышел. Армянин снова поднял руку, на этот раз щелкнув пальцами, и попросил у официанта кофе и счет.

Ник узнал армянина. Владелец нескольких известных новостных порталов, преимущественно желтого оттенка. Скандалы, интриги, расследования – в общем, обычная платная заказуха и черный пиар. Постоянный, можно сказать, оптовый клиент инфотрейдеров.

Анонимусам неплохо было бы улучшить свой имидж.

План созрел быстро.

Повесив на ухо джабру, Ник негромко велел Исин найти контакты этого сетевого пиарщика и связаться с ним от имени анонимусов.

– Если не поверит, скажи ему, что в течение суток «Стаксом» будут атакованы две фармацевтические фабрики в Китае, – прошептал Ник в джабру. – И скажи, что у нас есть к нему предложение.

– Нецелесообразно выдавать ему верную информацию о предстоящих акциях, – предупредила Исин.

– Тут я решаю, что целесообразно, а что нет, – прошипел Ник.

– Хочешь, чтобы я сформировала текстовый файл или звуковой?

– Текстовый. Хотя нет! Знаешь что? Найди номер его сотового и отправь ему SMS. Прямо сейчас.

– Сообщение сформировано. Зачитать?

– Нет, пофигу. Отправляй быстрее, пока он не ушел.

Тинь-тинь. Мобильник тренькнул эсэмэской, и армянин уткнулся в табло, вчитываясь в строки. Он только что получил сообщение о том, что международная группировка хакеров, известных как анонимусы, предлагает сотрудничество.

Официант принес Нику пасту. В меню это блюдо было одним из самых дорогих, почти тридцать евро. Выглядела паста гораздо дешевле и пахла не океаном, а какими-то водорослями. Впрочем, аппетит ушел вместе с официантом.

Ковыряясь вилкой в тарелке, Ник искоса наблюдал за тем, как армянин, перечитав SMS, стал набирать ответ. Конечно же, сейчас он уверен, что это какой-то розыгрыш.

Тинь-тинь. Еще одна SMS – на этот раз информация о двух китайских фабриках, на которых сегодня или завтра накроется оборудование стоимостью в несколько сот тысяч долларов. Не бог весть какая потеря для китайских олигархов, которым

принадлежат фабрики, зато кроме неплохого гонорара акция послужит хорошим доказательством правдивости эсэмэски.

Теперь армянин явно заинтересовался. Засуетился, набрал номер, стал кому-то что-то тихо и очень быстро говорить. Ник подвинулся было чуть поближе, чтобы расслышать разговор, но в этот момент армянин бросил несколько мелких купюр на стол, поднялся и быстрым шагом пошел к выходу из ресторана.

– Попытка отследить номер телефона, – вполне ожидаемо ответила Исин.

– У них ничего не получится?

– Нет, номер уже заблокирован.

– Вот и пре…

В этот момент, глядя в спину уходящего армянина, Ник почувствовал впервые, что такое Паутина.

Что-то коснулось его лица, он автоматически махнул рукой, но ощущение не прошло, а лишь усилилось. По всему телу пробежали мурашки, потом появилось чувство, словно кожа вспотела от жары и покрылась пылью.

Ник поежился, потер ладони. Армянин уже покинул ресторан и, говоря на ходу, прошел мимо окна, за которым стоял столик Ника. Аура его едва-едва была видна, окутанная странным коконом.

Жертва, обмотанная нитями паутины.

Под ложечкой засосало. Страх, ничем не объяснимый…

Нет, объяснимый.

Действительность вдруг растворилась и превратилась в Паутину.

Десятки, сотни нитей, идущих от одного человека к другому. Тронь одну – и задрожит паутина, подавая сигнал хищнику, сидящему в засаде.

Паук где-то здесь. Соткал паутину и ждет жертву.

Стало страшно. Захотелось уйти подальше, Ник поднял руку и попросил счет.

Ждал, сидя как изваяние, боясь пошевелиться.

Официант принес счет. Обычный чек, клочок бумажки, лежащий на фарфоровом блюдце. На нем мраморная плашка, похожая на фишку казино, с эмблемой ресторана. А сверху кокон из сотен нитей, которые расползаются вокруг чека и расходятся в разные стороны, к разным людям: к официанту, к девушке у входа, к карабинеру, проходящему за окном, к проезжающей по дороге машине…

Сидя на месте и не шевелясь, Ник мысленно протянул руку и дотронулся до паутины.

Словно жало воткнулось в грудь, и ядовитое зелье проникло в

кровь.

Вот почему ему отдали лисицу.

Потому что любое взаимодействие с пауком словно выворачивает наизнанку.

Ник взял чек.

Сумма, указанная в нем, не соответствовала той, что в меню. Вместо двадцати шести евро там стояло число сорок девять.

Паутина дрожала. Жуткое чувство.

Надо было звать администратора или официанта и уточнять у них, почему сумма завышена почти вдвое. Официант стоял у стойки, а администратор отдавал какие-то инструкции бармену.

Не было никаких темных пятен. Были коконы, от которых расходились нити в разные стороны, к другим коконам. Десятки, сотни сгустков из паутины.

Вытащив бумажник, Ник бросил на блюдце пятидесятиевровую бумажку и вышел из ресторана, сдерживая тошноту.

А вечером в тот же день его ждало новое сообщение, точнее, сразу четыре, от остальных анонимусов.

Все они касались новой темы, появившейся недавно в сети. Защита против вирусов серии «Стакс». «Касперский», а за ним «Доктор Веб», «Лозинский» и другие компании, производящие антивирусы, бодро рапортовали о том, что решение защиты железа найдено. Обновление стоило всего лишь сорок девять долларов и давало гарантию, что компоненты «Стакса» будут обнаружены раньше, чем вирус начнет действовать.

И снова вокруг Ника появились нити, обматывая его и сплетая новые коконы.

Глава 29. Потуши огонь

Арктика, осень 2007 года

Огонь всюду. Языки пламени обвили ноги, как змея, выползшая из черепа лошади Вещего Олега. Огонь ласкает руки, подбирается к лицу.

Странно, почему же тогда так холодно.

Люди вокруг. Много молодых девушек. В одежде, похожей на немецкую форму, как в кино… это и есть немецкая форма. Знаки отличия, символика СС, свастика. Да, это кино. Вокруг много актеров и много огня.

Пламя бьет в лицо, хлещет по щекам и пытается задушить в своих объятиях. Но оно не обжигает, зато каждая снежинка, которая опускается на лицо, подобно капле кислоты, вызывает короткую, но острую и резкую боль в месте прикосновения. Снежинки не тают в огне. Они вообще не замечают, что вокруг огонь. Ветер кружит снежинки, безжалостно швыряет их в лицо, и десятки маленьких иголок впиваются в кожу, принося новую боль.

Очень холодно.

Медведи. Белые медведи, в блестящих металлических панцирях и шлемах, они грозно рычат, но не двигаются с места. Они такие огромные, люди рядом с ними кажутся игрушками, куклами. И все же медведи подчиняются «куклам» и даже, кажется, боятся их.

Но Ей не страшно. Она уже давно ничего не боится. Просто Ей холодно. От огня, который повсюду.

Огонь надо потушить, только нет никого, кто смог бы это сделать. Хотя… может, огонь получится потушить у этой старухи.

Старуха с лицом, изъеденным морщинами, тоже одета в немецкую форму. Удивительно, но Она знает, что форма на старухе – это форма рейхсфюрера СС.

Знает или помнит.

Старуха здесь главная. Она долго смотрит Ей в глаза и, наверное, что-то там видит. А может, и нет, это не важно. В тот момент, когда старуха заглядывает Ей в глаза, Она вспоминает.

Она вспоминает, как зовут старуху. Мария фон Белов. Родилась в 1914-м, сейчас ей почти девяносто три года.

Она вспоминает, что здесь делает старуха и эти люди в немецкой форме. Это база Ультима Туле, Арктика, северный полюс. Старуха здесь главная.

В тот момент, когда пламя с новой силой бьет по щекам, Она вспоминает то, что видит старуха.

Кристиансанд. Норвежский фьорд. Холодно, идет мелкий дождь, слезами оседающий на щеках и новенькой форме рейхсфюрера СС. Подводные лодки готовятся к погружению. Земля тает в дымке тумана.

Картина длиною в шестьдесят два года, и даже время не в силах вычеркнуть ее из памяти.

Ее куда-то ведут. По длинным коридорам, по лестничным переходам. Сначала Она спускается, затем снова поднимается.

Комната с ослепительно белыми стенами и белым потолком. Игла впивается в вену, но боли нет. Точнее, боль есть, но не от укола. Огонь бушует все сильнее, превращая тело в сгусток боли. Люди в белых халатах говорят по-немецки, Она слышит каждое их слово.

Она засыпает и видит сон, в котором…

В комнату входит Мария фон Белов и резким, каркающим голосом отдает приказ.

Ее снова куда-то ведут. На этот раз вместе с Ней идет старуха. Дорога знакома Ей, хотя чувство, что Она здесь впервые, не проходит.

Направо, прямо, налево. Вниз по винтовой лестнице, мимо бункера, из окна которого торчит тупорылое дуло пулемета. MG-42, калибр 7,92, почти тысяча выстрелов в минуту. В бункере должен находиться Ганс Шеффер или его сестра Инга Шеффер… да, Ганс. Пулеметчик Ганс, с вечно хмурым лицом, стоит навытяжку, пока мимо бункера проходит Мария фон Белов.

Она помнит все это, но не может вспомнить, откуда Она это знает, а самое главное – куда они идут. Огонь не дает вспомнить. Пламя пожирает тело и разум.

Ей кажется, что сейчас Ее приведут к тому, кто сможет потушить этот огонь, но она ошибается.

Они подходят к огромной двойной двери, обитой железом. Возле двери стоят две девушки в военной форме. Это валькирии, они охраняют вход в Хранилище, вспоминает Она.

Старуха прикладывает к сенсорной панели указательный палец. Фотоэлементы сканируют сетчатку глаза. На базе живет три тысячи девятьсот семьдесят четыре человека, и лишь у семерых есть право доступа в это помещение.

В центре двери свастика. Когда двери распахиваются, свастика делится пополам и расходится в разные стороны.

Сильный порыв ветра бьет по пламени, словно пытаясь сбить его. Это не сквозняк, ни старуха, ни валькирии не чувствуют ветра. Этот ветер находится где-то внутри, в сознании.

Мягкий, даже чуть тусклый свет Хранилища. Зал с куполообразным потолком и стенами без единого угла. Ковровая дорожка идет от самого входа к центру зала, к постаменту. Старуха ведет Ее к постаменту.

Пламя снова усиливается, убивая всякую надежду потушить его. Вечный огонь.

Постамент накрыт стеклом. Под стеклом на бархате лежат фигурки из серебристого металла. Артефакты, несущие в себе силу, созданные неведомой цивилизацией. Предметы, внутри которых жизнь и смерть.

Она знает все про них. Все, что знает старуха, все, что известно хранителям, – Она знает.

Или помнит.

Помнит, зачем Она здесь. Старухе нужен новый хранитель. Тот, кто сможет следить за предметами, беречь их, заботиться о

них. Ей нужен тот, кого не убьет энергия, содержащаяся в предметах. Энергия, которая витает в Хранилище, которая питает огонь, пожирающий Ее.

Языки огня обнимают шею, словно пытаются свить петлю. Становится трудно дышать, а еще холодно. Очень холодно.

Старуха пристально смотрит на Нее. Пытается что-то разглядеть в Ее глазах, дотрагивается своей костлявой рукой до Ее плеча, чуть подталкивает вперед.

Улитка. Самый первый артефакт, попавший к людям. Артефакт, давший человечеству огонь, не больше и не меньше. Человеческая цивилизация не знала более мощного толчка к развитию, чем получение огня.

Попугай. Артефакт, позволяющий владельцу разговаривать на любом языке, который он слышит. Универсальный переводчик, знающий все, даже давно забытые языки.

Бабочка. Предмет-метаморф. С его помощью можно менять свою внешность, не пользуясь услугами пластических хирургов. Более того, Бабочка меняет не только внешность, не только рост, вес, возраст и пол хозяина. В считаные секунды она может изменить одежду хозяина – конечно же, по его желанию.

Мангуст. Предмет в себе. Все, что о нем известно, – он блокирует Змейку, которой здесь нет.

Морской Конек. Артефакт разрушения, его хозяин может одним только взглядом уничтожить любую вещь или любого человека.

Паук. Она вдруг понимает, что из всех предметов, которые здесь есть, только о пауке Она не знает вообще ничего. И никто не знает. Из всех четырех тысяч обитателей Ультима Туле, из всех шести миллиардов жителей Земли никто не знает, как пользоваться пауком.

Ей нужна информация. Но Она не получит ее, пока горит огонь.

А значит, надо найти того, кто сможет этот огонь потушить.

Вот только Она не знает, где искать этого человека. Не знает или не помнит.

Ее снова ведут по переходам Ультима Туле. Мимо комнат для отдыха и спален, мимо лазарета с белыми стенами и потолком, мимо подсобных помещений, мимо коридоров, уходящих в темноту, мимо стальной двери лифта, ведущего в усыпальницу, где хранится тело их вождя.

Возможно, Она здесь впервые, но Она тысячи раз ходила этим путем.

Еще одна комната, заметно мрачнее лазарета, но с более ярким светом, чем в Хранилище. Длинный стол, за которым сидят

несколько человек. Среди них, в самом центре, устраивается старуха.

Ее сажают перед столом, на металлический стул, обитый песцовым мехом. Стул из-за этого похож на королевский трон, но Она не чувствует себя здесь королевой.

Ей закатывают правый рукав и что-то вкалывают в вену на изгибе локтя. Что-то? Ей вкалывают три кубика скополамина. Через полчаса вколют еще столько же, и Она потеряет сознание.

За эти полчаса Ей зададут много вопросов, но Она не ответит ни на один. А когда потеряет сознание, Ее отнесут в комнату, где Она будет находиться очень долгое время. Может, несколько дней, а может, и целый месяц.

Огонь будет полыхать все это время, не стихая ни на секунду.

А потом Ее, по приказу старухи, отведут в тоннель – мимо медицинского блока, вниз по лестнице Она в сопровождении двух валькирий пройдет чуть более километра. Путь Ее закончится тупиком, небольшой залой со сплошной скальной стеной, без единого признака дверей, ворот или какого-нибудь лаза. Она дотронется до этой стены рукой, и в ту же секунду мозг Ее пронзит информационная игла.

Боли не будет, напротив, станет тепло и приятно. Йоттабайты информации устремятся по невидимому оптоволокну на самый огромный в мире винчестер – человеческий мозг.

Сколько весит память? Со всеми воспоминаниями, гиперссылками, линками на детские мечты и сны… Места хватит на все.

И обратная связь. Стена будет впитывать информацию, как губка впитывает воду.

Это будет длиться недолго. Потом Она рухнет на каменный пол, снова потеряв сознание. А очнувшись на кушетке в медицинском блоке, Она вдруг поймет, что огня больше нет, он потушен и больше совсем не холодно.

Рядом с собой Она увидит лицо старухи, которая спросит на ломаном русском:

– Как ты себя чувствуешь, Алина?

Она посмотрит старухе в глаза и ответит:

– Ich hei?e Sin. Danke, meine Frau. Ich bin hungrig [11].

notes

Примечания

1

Священные резные буквы (англ.).

2

- Привет! Ты Русский?
- Да, брат, я русский. А ты откуда?
- Заткнись, тупой русский!
- Что? Да пошёл ты!
- Пошёл ты сам, тупая русская сука! (англ.)

3

Словен! Мужик, ты как? (англ.)

4

Давай на ножах, как мужчины (арм.)

5

Выходи, я покажу, как я ваших на Карабахе резал (арм.)

6

Йо, чувак, ты крутой стрелок. Я думал, мне конец!

Что? Мне нравиться этот девайс (англ.)

8

Ты ищешь цыгана? Он мёртв, детка, он мёртв (англ.)

9

Мы идём с ней гулять. С девушкой (иск. нем.)

10

"Гори, ублюдок, гори" (слова из песни группы Bloodhaund Gang)

11

Меня зовут Син. Спасибо, фрау. Я хочу есть (нем.)